

63.3(5Каз)46

К 98

Джон Кэстль

Дневник путешествия
в году 1736-м
из Оренбурга к Абулхаиру,
хану Киргиз-Кайсацкой Орды

517522

ФОНД СОРОС-КАЗАХСТАН

ДЖОН КЭСТЛЬ

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ

**В ГОДУ 1736-м ИЗ ОРЕНБУРГА
К АБУЛХАИРУ, ХАНУ
КИРГИЗ-КАЙСАЦКОЙ ОРДЫ**

*Перевел с немецкого
Вольфганг Штаркенберг*

АЛМАТЫ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЖИБЕК ЖОЛЫ»
1998

Кэстль Джон

- К 28 Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, хану Киргиз-Кайсацкой Орды. /Пер. с нем. В. Штаркенберга, В. Скорого (Регистр). - Алматы: Жибек жолы, 1998. - 152 стр. 13 ил. ISBN 9965-425-28-0

С 1996 года Фонд Сорос-Казахстан развивает программу «Переводческий проект», цель которой — обновление системы образования путем перевода работ по гуманитарным наукам с мировых языков на русский и казахский. В концепт проекта включается выявление зарубежных источников, составление научной библиографии, перевод и издание книг по истории Казахстана и Центральной Азии, написанных зарубежными авторами.

Предлагаемая вниманию читателя книга издана в рамках «Переводческого проекта».

Спонсором проекта является известный американский предприниматель и общественный деятель Джордж Сорос.

517522

ЭК 04

ББК 63.3 (2Каз)

К 0503020905 Без объявл.
430(05)98

ISBN 9965-425-28-0

© В. Штаркенберг, перевод, 1998
© А. Ахмедова, оформление, 1998

Дневник путешествия Джона Кэстля (John Castle), принятого летом 1736 года «из Оренбурга к Абул Гейеру (Абулхаиру), хану Киргиз-Кайсацкой... Орды», долгое время после выхода в свет (1784 г.) оставался вне поля зрения казахстанских исследователей, потому что был опубликован на немецком языке в Риге в составе книги, не имевшей, на первый взгляд, никакого отношения к Казахстану: «Materialien zu der russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peters des Grossen», Zweiter Teil, 1730 — 1741.

«Материалы» представляют собой книгу объемом 608 страниц о царствовании Анны Иоанновны (1730 — 1740) и Ивана Третьего (по числу русских царей с именем Иван) Антоновича (1740—1741) при регентстве сначала Бирона, а затем Анны Леопольдовны — матери императора-младенца. Совершив 25 ноября 1741 года переворот, императрицей стала дочь Петра Великого Елизавета Петровна.

Интересующий нас Дневник занимает в упомянутой книге 144 страницы набранного готическим шрифтом текста, 50 страниц Указателя к нему и 13 вклеек — гравированных иллюстраций. Его обнаружил и описал в 1958 году, кратко изложив содержание, историк П. Е. Матвиевский (Матвиевский П. Е. Дневник Джона Кэстля как источник по истории и этнографии казахов. «История СССР», 1958, №4, стр. 133-145). Эта публикация служила хотя и не единственным, но для большинства интересовавшихся основным источником сведений о содержании Дневника вплоть до 1996 года, когда с помощью Фонда Сорос-Казахстан был издан выполненный А. Торехановым перевод его на казахский язык («Атамұра», Алматы, 1996).

Настоящее издание — первый перевод на русский язык полного текста Дневника Джона Кэстля с Указателем и всеми гравированными иллюстрациями, осуществленный при любезном содействии Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Переводчик и редактор стремились по возможности точно воспроизвести содержание и бережно передать как авторское восприятие описываемых событий, так и написание имен, географических названий, терминов и иных характерных слов, намеренно избегая привязки к современным представлениям. Они считали недопустимым задним числом опровергать, «поправлять», перетолковывать автора, иными словами так или иначе искажать содержание своим вмешательством или комментариями, и потому предприняли попытку дать исследователям и специалистам чистый источник для работы, в котором сохранены и авторские шрифтовые выделения, и даже опiski и опечатки. Лишь в самых необходимых случаях редактор счел возможным сделать краткие подстрочные пояснения, применив для них резко отличающийся по размеру и рисунку шрифт.

При чтении Дневника, конечно, следует иметь в виду, что текст его написан европейцем XVIII века с присущими ему высокомерием и нежеланием вникать в азиатский тип жизни и мышления и потому местами в Дневнике сквозит явное недоумение и пренебрежительное отношение к увиденному. С высоты нашей истории следует, видимо, быть снисходительными к автору в его ошибках и заблуждениях и признательными за те новые крупинки знаний, которыми он обогатил наши представления о прошлом.

**Всесветлейшему величайшему князю
и великому государю**

Иоганну Третьему.

Божией милостию Императору и Самодержцу Всероссийскому, Московскому, Киевскому, Владимирскому, Новгородскому; Царю Казанскому, Царю Астраханскому, Царю Сибирскому, Государю Плескова (Pleskow)¹ и Великому Князю Смоленскому, Князю Эстляндскому, Лифляндскому, Корельскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и иных, Государю и Великому Князю Новгорода низовския земли, Черниговскому, Рязанскому, Ростовскому, Ярославскому, Белозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондийскому и всея северныя страны Повелителю, Государю Иверския земли, Карталинския и грузинских царей, Кабардинския земли, а также Черкасских и Горских князей и иных наследному Государю и Обладателю и прочая и прочая и прочая,

посвящается

а в т о р о м

**с глубочайшей покорностью
это скромное сочинение.**

---

¹Пскова.

JOURNAL

von

der Ao. 1736. aus Orenburg

zu dem

ABUL GEIER

Chan der Kirgis = Caysack

Tartarischen Horda

aus freyem Willen und blos zu dem Besten

des russischen Reiches unternommenen höchst nö-

thigen und zwar gefährlichen doch glücklich

vollbrachten

D e i s e,

bargestellet

durch

John Castle

einem Engländer und gewesenen Kunstmahler

bey der Orenburgschen Expedition.

Д Н Е В Н И К

**предпринятого в году 1736—м
добровольного и исключительно
на благо государства российского
задуманного**

ПУТЕШЕСТВИЯ

из Оренбурга к

АБУЛ ТЕЙЕРУ,

хану Киргиз-Кайсак

Татарской орды,

**крайне важного и хотя опасного,
но счастливо законченного,
описанного**

Джоном Кэстлем,

**англичанином и бывшим художником
при Оренбургской экспедиции.**

Милостивейший император и государь

Уповая на высочайшую милость и снисходительность В. императ. велич., я осмеливаюсь с исключительной покорностью повергнуть данный дневник к Вашим священным стопам. Я не пытаюсь таким образом обрести славу за недостойные заслуги, а наоборот, как иностранец хочу выразить свое почтение императорам России и предоставить В. императ. велич. случай проверить то, что, может быть, до сих пор из Оренбургской канцелярии о моей персоне не было сообщено с надлежащей ясностью. Мне неизвестно, получили ли Ваше величество сведения о том, какие я к пользе государства предпринимал различные и очень опасные экспедиции, исключительно за свой счет и без чьей-либо помощи, и были ли эти сведения правдивы и написаны на основе моих донесений, находящихся в Оренбургской канцелярии. Данный дневник составлен с целью стать публичным свидетельством моей верности В. императ. велич. и государству, коим я себя с глубочайшей покорностью посвятил, что покойный статский советник Иван Кирилов (Iwan Kiriloff)¹ не раз подтверждал. Он обещал в награду за мои заслуги направить меня к Вашему императ. величеству с отчетом о моих предприятиях. Он в разных случаях, представляя меня многим высокопоставленным лицам и офицерам, требовал брать с меня пример и служить с таким же рвением. И много раз он при этом говорил, что не может вознаградить меня за мои усердие и верность так, как я того заслуживаю! По сей день такая награда осталась пустым обещанием, вместо радости от нее я испытал ненужные огорчения, что заставило меня 14 января 1737 года написать прошение об отставке, с которым я отправил сюда своего брата. Брат

¹Кирилов Иван Кирилович — обер-секретарь Правительствующего сената, в 1734-1737 начальник Оренбургской экспедиции, созданной для хозяйственного освоения восточных территорий.

сумел добиться заседания комиссии, по рекомендации которой Высокий кабинет издал приказ об исследовании различных моих предприятий и об удовлетворении моего прошения на тот случай, если в услугах моих нет больше надобности. И все же кажется, что статский советник Иван Кирилов забыл данное мне обещание, если о моих путешествиях к башкирам и к киргизам написал не больше чем сухой отчет. В нем он ничего не сообщил, куда следует, о моих успехах, а наоборот, отнял у меня драгоценный камень весом в 62 фунта, который я нашел в Татарии (Tartaren) и отправил с башкирскими татарами (во время большого голода я купил им в марте 1763 года (in Martio Ao 1763)¹ 200 пудов мяса и перетянул их таким образом на сторону России) в Оренбург к своему доверенному, хирургу Пензенского (Pensischen) полка Роде (Rodet). Комендант Оренбурга этот камень удержал, однако позже Иван Кирилов отнял камень у коменданта и по приказу Высокого кабинета отправил его 14 марта 1737 года туда. За камень, как и за все остальные свои услуги, я по сей день не получил ни малейшего вознаграждения.

В. имп. вел., соизволите взглянуть на этот правдивый Дневник, который отличается от находящегося в Оренбургской канцелярии тем, что в нем описаны не только мое лишь путешествие и совершенные мною во время оного дела, а даны объяснения ситуаций и событий, имевших место, а также многие своеобразные и курьезные случаи! Ваша милость увидит в Дневнике, как я при описании смешиваю иногда смешные и серьезные вещи и совершенно естественно сообщаю о случившихся со мной происшествиях, так как я излагал не что-нибудь вымышленное, а неприкрашенную правду, что считаю настоящим признаком искренней верности В. имп. велич. и на что не всякий верный слуга отважится, хотя это могло и входить в его намерения. В Дневнике речь идет о совершенно достоверных событиях, правдивость которых становится еще более явной в сравнении с отчетом, находящимся в Оренбургской канцелярии. Я только сожалею, что к данному сочинению не могу присовокупить оригиналы рисунков и чертежей, изображающих восточные народы и другие достойные внимания вещи, которые я оставил в упомянутой Оренбургской канцелярии. Я прошу милостиво-

¹Опечатка? Вероятнее всего 1736.

то дозволения передать с глубочайшей покорностью не только копии этих рисунков, но и еще пять оригинальных портретов, на которых я изобразил с большим сходством хана Абул Гейера (Abul Geier Chan), находящегося в Оренбурге сына хана — Ерали Султана (Eraly Sultan), знаменитого военачальника башкир — Алдара (Aldar), дочь Алдара, а также татарского мурзу (Mursa), который является переводчиком. Я хотел бы еще добавить, что я, находясь у этих диких народов, намеревался сделать все возможное для блага Российской Империи. Эти портреты я прошу милостиво принять от меня для развлечения и удивления; они ведь за неимением кистей написаны только пальцем и рукою.

Я с глубочайшей покорностью свидетельствую перед В. императ. вел., что в продолжение моей покорнейшей верности не перестану страстно молить Бога о неустанном ниспослании крепости для роста и господнего благословения до глубокой старости В. императ. велич., и чтобы Ее императорское величество, Светлейшая правительница, и высочайший Ее супруг действовали всегда так, как В. императ. вел. того желает для своего удовлетворения. Я молю Господа о вечном благословении для них. С этим желанием я остаюсь

В. имп. велич.

покорнейший и смиреннейший слуга

Джон Кэстль.

Санкт Петербург,
1741.

Слава Российской империи заставляет многих людей во всех странах Европы (Европа) относиться к ней с особым почтением и преданностью. И я, как англичанин, не мог не предложить свои услуги великим монархам этой благословенной империи и не заключить контракт с Оренбургской экспедицией (Orenburgischen Expedition).

Я с молодых лет был убежден, что честный слуга и подданный должен стараться доказать свою искреннюю верность главным образом своими поступками. Поэтому я, после прибытия на реку Ор (Or-Strom), на берегу которой расположен Оренбург (Orenburg), когда не смог достать необходимых мне лошадей, не стал делать вид, будто я болен и не могу ничем заняться, а поставил интересы империи выше своих и делал больше, чем требовала от меня моя должность. Какой-нибудь завистливый человек, узнав, какие я себе приписываю качества, легко может подумать, что я сам себя восхваляю и норовлю иметь одни только заслуги. Но я не стремлюсь к личной выгоде и не занимаюсь пустым самохвалством, я хочу тех, кто предпочитает спокойствие настоящему усердию в частных делах и, таким образом, не приносит никакой пользы миру, призвать к подражанию. Я надеюсь, что это не грех и что я не совершаю ничего предосудительного, если то, что мне удалось сделать, я ставлю в пример другим. К тому же лицам, которые были моими высокопоставленными начальниками в Оренбургской экспедиции и коих здесь, в Санкт-Петербурге, я могу собрать довольно значительное число, очень хорошо известно, как я много раз без чужого приказа или совета, без помощи посторонних людей ставил с крайним рвением интересы императора выше своих и даже жизни своей. Это станет яснее при чтении данного Дневника, в котором я честно описываю все то, что мне удалось счастливо совершить — не для купечества, а для пользы Империи российской, — при общении с такими грубыми и дикими народами, каковыми являются киргизы и башкирские татары.

Июнь

В Оренбургскую крепость прибыли два посла и Тесаул (Gesaul), или адъютант, от Киргизского (Kirgischen)¹ хана Абул Гейера, а также один посол от Джамбек Батура (слово батур означает — герой) с письмом для коменданта крепости, подполковника Якова Фоедровича Чемадунова (Jacob Foedrowitz Zshemaduroff). Они должны были узнать, покинут город Оренбург или еще держится. Одновременно они от имени хана, чтобы приезда выглядел более обоснованным, должны были просить о направлении к ним российского представителя. Но комендант по неизвестной мне причине никого не отправил.

14-е

За время своего почти годовичного пребывания в Оренбурге я успел при помощи множества подарков и услуг привязать к себе дружескими узами и даже обязать сына хана, Ерали Султана, которого держали в качестве заложника. 14 июня я пригласил его к себе вместе с посланцами и сопровождающими их киргизами и со священнослужителем-ахуном (Aghun), по имени Монсур (Monsur) из Бухары, который находился при султани в Оренбурге.

Я старался оказывать им все формы учтивости и одарил их всем, чем мог, поэтому они наградили меня своим расположением и доверием. Я узнал, что, подстрекаемые Оттоманской Портой (Ottomannische Pforte)² стоят наготове 40000 недовольных киргизов, которые хотят, объединившись с башкирским бунтовщиком Килмеком (Kilmeck)³, выступить против Российской империи статского советника Ивана Кирилова, одолеть его и потом опустошить все земли от Уфы до Казани. Оренбург они намерены взять голодом. А хан думает усмирить своих готовых на все людей при помощи российского представителя, ибо боится, что, если его киргизы вернутся из Оренбурга без него, их объявят обманщиками и убьют, а все недовольные перебегут тут же к Килмеку.

Эти

¹Киргизами, как было тогда принято, Кэстль называет казахов.

²Турцией.

³Килмяк Нурушев - башкирский абыз и старшина Юрматынской волости Ногайской дороги, зачинатель и главный вождь башкирского восстания 1735-37 гг.

1. Султан Ерали, бухарский ахун и главный слуга султана Кудер батыр в полном вооружении.

Эти неожиданные новости показались мне опасными для Российской империи и очень обеспокоили мою душу. Поэтому я, зная, что комендант крепости не хочет отправлять с киргизами российского посланника, как того требовала крайняя необходимость, и, чувствуя себя обязанным предотвратить большое несчастье, вред и убыток империи, решился представить молодому Ерали Султану свой план: я намерен предпринять путешествие к его отцу-хану, но по дороге должен заехать в Сакмару (Sackmara) к статскому советнику Ивану Кирилову, чтобы поставить его в известность обо всем. Этот план очень понравился молодому человеку и его приближенным; они его всячески приветствовали и считали его исполнение очень нужным. Чтобы я мог побыстрее начать его реализацию, Ерали Султан попросил коменданта крепости отпустить меня на некоторое время. Он якобы соскучился по отцу, хочет, чтобы я написал его портрет с натуры и вернулся с готовой картиной.

Когда согласие коменданта было получено, Ерали Султан написал письмо отцу, в котором просил верить и доверять мне во всем. А я начал готовиться к путешествию: все свое имущество передал хирургу Пензенского полка Роде, попросив его — на тот случай, если живым в Оренбург не вернусь, — отослать мои пожитки отцу. С письмом Ерали Султана я после обеда отправился в дорогу, выбрав в качестве спутников своего немецкого ученика, по имени Дитрих Люфтус (Dietrich Luftus), четырнадцати лет, и татарского слугу, по имени Кулбей (Kulbey); полковник Тевкелев (Teffkeleff) мне его очень неохотно отдал, но они оба мне были необходимы в качестве толмачей: первый переводил мою немецкую речь на русский язык, а второй должен был переводить с русского на какой-нибудь другой нужный нам язык. С Божьей помощью мы тронулись в дорогу 14 июня после обеда. Вместе с нами были: два посла хана Абул Гейера по именам Бейбек Ауглук (Beubeck Augluck) и Шатер Бей (Schager Bey), с ними были их Тесаул, или адъютант, Калбек (Kalbeck) и Азан Абуйс (Asan Abuys) — посол Джамбека Батура. Кроме того к нам присоединились еще три молодых киргизских торговца (Kaufleute),

которые

Июнь,
14-е

14-е

Июнь, которые прошлой зимой прибыли с послом хана Бей Джан Беем
14-е (Bey Jan Bey) и которых тогда ограбили башкирские татары (Baskirische Tartarn). На расстоянии одного часа от Оренбурга мы переплыли реку Орь и направились на юг через пустыню, где не было ни деревьев, ни воды. До глубокой ночи ничего примечательного не произошло.

15-е 15 июня мы увидели большое число диких лошадей. Я убил одного жеребенка из своего ружья, а мои люди — лошадь из лука.

Мы поели их мяса, которое нам пришлось зажарить прямо на их навозе, так как у нас с собой не было котла, а воды — совсем мало. Мы в спешке ничего из Оренбурга с собой не взяли. Но наша еда получилась очень вкусная.

16-е Весь день 16 июня я передвигался без капли воды, пока не очутился снова на берегу реки Орь, которую опять переплыл на своей лошади. Слева на востоке остался старый монгольский (Mungalische) город Рудера (Rudera), о котором очень много говорят. Недалеко от него я видел заросли ивняка. Моя дальнейшая дорога пролегла по территории с множеством озер. В одном из них вода была светло-голубого цвета и имела вкус квасцов. Здесь нас покинул посол Джамбека Батура, по имени Азан Абуйс. Его имя означает, что он ученый муж. Отправляясь в свою орду, он сказал мне, что его хозяин непременно хочет видеть меня у себя и поэтому я обязан нанести ему визит. На что я ответил, что у меня нет с собой надлежащих подарков и я прошу передать ему только мой поклон. Но если он захочет мне что-нибудь сообщить, то он меня найдет у хана.

17-е 17 июня моя дорога пролегла среди холмов и гор, а 18 июня к девяти утра я оказался у первых юрт (Jurden). По случаю моего приезда был заколот баран, и во время трапезы мы пили за здоровье Ее имп. вел. Наш гостеприимный хозяин, по имени Гудер Бей (Guder Bey), недвусмысленно дал понять, что, если бы не мой приезд, они через несколько дней вместе с башкирами напали бы на нас. Они видели во мне посла и сердечно радовались, ибо надеялись, что теперь все будет хорошо и причины их недовольства будут устранены.

Среди

Среди киргизов наш хозяин был очень важным человеком, и я Игнать, поэтому оказывал ему все надлежащее уважение. У него болели глаза. Я ему рекомендовал средство от этой болезни, которое, к счастью, 18-е в небольшом количестве имел с собой: это белый порошок из мелко растертого *Sachari Canariensi albo*¹. При помощи ствола птичьего пера я ему посыпал в оба покрасневших глаза самую малость этого порошка. Он был страшно удивлен и увидел во мне еще и ученого медика. Вечером я продолжил свой путь и всю ночь видел множество юрт, разбросанных по местности. 19 числа июня я, наконец, приехал 19-е к хану, но в юрте его не застал. Оказалось, что он на своей лошади поскакал к Джамбек Батуру, до которого примерно два дня езды. Он хотел посоветоваться с ним о совместных действиях против России. За ханом послали двух нарочных, которые должны были оповестить его о моем прибытии, а пока поставили для меня бухарский (Bucharisches) шатер из белого хлопкового полотна.

Я принимал в нем бесчисленных визитеров; все они приходили, чтобы подивиться на меня и мою немецкую одежду. Некоторые ошупывали меня, мое платье и особенно брюки. Им было смешно, что брюки сидели на мне в обтяжку. Кроме того, их удивляли мои большие глаза.

Другие хотели исследовать все мои вещи, им было недостаточно простого осмотра и прощупывания. От таких «проверок качества» некоторые мои вещи изрядно пострадали, а иные и вовсе улетучились, пройдя через множество рук. На мне были английские сапожки, а под ними чулки из кожи горного козла. Их сняли с меня очень быстро и вежливо.

Одни восторгались чулками, другие — сапожками и застежками на них, третьи исследовали мои карманы и случайно нашли часы. Им захотелось узнать, что это за зверь. Я сказал, что это — не живое существо, а сделанный людьми механизм, который показывает время дня. Но это их не удовлетворило. Они бросили часы на пол, думая, что там нечистая сила. Часы таким образом, конечно, были поломаны.

Мое

¹Sachari Canariensi albo — канарский тростниковый сахар.

Июнь. 19-е. *Мое ружье, которое было заряжено, я скрыл под пледом и сел на него по-тюркиски. Но двенадцатилетний сын хана своим зорким глазом его все равно приметил, и в то время, когда я бесёдовал со своими посетителями, он тщательно исследовал затвор. Не понимая ничего в технике (эти люди не умеют стрелять без огня и фитиля), он как-то случайно нажал на курок, ружье подо мной выстрелило и попало в ногу лошади, которая стояла в 200 шагах от моего шатра. Это, очевидно, никому не нанесло большого ущерба и не вызвало беспокойства обитателей юрт. Они будто даже полюбили меня за долготерпение и чуть не приняли за волшебника: дело в том, что вышеописанное поведение гостей довело меня до такого состояния, что я схватился за голову и при этом сдвинул с места свой парик с косой и ленточкой. Все подумали, что я внезапно изменил свои естественно растущие волосы. Боясь дальнейших изменений и чудесных превращений моей головы, они бросились бежать.*

Меня это неприятно удивило, и я спросил своего переводчика, в чем дело. Тот долго смеялся и объяснил причину поведения людей. Мне ничего не осталось сделать для их успокоения, как совсем снять парик с головы и показать, как он надевается и как его носят. Они доверчиво смотрели на меня, брали парик в руки и, громко смеясь, надевали его друг другу на головы. Позже приходили еще другие и просили показать им столь необычный головной убор. С большим удовольствием они надевали парик и смеялись. Этот случай помог мне добиться их расположения и доверия.

Все, что у меня было с собой в качестве подарков, как-то: иголки, ножи, зеркала и другая мелочь, я им отдал, и даже пуговицы на моем сюртуке не выдержали их любопытства и исчезли все до единой. После обеда меня пригласил в свою юрту хозяин моего шатра Тунайча (Tunaitscha). Там брат хана и старейшины поздравили меня с приездом и не экономили на кобыльем молоке, своеобразном нектаре киргизов. А вечером они со мной прощались, говорили всякие комплименты и обещали, что хан скоро вернется. Ночью они закололи годовалого барашка и предприняли магические действия при помощи ко-

стей

стей этого барашка, после того, как все, я в том числе, кости эти обглодали. А матия происходила следующим образом: все кости сложили вместе в латунный котел, поверх костей поместили голову. В черепной шов вставили тонкую стреловидную палочку, в *расщеп* которой (*Sutura sagittali oder Feil-Nath*) был прикреплен маленький кусочек красной тафты, так что она стала похожа на корабельный флажок. В каждую глазницу бараньей головы вставили свечу.

Июнь.
19-е

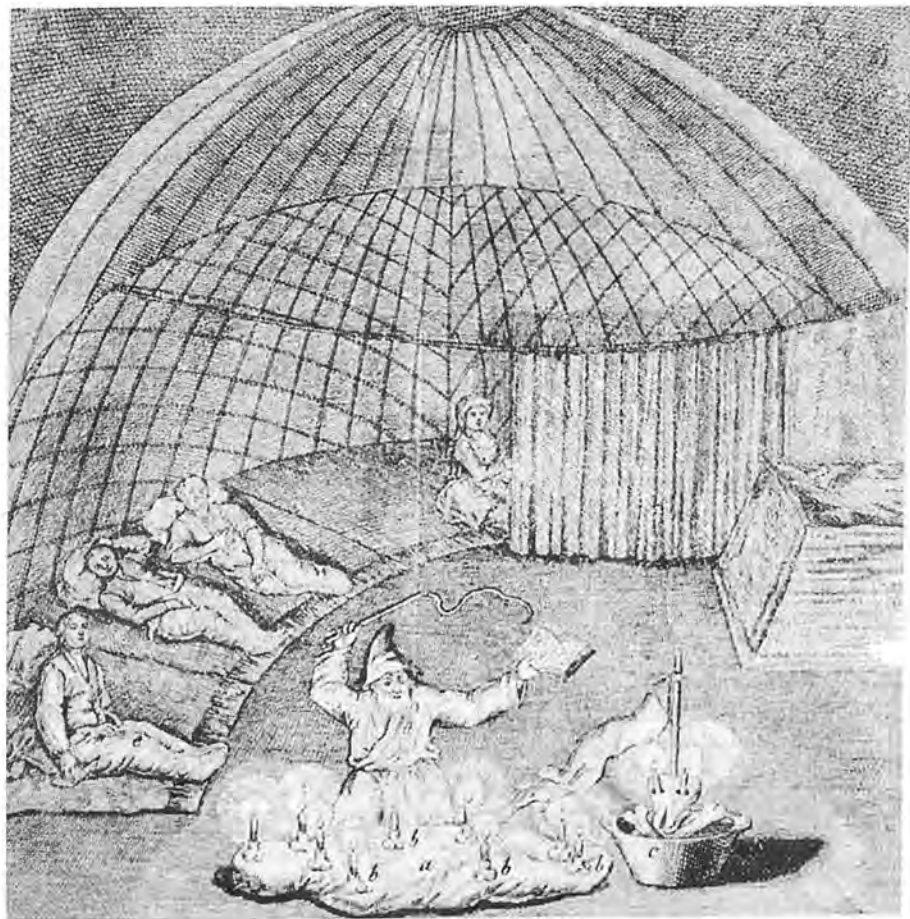
Мой вышеупомянутый хозяин Тунайча разделся доната, его завернули в белое полотно и положили на спину. Он лежал не в состоянии двигаться; его ноги показывали на дверь. На нем было 9 горящих свечей: одна на лбу, по одной на каждом предплечье, на каждой ноге и каждом колене, одна на груди и одна на животе. Своего рода подсвечники были сделаны из расколотых на две части бараньих ног, так что из каждой ноги получились два подсвечника. Все одиннадцать свечей были из бараньего жира, а фитилями служили узкие полосы, оторванные от старых хлопковых рубашек. Священник, или мулла (*Mulla*), совершал свой обряд на арабском языке, стоя на коленях и держа в одной руке плетъ, а в другой — книгу странного характера. Он свистел и громким голосом, страшно при этом жестикулируя, велел нечистой силе покинуть всех честных мусульман (*Muselmänner*), чтобы им открылась истина в отношении моей персоны: принесет ли мой приезд счастье или нет. После того, как все свечи, догорев, потасли, кости вынесли на поле, там их сожгли, а пепел собирали. Мулла над этим пеплом долго наклонялся, а потом что-то пророчествовал, но его предсказания остались в тайне от меня. Судя по выражению лиц и по жестам людей, нечистая сила не была настроена против меня. Ко мне подошла девушка в возрасте около 20 лет. Она обратилась на татарском языке, упала к моим ногам и сказала, что она русская христианка. Ее отец был кузнецом в Яицком городке (*Jaick-Stadt*), откуда 10 лет назад ее увезли киргизы. Она совершенно разучилась говорить на своем родном языке и просила меня через переводчика освободить ее из плена. Из жалости я ее просьбу выполнил бы, но по разным причинам не смог себе это по-

зволить:

Июнь. зволить: во-первых, кроме нее было еще несколько русских пленников, которые тут же обратились бы с такой же просьбой ко мне, во-вторых, я бы навлек на себя ненависть всего киргизского народа (Kirgisischen Nation). Поэтому я через переводчика объяснил ей, где расположен Оренбург и как можно туда попасть, преодолевая степь и реки. Она внимательно слушала и запоминала дорогу на свободу. И в самом деле: через год она появилась в Оренбурге с двумя лошадьми и вскоре вышла замуж за одного сержанта Пензенского полка. Я могу еще сообщить, что недалеко от юрты хана берет свое начало река Деен (Deen-Strom), ведь до гор Махашел Айрук Тау (Mahaschell Ayruck Tau) совсем близко. Эта река потом делится на три протока, по берегам которых киргизы перемещаются из-за хороших кормов. Она впадает в реку Жем (Jemm-Strom), которая в свою очередь берет начало на расстоянии четырех с половиной дневных переходов от Оренбурга в горах, похожих на два поднятых крыла, а недалеко от маленького города Гурьев (Gurioff) впадает в реку Яик (Jaik-Strom). Та потом впадает в Каспийское море (Caspische See). Оставшуюся после пророчества муллы ночь мы проспали вблизи юрты хана.

20-е 20 июня чуть свет все три сына хана заставили меня проехать с ними верхом на близлежащую гору. Там старший из них велел мне слезть с коня, что я и сделал. Но когда молодые люди остались сидеть в седлах и хотели оттуда со мной говорить, мне это не понравилось и я потребовал, чтобы они также спустились на землю, они этого не сделали, и тогда я опять сел на свою лошадь, только мои переводчики стояли. После таких церемоний старший из сыновей поинтересовался, каково здоровье Ее имп. вел. и как себя чувствует статский советник Кирилов. Затем он прямо сказал о том, что они твердо намерены сдержать слово, данное когда-то Ее имп. вел. Я поблагодарил его за это и заверил всех в высочайшей милости. К обеду мы вернулись к юртам, и там опять закололи барана, но по обычаю мне его сперва показали, дали пощупать, чтобы убедиться, что он здоров. Потом все просили Бога воздать дарителю барана сторицей. На этот раз вместе

II. Ночное колдовство по случаю приезда Кэстя: автор с двумя переводчиками, хозяева юрты.

со мной обедал Нияз Султан (Nyas Sultan), один из братьев хана. Июнь. После обеда меня отвели к новому хозяину, старому человеку, кото- 20-е
рый рассказал, что он сегодня отвечает за прохладность воздуха в
преддверии возвращения хана. Но мне показалось, что старик в та-
ком искусстве не очень избалован успехом. Я ему не поверил и выс-
меял его, потому что стояла убийственная жара. После приезда хана
я спросил старика, почему он не охладил воздух. Он ответил, что по
старости проспал нужный момент. Этот ответ показался мне смеш-
ным, и я попросил его посвятить меня в искусство охлаждения возду-
ха. В награду я обещал ему отдать все, что он пожелает. Но хитрый
старик возразил, что секрет этого не так уж большого искусства не
может быть открыт мне, ибо я не мусульманин. А если я стану веру-
ющим мусульманином, то, может быть, воздух мне повинуется. Я
пытался убедить его, что я уже мусульманин, но старик мне не пове-
рил и отказался посвятить в свои профессиональные секреты.

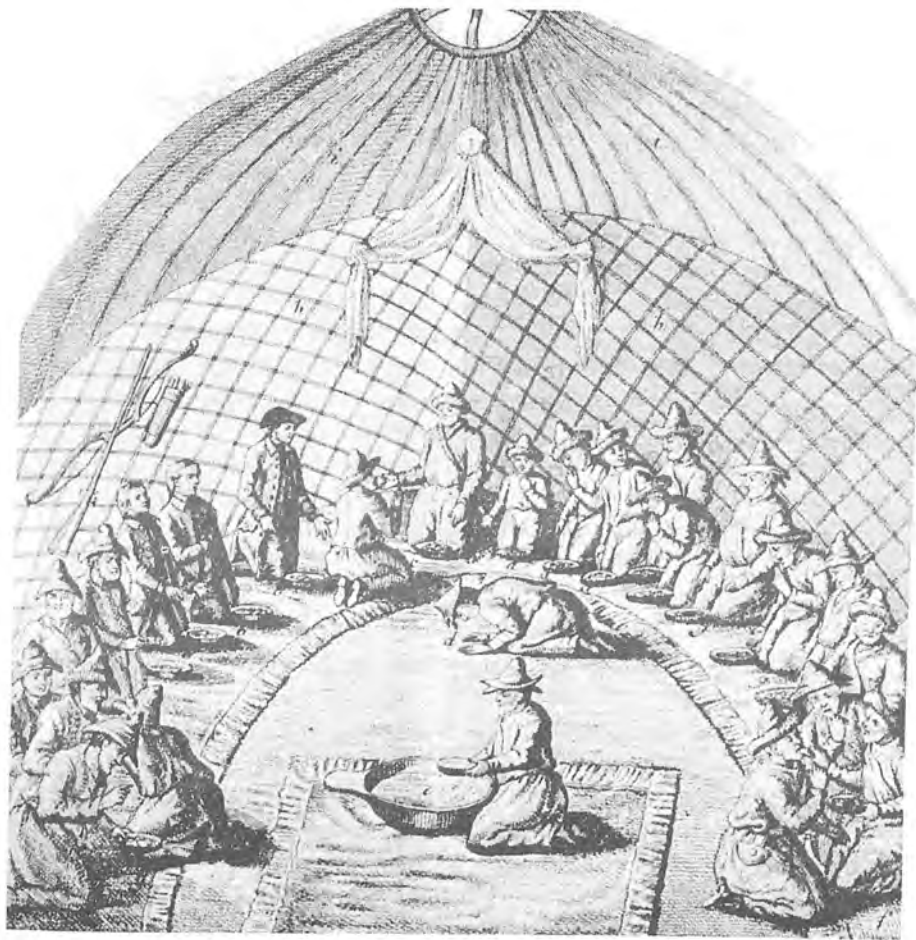
Вечером прискакал нарочный и сообщил, что на следующее утро
прибудет хан. Ко мне в шатер пришел Бейбек (Beubeck), который
был послом хана и вместе со мной выехал из Оренбурга. Он передал
мне привет хана, справился о моем здоровье и дал понять, что хан
уже здесь.

Утром 21 июня я увидел в головном уборе моей хозяйки большой. 21-е
но необработанный рубин Палле (Rubinen-Palle). На мой вопрос, отку-
да он и сколько стоит, она не знала ответа. Таких камней якобы очень
много в Бухаре. В обмен на мой перочинный нож она этот рубин от-
дала. Рано утром опять пришел Бейбек, передал от хана привет и его
желание увидеть меня в немецкой одежде и верхом на коне. Я тут же
оделся и поехал к нему. Меня пригласили в белый бухарский шатер и
сказали, чтобы я в нем ждал, пока не закончится прием многочис-
ленных посетителей, которых хан терпеливо выслушивал. Почти каж-
дую минуту он присылал ко мне человека и справлялся о моем здо-
ровье. Мне принесли мелко нарезанную конину и кобылье молоко.
Мяса было так много, что я угощал им почти насильно всех присут-
ствующих в шатре. Меня спросили, как я намерен выразить хану

свое

Июнь, свое почтение, по-своему или согласно местному обычаю? Когда я 21-е сказал, что не знаю местных правил, вызвались сразу несколько человек, готовых меня научить. Они показали, как следует опуститься на колени и как надо три раза лбом коснуться пола перед ханом. Но мне такое проявление почтения было не по вкусу, и я сделал вид, будто не могу так быстро научиться гнуть спину, а про себя подумал, что будет очень уместно, если я буду приветствовать его так, как это делается в России у великих князей. Через полчаса Бейбек и еще один человек при большом стечении народа взяли меня под руки и вывели из шатра. Примерно в десяти шагах от юрты хана они попросили меня постоять с минуту, а адъютант, или на их языке тесаул, пошел доложить обо мне. После этого было разрешено сделать шесть шагов и опять надо было стоять и ждать возвращения адъютанта из юрты. Когда тот наконец появился, меня довели до входа в юрту и оставили одного. В следующий момент я почувствовал толчок сзади и оказался в юрте.

Прямо напротив входа сидел хан. На нем была ситцевая одежда в полоску. Рядом с ним сидели два его сына и брат Нияз Султан, а кроме того в юрте находились старейшины. Я снял свою шляпу и сделал троекратный реверанс на французский манер перед ханом и всеми другими присутствующими. После этого я опять надел шляпу, и меня попросили присесть. Я обратился к хану со следующими словами: «Статский советник Иван Кирилов оставил меня прошлой зимой в Оренбурге, где мне выпала честь познакомиться с Вашим сыном Ерали Султаном и другими знатными киргизами. Поэтому я решил приехать сюда, чтобы удостоиться чести увидеть великого хана в добром здравии и предложить ему свои скромные услуги на тот случай, если хан захочет через меня что-нибудь передать Ее имп. вел. или статскому советнику». За эти слова хан поблагодарил меня от своего имени и от имени всех присутствующих. Он спросил, как здоровье Ее имп. вел., и хотел знать, как себя чувствуют статский советник Иван Кирилов и полковник Тевкелев. Продолжая свою речь, он сказал, что очень рад видеть во мне русского человека, который помогает ему ос-

III. Аудиенция Кэстля у хана.

Июнь.
21-е

вободить подданных от ложного представления, будто Оренбург уже покинут всеми русскими. Одновременно он рад представившейся возможности во всеуслышание сказать о том, что не может быть и речи об объединении некоторых его подданных с бунтарем Килмеком против русских. После этих слов я снова поклонился хану и воспользовался случаем, чтобы описать заслуженную военную удачу Её имп. вел. у Азова (Assow), а также в Крыму (Crimm) и на Кубани (Cubanen), где все добровольно перешли под высочайший имп. скипетр. Когда я говорил, хан слушал не очень внимательно, но, кажется, был доволен. Мы беседовали еще на другие темы, а потом он меня кормил, самолично подавая баранину прямо в рот, и угощал кумысом (Cumis) — так у них называется кобылье молоко. Через три часа хан меня отпустил, коснувшись правой рукой моего правого плеча, что служит у них проявлением уважения и большой милости. До шатра меня провожал почетный конвой из 20 человек, но он не сумел помешать большой толпе зевак, которые хотели приветствовать меня. А выглядело это так: под видом почтительного приветствия они по своему обычаю ощупывали меня, отчего на моей одежде осталось очень много киргизских тербов, т.е. эти люди, не зная ни ложек, ни вилок и ножей, едят только руками и тербы остались в виде пяти жирных пальцев. Одежда моя после такого приветствия была вся испачкана и отчасти даже порвана.

22-е

22 июня мы с ханом поехали к его любимцу, по имени Теберде (Teberde), где нас кормили и во время еды развлекали музыкой, которую играли на балалайках (Balalaiken). По дороге хан занялся охотой. Большую птицу, намного сильнее орла, которую они на своем языке называют пикурт (Pickurt)¹ и которая сидит на одной из лошадей на специальной раме, прикрепленной к седлу, отпускали всякий раз, когда в степи появлялись дикие лошади или козы. Птица бросалась на этих животных, вцеплялась своими когтями им в глаза, так что они ничего не видели и их легко можно было убить. Я удивился жестокости птицы, но прямо-таки восхищался ханом и его лоша-

дью

¹Беркут.

Июнь. дью (которую он мне потом подарил), как он — подобно дикой козе —
22-е мчался по степи за этими быстроногими животными, достигал их и
хлестал своей плетью.

23-е 23 июня мы встали чуть свет и в течение трех часов двигались
вместе с ордой. Наши с ханом лошади шли рядом, и, когда мы с ним
оказались совсем одни, он, указывая на одну гору, сказал, что если Ее
имп. вел. соизволит построить на ней крепость, то она будет неприс-
тупна и ни один враг ее не возьмет. Хан также дал понять, что возве-
дение крепости на юго-восточном направлении для Ее имп. вел. было
бы очень выгодно. А когда я спросил, почему, то хан сказал, что в
этом регионе можно найти не только золото, но и очень много драго-
ценных камней. Я сделал вид, что это сообщение меня не заставило
задуматься, и, когда хан это заметил, он еще более чистосердечно
рассказал, как его предки в этих местах добыли большие богатства, но
последующие поколения об этом забыли. Я продолжал притворяться,
будто меня это не очень интересует, и спросил непринужденно, встре-
чаются ли в этих местах также вода и лес. На что хан ответил, что
таких богатств здесь избыток. К нам присоединился немолодой уже
человек, по имени Беймаратбейла Батур (Beumaratbeyla Batur),
который уверял меня, что готов отправить в Оренбург 1000 овец, если
статский советник это прикажет, а хан добавил, что он знает челове-
ка, который мог бы пригнать туда 2000 овец, пусть статский совет-
ник только скажет. После этого разговора мы с ханом приехали в
другую орду, где поели. Под вечер вместе с ханом и братом Джам-
бек Батура Тулеком (Tuleck) мы возвращались к нашим юртам. По
дороге хан отвел меня в сторону, поблагодарил за визит и выразил
надежду на успех своих собственных усилий отвлечь людей от похода
на Россию (Rußland); он сказал, что с ними надо быть очень осто-
рожным. Он просил меня простить ради его самого его людям, что
они со мной так грубо обращались. Я ему сказал комплимент и обе-
щал простить. Но на самом деле я должен был терпеть множество не-
удобств не только днем, а и ночью, так как люди приходили ко мне
запросто, будили меня, когда я спал, только потому, что хотели взгля-

нуть

нута на меня, потрогать. Принимая во внимание, что мое присутствие Июнь. помогло хану осуществить свои планы, мне пришлось проявить тер- 23-е пение. Я хотел завоевать расположение этих людей, принимал всех, кто ко мне приходил, дарил одним зеркало, другим ножницы, иголки и прочие полезные вещи. Вечером для меня опять поставили шатер, и на ужин пришли Тулек и брат хана Нияз Султан. Девушки принесли нам в фарфоровых мисках еду из кухни жены хана, султанши (Sultanin). Состояла она из нарезанной конины и риса, варенного на овечьем молоке и залитого бараньим жиром. Но в этом рисе было так много волос, что аппетит у меня быстро пропал.

24 июня с восходом солнца пришел ко мне Тулек Батур, чтобы 24-е попрощаться: он собирался домой в свою орду. При прощании он просил меня замолвить у статского советника словечко за него и его брата и пообещал прислать через два дня своих старейшин к хану Абул Гейеру для совещания. Весь день хан сегодня провел в другой орде, а вернувшись вечером, послал за мной, потому что хотел устроить мне аудиенцию у султанши и пригласить вместе с другими женами на семейный ужин. Пол в его юрте был устлан тонкими персидскими коврами. Сам он восседал на красивой подушке из бухарского бархата под трехцветным балдахином из красно-желто-белого флера. Слева сидели три его жены под таким же балдахином. Старшая жена, султанша, расположилась во главе, на первом месте. На ней было платье из красного шелка, украшенного золотыми цветами. На голове — высокая, похожая на турецкую чалму повязка с золотой вышивкой. Обе другие жены были одеты в красный бухарский бархат с белыми ситцевыми повязками на голове, каждая из повязок в развернутом виде была, по-моему, не короче 20 аршин (Arsinen). На ногах у всех у них были сапожки из зеленой тонкой шагреновой кожи. В юрте, кроме того, сидела, но уже не под балдахином, молодая калмычка (calmuckisches Mägdchen), одетая в черный бархат, которая исполняла на бандуре (Bandoir) русские песни. Напротив хана устроились пожилой человек и подросток: старик играл на турецкой балайке (türkische Bolalaike), а мальчик — на нотайской двухструнной

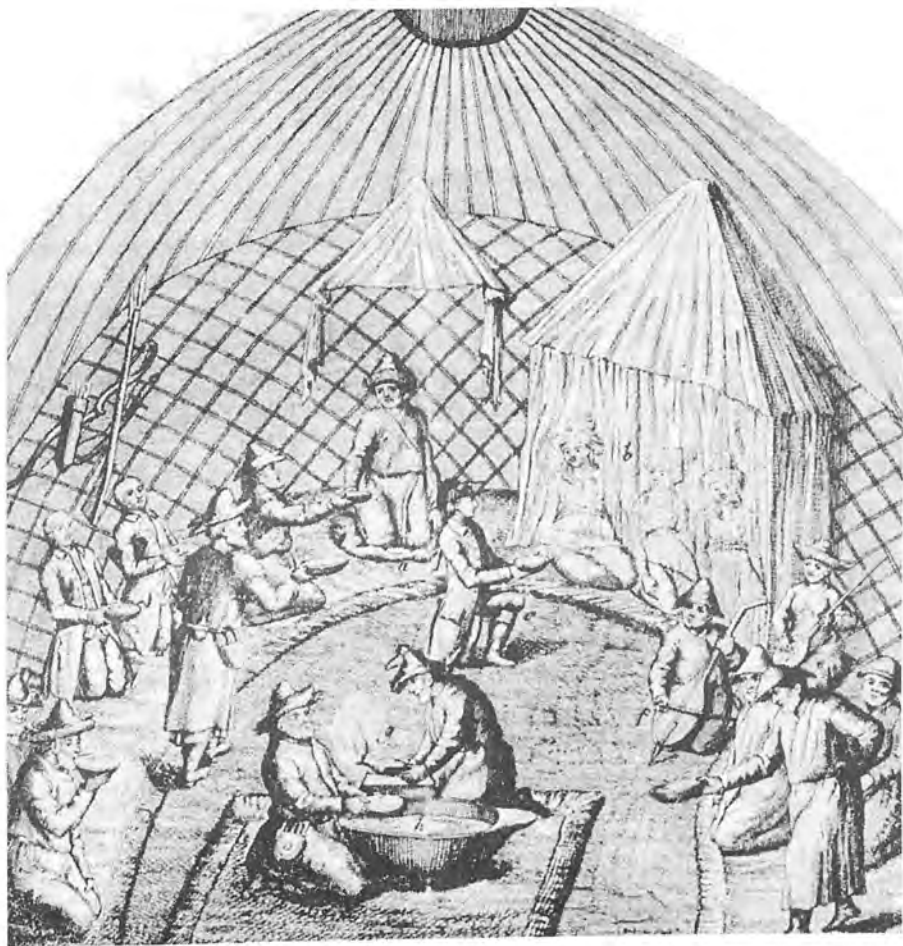
скрипке

Июнь. скрипке (Nogaische Violine). В трех шагах от хана, у светильника, в 24-е котором горел бараний жир, расположились старшины. В середине юрты стояла деревянная посуда емкостью в четыре ведра. В ней находился их напиток, а именно кобылье молоко, или кумыс. Когда я вошел в юрту, хан дал мне понять, что сегодня вечером я должен быть веселым, именно для этого меня пригласили. Он попросил меня сесть и собственноручно угостил напитком. А я в свою очередь начал передавать подарки, которые специально привез:

- 1) портрет Ерали Султана, находящегося в Оренбурге;
- 2) вышитый золотом коврик для совершения молитв;
- 3) серебряную шкатулку, наполненную бальзамом;
- 4) кошелек с золотой каймой, в котором были зажигательное стекло и 1000 иголок;
- 5) 4 английских ножа;
- 6) 4 зеркала.

Из всех подарков первые два были, конечно, самыми приятными. Мать не могла насмотреться на портрет сына: она целовала его со слезами на глазах и была просто тронута, когда я сказал, что написал этот портрет по распоряжению Ее имп. вел. Все были очень рады, что удостоились такой большой милости. Матерью изображенного на картине ханского сына была сама султанша, и она выразила свою радость, самолично подав мне мисочку с кобыльим молоком. Из мясных блюд к этому ужину подали мелко нарезанную конину и баранину. Чуть позже султанша попросила меня показать какой-нибудь русский танец, но я извинился и сказал, что я не умею этого, а чтобы танцевать на немецкий манер, мне нужна женщина. Такое обстоятельство послужило поводом для оживленных дискуссий, в ходе которых меня спросили, сколько у меня жен и детей? Я ответил по правде, что я еще не женат и тем более — детей у меня нет. Мой ответ поверг их в исключительное изумление, они просто не хотели верить мне. По их мнению, человек не может жить без жены. Но я на собственном примере доказал им обратное. Они принимали меня за человека небедного, поэтому выразили предположение, что европейские женщи-

IV. Аудиенция Кэстля у ханши, которой он передает подарки.

ны очень дорого стоят, потому что очень редки. У них же, рассуждали они, есть такое преимущество, как дешевизна женщин: за хорошую девушку надо платить, слава богу, не больше, чем 20—30 кобыл, и самое важное при таком обмене — кобылье молоко. Эти люди не знали денег и не понимали, что цена чего-то может измеряться денежными единицами. Я им, конечно, сказал, что цену своим дочерям они определяют весьма для меня странным образом. Кроме того я не мог не выразить им своего восхищения быстротой, с которой они поглощают пищу. Еще раньше я заметил, что киргизы, подобно птице казуар (Casuary), набирают в рот целую горсть мелко нарезанного мяса весом от 1 до 2 фунтов и проглатывают его. Я сказал хану, что, согласно немецкой поговорке, по еде можно судить о проворстве человека, на что он ответил, что его люди, хотя и умеют быстро есть, но быстро и долго работать не умеют. Другое дело — русские: те едят медленно и поэтому на работе выносливее. Хан от нектара, или кобыльего молока, уже немножко захмелел, но я не переставал выведывать его истинные намерения и хвалил сверх всякой меры достоинства киргизского народа, хотя таковых еще не заметил. Хану это очень нравилось, и он спросил меня как человека, который много путешествовал и видел: что я думаю о его стране и бывают ли страны лучше этой? Я чуть не сразу же ответил, что в его стране я получил полное ощущение ада, ведь в ней я не встретил ни леса, ни воды, ни травы и ни хлеба — одни только холмы, и надо очень далеко уехать, чтобы увидеть хоть что-то из первых трех весьма необходимых предметов, а последний — вообще невозможно увидеть, потому что хлеб здесь не едят. Но начав льстить хану, пришлось продолжать, и я сказал, что небу не было угодно, чтобы я родился киргизом, а то бы я обладал вместе с ними самыми хорошими баранами, красивыми жеребятами и самыми отборными лошадьми. Я жил бы под открытым небом и ежедневно менял бы место жительства, отчего мог бы назвать своей большую территорию. Хану это так понравилось, что он, теребя бороду, громко сокрушался по поводу того, что я плохо знаю их язык.

Мне показалось, что я на верном пути и уже не будет трудно до-

биться

- Июнь. биться кое-чего. Решив завоевать расположение и старшей жены
- 24-е хана, я вынул из кармана заранее приготовленные краски и кусок кожи и начал писать пальцем свободной руки портрет хана. Он получился очень похож, и ханша (Chanin) в восторге заметила, что лицо ее супруга и мой портрет схожи как две капли воды. За ужином и разговорами время прошло незаметно; мы успели порядком выпить и обсудить несколько проблем в непринужденной атмосфере, так что пора уже было отходить ко сну; около полуночи хан великодушно разрешил мне удалиться, и я вернулся в свой шатер.
- 25-е 25 июня мы с братом хана Нияз Султаном поехали в другую орду и побеждали там вместе с ханом и одним из старейшин по имени Чак-Чак Букумбей Батур (Tscack-Tschack Buckumbey Batur) и с Акмалей Батуром (Ackmaley Batur). За обедом было решено наказывать по моему указанию тех воров и бунтовщиков, которые украли у русских лошадей и верблюдов возле Оренбурга, а если русские потребуют, то даже выдать их.
- 26-е 26 июня вся орда передвигалась на конях в течение трех-четырех часов, так что поесть мы успели только ночью.
- 27-е 27 июня рано утром мы были уже верхом и через некоторое время остановились, чтобы только в полночь возобновить движение. Днем хан проводил судебное разбирательство. Обстоятельства были таковы: один из подданных хана угнал у другой орды 40 кобыл, был пойман и приведен к хану. Тот, не теряя времени, собрал старейшин, и скорый суд вынес такое решение: угнанных кобыл отдать, а вора наказать хорошей поркой, что тут же было исполнено.
- 28-е 28 июня мы опять не смогли поесть раньше полуночи. А днем произошло несколько курьезных случаев, о которых я не могу не упомянуть. Еще 17 июня я описал, как лечил больные глаза Гудер Бя, позже мне удалось удалить бородавки на руках хана. Я понемногу выжиг их, применив серный порошок и нитки. Успех медицинской деятельности принес мне такую славу, что киргизы увидели во мне искусного врача и прониклись каким-то странным доверием. Пришел, например, тот наказанный поркой похититель чужих кобыл и просил

снять

снять боль в спине во что бы то ни стало. У меня никаких таких лекарств с собой не было, и я велел намазать ему спину бараньим навозом. Пришел также Абуис (Abuys), или ученый муж (его принимают за такового, потому что он умеет читать и писать), и потребовал, чтобы я провел особый курс лечения. С ним случилось несчастье: был слишком близок с одной из жен хана, что само по себе еще могло обойтись, если бы хан самолично не увидел это. Но теперь Абуис, заслужил смерть. Хан, однако, смиростивился, потому что не хотел убивать грамотного подданного. Он распорядился лишить его орудия преступления. Наказанный таким способом грешник пришел ко мне, как к знаменитому *медику*, с просьбой приделать обратно его мужское достоинство. Мне стало жутко, но я не хотел терять завоеванного доверия и назначил лечение пеплом из навоза диких кобыл. Пациенту лекарство понравилось, оно почему-то действительно остановило кровотечение. Моя слава стала еще больше, а Абуис благодарил бога за то, что в его стране имеются подобные лечебные средства. Позже я, однако, узнал о смерти этого бедного человека, наступившей через три дня, — очень уж грубо была проделана первая операция.

29 июня послы Джамбек Батура нанесли мне визит вежливости, вот их имена:

Утебей Батур (Utebey Batur);

Тулеке Мурза (Tulecke Mursa);

Маллавай Утегисум (Mallaway Uttegisum);

Шимекай Кушелак (Schimekay Kuschelack).

Они воспользовались случаем, чтобы заверить меня, что они обязательно сдержат присягу верности, принесенную Ее имп. вел. Я тоже выразил им свое уважение и сказал несколько приятных слов, после чего они откланялись, попросив на прощание замолвить за них слово у статского советника.

30 июня хан послал за мной, потому что приехали старейшины Джамбек Батура — он хотел совещаться с ними в моем присутствии. Старшего и более знатного звали Бей Саубей (Bey Saubey), а другого — Бубурак Батур (Buburack Batur); он в течение пяти лет был послом у калмыков. Оба передали со мной приветы статскому советнику

Июнь ку и просили заверить его в их верности: они обязательно сдержат 30-е данное ему слово. После этих заверений и по прошествии примерно получаса я попрощался с ними и вернулся в свой шатер. В полночь мне и моим переводчикам принесли кусок холодной конины, но я его не принял, так как пришлось бы по местному обычаю собственноручно кормить всех собравшихся у меня 50 человек. Под видом отсутствия аппетита я предпочел этого не делать.

Июль. 1 июля хан устроил в мою честь большой пир, на который были 1 приглашены знатные люди из всех трех орд. Я уже довольно долго жил у них, но выбор пал на этот день, потому что наступило новолуние и именно в это время они предпринимает что-нибудь важное. Теперь я понял, почему кто-то из старейшин хана расспрашивал меня как человека, якобы все знающего и понимающего, о фазах луны и когда можно ожидать новолуния. Про себя я посмеялся тогда, удивляясь тому, что они не понимают очевидных вещей: для них важны только Полярная звезда и деление мира на четыре части. Никто из них, кроме абуйсов, ученых мужей, не умеет читать и писать. Праздник начался с того, что они попросили Бога помочь им сохранить вечную верность Ее имп. вел. После этой церемонии начался пир, в течение которого были съедены две лошади и восемь баранов, и выпито очень много кумыса. В мой шатер принесли немного мелко нарезанной конины. В честь праздника хан назначил в качестве награды новое платье тому из молодых людей, кто первым доскачет на лошади до определенной цели. Приз получил мальчик 12 лет. После пира хан послал за мной большую свиту своих людей, и когда я пришел к нему, то увидел, что все присутствующие, в том числе и гости, были пьяны. Но несмотря на это, они в моем присутствии специально пили мисочку за мисочкой кумыса за благополучие Ее имп. вел., за здоровье статского советника Ивана Кирилова и полковника Тевкелева. Они хотели и меня довести до такого же состояния, но я постарался отступить с достоинством. Перед тем как уйти, я записал имена тех, кто дал клятву верности Ее имп. вел.: они сами мне их продиктовали; вот они:

Амудек Бей

Амудек Бей (Amuleck Bey).
 Беш Бей (Besch Bey).
 Тохтара Бей (Tochtara Bey).
 Умре Бей (Umre Bey).
 Орал Бей (Oral Bey).
 Кокахул (Kokachul).
 Тилов Бей (Tiloff Bey).
 Кошара Бей (Koschara Bey).
 Азан Батур (Asan Batur) и
 Джаик Бей (Jaick Bey).

Июль,
 1-е

Когда я возвращался в свой шатер, калмыцкий посланник, судя по интонации, отпустил мне комплименты на своем языке. Киргизы не захотели перевести его слова, а может быть, им это даже запрети-ли, поэтому я не смог ответить этому человеку. Ближе к вечеру изъя-вили желание встретиться со мной сестры Ерали Султана. Вслед за своими слугами они вошли в мой шатер и в качестве подарка пере-дали кислое овечье молоко. У них была одна-единственная просьба: чтобы я передал привет их брату в Оренбурге и кланялся от них стат-скому советнику. Старшей из барышень было 7 лет, а младшей — 3 или 4 года. Я подарил им несколько сот иголок и другую мелочь и, когда они ушли, лег спать. Но от голода заснуть не удавалось. На просьбу накормить меня хан ответил, что ничего не осталось, так как старейшины, а было их около 500, все съели.

Так получилось, что я, ради кого был устроен весь этот пир, ушел с него голодный.

2 июля хан спросил меня, как я поеду обратно — прямо на Орен-бург или через Сакмару (Sackmara)? Я ответил, что поеду самым коротким и безопасным путем к статскому советнику Ивану Кири-лову. Тут хан начал жаловаться, что комендант Оренбурга запретил ему кочевать со своими людьми вниз по реке Ор; он поэтому не знает, что делать, и у него нет иного выхода, как возвращаться назад. Но мне-то было хорошо известно, что киргизы из-за кормов и топ-лива вынуждены передвигаться со своими отарами вдоль рек — вся

остальная

Июль. 2-е. остальная их земля состоит из пустынь, и я ответил ему, что Оренбург специально построен для них как место, где можно торговать. Слова подполковника надо поэтому понимать как проявление заботы о подножном корме для лошадей расквартированных в Оренбурге солдат, и хану следует двигаться дальше, чтобы на пастбищах осталась трава. Хан меня хорошо понял и сказал, смеясь: «Ты честный мужчина и говоришь правду, как статский советник Иван Кирилов». Его старейшины повторили эти слова и все вместе, включая Мурзу (Mursa), выпили за мое здоровье. Я тоже выпил бы с ними, если б мой голодный желудок это позволил или если бы было чем-нибудь закусить. Они целый день не кормили меня, только прошлой ночью принесли миску с конским жиром, который у киргизов считается большим деликатесом. Они способны съесть его по 3-4 фунта. Этот жир вызывает у них сильное потоотделение и положительно влияет на процесс пищеварения, что весьма кстати при питании только кониной. Но я этот жир есть не смог и отдал охранявшим меня киргизам. Те съели его с большим удовольствием. Ранним утром знакомый мне молодой киргиз принес мешочек с сухим овечьим молоком, которое я охотно принял и сразу начал есть, чтобы восстановить свои потерянные от голода силы. Этот человек хотел, очевидно, отблагодарить меня за то, что его и еще несколько других киргизов я во время визита к башкирам в марте 1736 года освободил из плена, в котором они оказались, попав в Оральских горах (Oralische Gebirge) в руки башкирских татар, когда вместе с киргизским послом Бей Джан Беем направлялись в Россию. Они отрекомендовали меня киргизской нации как человека, достойного уважения. Он подарил мне также готовальню в футляре, полагая, что имеющийся там циркуль заменит мне вилку. Где-то он слышал, что в Европе люди едят не пальцами, а пользуются за столом каким-то прибором. Ему казалось, что он сделал мне большой подарок, но в то же время он смеялся, говоря, что киргизы счастливее европейцев, так как не должны привыкать к таким приборам, а могут есть пальцами. Я не стал с ним спорить, лишь поинтересовался, откуда у него эти «вилки». В ответ он перечислил

ряд своих подвигов, среди которых было и нападение на богатый русский караван несколько лет назад. Как часть добычи Господь ниспослал в его руки этот футляр с готовальней. Начальником каравана был тогда, кажется, полковник Гербер (Gerber)¹. Я принял подарок с удовольствием и подкрепился сухим молоком, оно показалось вкусным по сравнению с кореньями, которыми я пробовал питаться, но из-за горечи не смог их глотать. Должен заметить, что от сухого овечьего молока чувство сытости никак не приходило. Так что я был не на шутку озабочен состоянием своего желудка, но ничего не мог поделать, ведь за деньги здесь ничего не купишь, да и хан обиделся бы. Но радостное известие о том, что на следующий день мы двинемся дальше, заставило меня забыть о голоде.

Июль.
2-е

3 июля орда кочевала в сторону реки Орь: на обед меня пригласил Бостаби (Bostaby), а Теберде предоставил на ночь свой шатер. Здесь я удостоился странной чести: вопреки всем местным обычаям пришли, когда я уже лег и почти заснул, две не совсем молодые девушки, одна — калмычка, а другая — красивая татарка. Они запросто разделись при свете сальной свечки и начали мыться с головы до ног. Я сделал вид, что это мне неинтересно, и даже заснул. Но девушек это не смутило, они без приглашения залезли ко мне под одеяло. Я спал крепко и ничего не чувствовал, но утром, проснувшись, испугался, когда обнаружил девушек рядом — одну перед собой, а другую — позади. В завершение приключения я быстро смылся из шатра, но потом страдал от того, что мой хозяин Теберде посмеивался надо мной. В свое оправдание мне оставалось лишь сказать, что моя религия таких вещей не допускает.

3-е

4 июля Теберде пригласил меня зайти к нему в юрту. Он просил извинить хана за то, что тот надолго меня задержал, и ничего не говорить об этом статскому советнику. Он подарил мне 9 волчьих шкур, а моему переводчику — 4 шкуры корсаков, или степных лис, и одну лисью шкуру. В 9 часов прислал за мной хан, и, когда я пришел, он и

4-е

его

¹Речь идет о караване полковника артиллерии Гарбера, отправленном из Астрахани в Хиву в феврале 1732 года. Ограбленный в степи за Яиком, Гарбер возвратился, не достигнув цели.

Июль, его старший сын уже сидели на конях. Хан отвел меня в сторону и
4-е просил передать статскому советнику, что он хотел бы иметь в Орен-
бурге жилье, что он намерен отдать всех своих сыновей на службу Ее
имп. вел. и что ему не понадобится возле себя столько людей, сколько
полагалось и разрешалось бы. Он надеялся, что таким образом полу-
чит возможность не только лучше держать своих людей в узде и уре-
зывать немножко слишком большую их свободу, но и стать незаме-
нимым для Ее имп. вел., тем более, что он намеревается уговорить сво-
их соседей, хивинцев (Gewinser) и бухарцев (Bacharen), подчинить-
ся Ее имп. вел. Они последуют его примеру и очень быстро перейдут
под российский скипетр, когда увидят, как хану удастся держать сво-
их людей. Хан просил меня передать все это как можно скорее пол-
ковнику Тевкелеву, который уже в курсе дел, и статскому советнику.
Кроме того, он сказал, что хотел бы иметь портрет Ее имп. вел., с
помощью которого надеялся повлиять на своих людей в хорошем
смысле, просил написать портрет своей жены и предложил мне по-
ехать в качестве его посла в Бухарию (Bucharïen): он проникся ко
мне большим доверием и думает, что я лучше и более умело, чем
кто-либо, смогу представлять там интересы Российской империи, а
таким образом и его, как я это доказал во время своего пребывания у
них к большому удовлетворению его людей. Я поблагодарил хана и
просил извинить меня за то, что такое большое и важное поручение
не могу принять без разрешения моего начальства и поэтому должен
сперва поехать к нему. Я пообещал выполнить все его просьбы, и
даже те из них, ради которых мне придется возвращаться сюда. Хан
после этого пожаловался, что он не богат, так как вынужден отдавать
все недовольным и поэтому самым беспокойным из своих людей, ко-
торых он таким образом держит в повиновении. После беседы хан
попрощался со мной, подарив мне лучшего своего коня, о котором я
еще 22 июня написал, что во время охоты он дотоняет диких коз.
Впоследствии башкиры три раза крали эту лошадь, но каждый раз
она возвращалась ко мне, пока не погибла от полученных ранений.
Хан подарил мне, кроме того, 30 шкур корсаков и 6 лисьих, а моим
переводчикам

переводчикам — по одной лошади и 6 шкур корсаков. Вместе со старейшинами он проводил нас на расстояние двух верст, а его брат и старший сын — на расстояние пяти верст. По дороге я выстрелил в воздух из своих пистолетов, и это им очень понравилось, ведь они еще не видели, как стреляет немецкое оружие. Было около 9 часов утра, когда я, сопровождаемый посланцами всех трех орд, начал свой путь на северо-северо-запад (Nord-Nord-West), обратно в Россию. В течение 4-5 часов мы ехали среди юрт, а сопровождали меня 14 послов. Вот их имена:

Бейбек Батур (Beybeck Batur)

Шатербей Батур (Schagerbey Batur)

Сендифлет (Sendiflet)

Курмандей (Kurmandey)

Акмалей (Ackmaley)

Лака (Laca)

Мамет (Mammet)

Алтей (Altey)

Калбек (Kalbeck) — гесаул Абул Гейер хана и

Леппис (Leppis) — посол Джамбек Батура и прочие.

Рано утром 5 июля меня пригласил на обед Куттел Махометсин Гуссел Джагхолд (Küttel Mahometsin Ghussel Jaghold), обещая накормить русским блюдом, чем возбудил мое крайнее любопытство. Но приехав к нему, я увидел всего-навсего их простой так называемый бишпермак (Bischpermark), или мелко нарезанную конину, только на этот раз заправленную солью. На обеде присутствовал Курпе Нарден (Kurpe Narden), которого все считали умным человеком. Он подарил мне кусок старого войлока, чем очень меня обрадовал, ведь я ночью от холода не мог спать. Около девяти утра я отправился в путь и опять ехал мимо большого скопления юрт. Почти из всех выходили люди и давали сопровождающим меня киргизам что-нибудь съестное. Наш альянт, или гесаул, Калбек для укрепления своего авторитета начал работать плетью, заставляя людей вынести нам из юрт побольше продуктов на дорогу. Но его не так поняли и отогнали. При-

шлось

Июль, 5-е шлось брать его под защиту, и тогда преследователи вежливо попросили у меня прощения. Калбек вел себя со мной очень искренно, по росту ему бы стать прусским гвардейцем, но телосложение его служило живым отображением наших доротих времен: тело казалось состоящим из одних костей, кожи на нем было так мало, что даже не хватало, чтобы закрыть зубы. Но при всем том он был очень проворным адъютантом. Когда все юрты остались позади, мы сделали привал на берегу одного соленого озера. К нам подходили отдельные семьи и взволнованно сообщали о неких людях, которых видели. А к вечеру прошел слух, что сын Алтара (Altar), по имени Мизер (Miserr) находится недалеко в степи с группой из 2000 башкир, которые подчиняются мятежнику Килмеку и хотят объединиться с киргизами. Я испугался не на шутку и потребовал от сопровождающих меня киргизов вернуться к хану Абул Тейеру. Но они заверили, что их хан сделает все для того, чтобы задержать этих людей. Мы еще говорили, когда к нам приблизились на хромящих лошадях 12 молодых киргизов с бледными и испуганными лицами. Я велел узнать причину их состояния, и они ответили, что сами не знают, что произошло и где они находятся, на реке Яик или на реке Ор, и кто так внезапно напал на них. В подтверждение своих слов они предъявили шкуру убитой лошади и куски оставшегося мяса. Продолжая их расспрашивать, я получил достоверные сведения о том, что из орды Джембека исчезли 88 человек и из другой орды — 80; пока оставалось неясным, куда эти люди подались — в Оренбург или к башкирам. Я дал молодым киргизам по их просьбе немного табака и несколько иголок. Из событий этого вечера я без труда заключил, что намечавшееся объединение Килмека и его башкир с киргизами было вполне осуществимо, но почему-то не состоялось. Позже я узнал, что те 88 человек от Джембек Батура и 80 из другой орды направились в сторону Оренбурга, но там их разогнали русские казаки. Таким образом я могу смело утверждать, не претендуя на славу, что в очень удачное время поехал к хану и помог предотвратить объединение всех орд с башкирами.

6 июля

6 июля мы покинули берег соленого озера и направились на север. Июль. По дороге посол Бейбек высказал свое мнение о причине неудавшегося объединения: в этом регионе все друг друга боятся. Ближе к обеду мы убили безоаровую козу (*Bezoar-Ziege*)¹, я имею основание так ее назвать, поскольку в разных естественнонаучных собраниях как в Англии, так и в Голландии я уже видел кости и скелеты безоаровых коз. Мои спутники сказали мне, что иногда в этих козах можно найти камни неизвестного назначения. За неимением дров мясо жарили на конском навозе. Когда удалось найти немножко болотной воды, мы нарезали мясо, сложили в деревянную посудину, которая заменяла нам котел, залили водой, покрыли раскаленными камнями и таким образом сварили до готовности. Эту пищу мне подавали как большой деликатес.

7 июля мы поднялись до восхода солнца и в 8 часов уже были у истока реки Орх. Там посол Джамбек Батура по имени Леппис и два посла Абул Гейера распрощались с нами, чтобы вернуться. Они опасались, что статский советник задержит их надолго. К десяти часам мы сделали привал возле маленьких озер: одно называлось Каргалет (*Kargalet*), другое Илек (*Uleck*). Здесь обитало много диких лошадей и коз, они буквально закрыли собой землю на несколько верст, кроме того, мы обнаружили старые языческие захоронения. Забавы ради я велел раскопать одно из них — оно оказалось очень глубоким, мы нашли там человеческие и конские кости. На шее человеческого скелета была надет на серебряной проволоке печать из белого индийского агата (*Agat*), изображающая пеликана с двумя детенышами. Очень странно, что серебряная проволока рассыпалась у меня в руке. Печать я взял с собой. В 2 часа пополудни мы двинулись дальше, и я распрощался со своими двумя переводчиками, которых отправил в Оренбург. Кроме конвоя (*Сопвоу*) из трех человек, я дал им письмо коменданту, в котором описал свои дела и приключения. Чернил у меня не было, и писать пришлось кусочком свинца по бумаге. С переводчиками и конвоем я отправил, кроме того, в Оренбург своих лошадей и все подарки. С оставшимися

¹Безоаровый, или бородатый, дикий козел *Capra aegagrus*.

Июль, тавшимися восемью киргизами я направился на северо-запад, и следующую остановку мы сделали только в полночь. По дороге нигде не нашлось воды. Здесь не могу не заметить, что киргизы не пьют какую попало воду, если обстоятельства не принуждают к тому. Поэтому у них всегда с собой овечий сыр, очень сухой и по форме напоминающий русские бобы. Несколько кусочков сыра они помещают в специальный сосуд, изготовленный из кожи верхней части конской ноги, причем дно сосуда состоит из той части кожи, которая ближе к бедру, а торлышко — из той, что ближе к колену, поэтому оно суживается. Сыр еще дома заливают водой и закупоривают сосуд травой. Каждый киргиз прикрепляет такую фляжку к седлу, и, перемешиваясь с водой, сыр размягчается и от тряски превращается в жидкую массу. Она не только утоляет жажду, но и питательна. Однако прежде чем ее пить, надо снять сверху слой образовавшегося масла, который считается большим деликатесом и предлагается уважаемому человеку. По дороге меня несколько раз кормили таким маслом, запихивая руками прямо в рот. Каждый раз мне становилось плохо от большого количества волос, находившихся в этой массе, поэтому я глотал ее с закрытыми глазами. Лицо мое было сплошь измазано жиром.

8-е 8 июля мы поднялись до восхода солнца и быстро доехали до реки Кубелек (Kubeleek), впадающей в Яик.

9-е 9 июля мы 4 часа двигались по выгоревшей степи до реки Обелек (Obeleek), которая также впадает в Яик. Она была очень мелкая, и мы быстро переправились через нее. По ее берегам росли березовые деревца. Там было ужасно много комаров.

10-е 10 июля двигались по берегу реки Яик в западном направлении. Вдруг мы увидели двух животных и уже предвкушали радость от предстоящего пира, который были намерены устроить для своих голодных желудков. Но сперва надо было поймать их и приготовить. Приблизившись, мы увидели, что это лошади, да еще ручные и, по всей вероятности, русские. Но именно такие были нам нужны, ведь наши очень устали. В тот день стояла такая жара, что можно было умереть, и мы еле держались в седлах.

11 июля я убил одним выстрелом неизвестного мне зверя, похожего на сурка. Когда я разделял его, заметил группу людей, которые нас только что увидели, как и мы их. Они быстро удалялись, кроме одного. Он показался мне башкиром. При себе имел лук, стрелы, саблю, огниво и удочку. Я даже узнал его, он был из племени Тангаур (Tangauer), и я не только видел его прошлой зимой у башкир, а даже записал имя в свою записную книжку: его звали Бейхоша (Beyhoscha). Я взял его в плен только после того, как он выпустил в меня все свои 30 стрел, а я ранил его лошадь в голову, чуть выше глаза. Она поэтому не смогла ускакать, и он побросал свое имущество и сдался, когда приблизились мои киргизы. В этой местности оказалось много змей. Одну я убил и измерил: в ее длине моя ступня поместилась 12 раз. Воздух был сегодня холодный, шел сильный дождь.

12 июля я не мог спать от холода, дождя и голода и поэтому продолжал путешествие вдоль берега реки Яик.

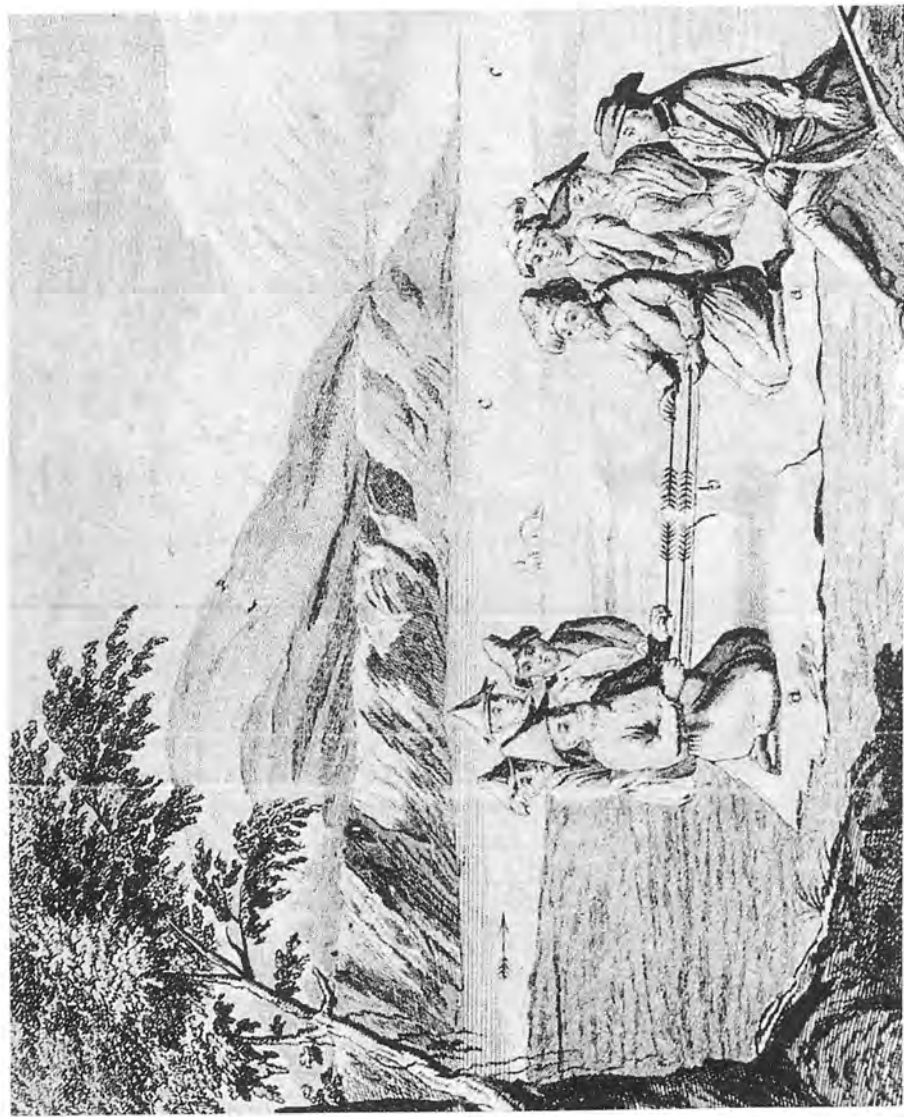
13 июля погода оставалась неприятной, что меня не устраивало, так как я не был одет соответственно. Мои люди увидели башкир и попросили меня держать ружье наготове. Мы стали преследовать башкир, но не смогли догнать. Наш пленник попытался ударить к своим, но его раненая лошадь была не в состоянии быстро бежать и кроме того выдавала его своим громким ржанием. В этот день мы выехали к широкой и быстротекущей реке. Киргизы хотели переправляться через нее, но я взглянул на свою карту и заметил, что выше по течению мы ее уже переплыли. Я распорядился готовиться к ночлегу.

Утром 14 июля мне ничего другого не осталось, как ехать вместе со своими людьми вверх по течению реки; так они ночью решили. Но потом смутились, потому что эти места были им незнакомы. Выйти из положения решили при помощи гадания, в них ведь живет прирожденное суеверие. Для совершения определенных процедур пришлось вернуться к тому месту, откуда приехали, т.е. где мы делали привал. Гадание происходило следующим образом: два киргиза опустились друг против друга на колени, предварительно подостлав войлочную подстилку. В каждой руке они держали по стреле остриями к телу.

Июль. телу, оперенные же части стрел были состыкованы с оперенными ча-
14-е стями стрел сидящего напротив человека, так что возникало впечат-
ление, будто это две длинные стрелы. Держа свои стрелы очень креп-
ко, они начали бормотать какие-то арабские слова, ожидая опреде-
ленных знамений. Если бы качнулись стрелы справа, мы могли спо-
койно продолжить свой путь, а если слева — мы должны были вер-
нуться назад. Вышло так, что пришлось возвращаться. Из веток, кото-
рые за неимением топоров нам пришлось наломать руками, мы по-
строили своего рода плот. На него осторожно погрузили наше имуще-
ство, т.е. фактически только седла. Так как я плавать не умел, меня
привязали к хвосту лошади, и благодаря ей я счастливо преодолел
водный барьер — реку Яик. На другом берегу мы попали в густой лес,
в котором не было тропинок. Из-за уже упомянутого отсутствия то-
поров мы вынуждены были прокладывать дорогу силой наших рук, и в
полночь вышли, наконец, на берег озера. Тут пришлось остановиться
— от усталости мы валились с ног. Несмотря на ужасный голод, нам
удалось поспать.

15-е 15 июля утром двинулись в путь и вдруг наткнулись на хижину от-
шельника. Его самого не было, но в жилище мы нашли котел, рыбо-
ловную сеть, топор и несколько копченых рыб. Последние нам очень
пригодились. Мы отдохнули, и перед дорогой следовало отблагодарить
хозяина, однако мои люди решили забрать имущество отшельника.
Мне удалось их отговорить. Сказав, что здесь живет дервиш
(Derwisch), или святой, я положил возле иконы Божьей матери, кото-
рая в хижине находилась, в знак нашей благодарности и как плату за
съеденную рыбу 25 копеек и несколько иголок, и мы продолжили путь
через лес. Вскоре мы опять вышли на берег озера, и нам пришлось
снова соорудить из веток и хвороста нечто вроде плота, на который
мы погрузили все наши вещи. Этот плот и меня привязали к хвосту
коня и начали переправу. Бедная лошадь тащила меня изо всех сил,
но голова моя была больше под водой, чем над ней. Я чуть было не
утонул. Ширина озера была не больше четверти версты, но оно оказа-
лось очень глубоким, и я, совершенно этого не желая, глотал такое

количество

V. Гадание для определения правильности избранного путешественниками пути.

количество серо-зеленой вонючей воды, что едва дышал. Из страха я Июль.
поневоле работал ногами и руками, помогая лошади меня тащить. С 15-е
Божьей помощью мы достигли другого берега. Мои киргизы вдруг
проявили невероятное сочувствие и, осторожно подняв меня за ноги,
поддержали головой вниз и несколько раз встряхнули, пока вся вода из
меня не вышла. После этого мы опять сели на коней и до полуночи
продолжали наш путь в северо-восточном направлении.

16 июля мы все дальше ехали на северо-восток по какой-то не- 16-е
приятной пустыне.

17 июля мы двигались в том же направлении и решили освободить 17-е
нашего пленника, который от трехдневного голода еле держался в сед-
ле. Мои киргизы насильно его раздели и взамен своей порванной
одежды забрали его вещи, а так как он сопротивлялся, то задали ему
вдобавок еще и трепку. Нас тоже очень мучил голод, ведь в этих мес-
тах никакой дичи не водилось. Киргизы же в дорогу ничего съестного
не берут, потому что полагаются на то, что Бог им пошлет. Два дня
мы ничего не ели и, чтобы утолить голод, решили заколоть лошадь на-
шего освобожденного пленника. Мои киргизы были очень расстроены
и захотели повернуть обратно; они считали, что город Сакмара исчез.
Я пытался всячески их утешить и отговорить, утверждая, что мы
слишком далеко уехали. Как я потом обнаружил на обратном пути из
Оренбурга, мы ошиблись на 200 верст. Мои киргизы ничего слы-
шать не хотели, только требовали вернуться, а меня поставили перед
выбором — идти с ними или остаться одному в пустыне, если мне это
нравится. Я приводил всякие доводы, стараясь уговорить их поехать
со мной в Оренбург, который должен находиться уже недалеко, а не
возвращаться по той ужасной дороге. Но это на них не действовало, и
нужно было придумать какое-нибудь другое средство убеждения. Та-
ким средством, способным поднять их настроение, могла быть щеде-
рность. Но у меня ничего такого с собой не было, кроме денег, а деньги
они не признают, потому что не знают, как ими пользоваться. При-
шлось искать выход, и я вспомнил про свою шелковую *персидскую*
рубашку, которая им очень нравится. И хотя она всю дорогу была на

мне.

Июль, мне, я быстренько снял ее и подарил им. Они до того обрадовались. 17-е что не только поделили рубашку между собой, разрезав на части, но и склонились к мнению, что мы должны прямым путем ехать в Оренбург. Они уповали на лучшие времена, и их мало или совсем не troubledo то обстоятельство, что я теперь остался без рубашки. Так мы продолжили свой путь, который должен был привести нас в Оренбург. Лошади настолько ослабли, что не могли больше нести нас, пришлось идти пешком. Тут я обнаружил, что мои люди не способны долго идти пешком; они попросту к этому не привыкли, так как с малолетства ездят верхом. В этих обстоятельствах мне вдруг подумалось, что небо покровительствует нам: к великой нашей радости, показался город Сакмара. Расположенный на небольшой возвышенности, он служил пограничной крепостью против башкирских татар (Baskirische Tartarn). В нем одна церковь и около 150 домов, в которых живут русские казаки (Russischen Cosacken). Недалеко от города река Ик (Уск) впадает в реку Сакмару, по которой город получил свое имя. Этот райский уголок можно сравнить с Елисейскими Полями (Elisäische Felder), земля здесь покрыта травой и благоухающими растениями, и душа человека может только радоваться. Я не напрасно сравниваю эти места с Елисейскими Полями; они не только чрезвычайно красивы, но и хранят много необычных могильных холмов древних монгольских и ногайских татар (alte Mungalische und Nagaische Tartarn).

Камни на этих холмах уложены в пирамиды и так искусно без раствора подогнаны друг к другу, что стоят без изменений уже больше ста лет. Сами могилы очень глубоки и выложены камнем, или в них находятся гробы.

Рядом с каждым телом, от которого остались только кости, помещена любимая лошадь умершего с полной сбруей, поэтому здесь часто находят много красивейших золотых и серебряных вещей. Кроме того, в могилах погребено все то, что этим вельможам необходимо было при жизни.

Я полагал, что теперь все мои беды позади, но жестоко обманулся:

по

VI. Переправа Кэстля, привязанного к хвосту лошади, через озеро.

по приезде в Сакмару я настоятельно просил тамошнего атамана по имени Веровскин (Ottaman, Namens Weroffskin) выделить конвоиров, которые проводили бы меня до статского советника Ивана Кирилова или хотя бы отвезли ему мое письмо, тот отказал мне и в том, и в другом и вдобавок потребовал предъявить письменный приказ на это. Я подробно рассказал о своих приключениях и о том, что еду от киргизов и их посланники меня сопровождают; я даже показал письмо хана Абул Гейера статскому советнику Кирилову, но все это не возымело никакого действия. Мои киргизы без конвоя не хотели двигаться дальше: они знали, что в этих местах везде находятся враждебно настроенные башкиры. И хотя до статского советника было всего 200 верст, они захотели во что бы то ни стало вернуться назад. Поэтому я второй раз пошел к атаману и дал ему понять, что, если этим посланникам из всех трех орд не удастся поговорить со статским советником, они вернутся назад, и это принесет Российской империи большой вред и ущерб. Атаман со своей стороны взывал к милосердию, замечая, что все его люди христиане, но должны подчиняться военной дисциплине. А тех, кого он с нами пошлет в качестве конвоиров или отправит с письмом, он больше не досчитается.

Однако у него есть один татарский казак (Tartarischer Cosacke), которого он может предоставить в мое распоряжение. Я ему ответил, что я тоже христианин и, кроме того, еще и иностранец и рискую жизнью, служа Ее имп. вел. Но атаман остался при своем и предложил мне выбор: делайте, что хотите.

Днем раньше приехал капитан Оренбургского драгунского полка, по имени Рагузин (Ragusin), который доставил продовольствие из Яицкого городка. Я отправил к нему одного унтер-офицера, а потом пошел и сам, чтобы рассказать о своем положении и посоветоваться. Как только я вошел, он первым делом спросил, какой у меня ранг. На что я ответил — и нужда заставила меня возвыситься в его глазах, — что я посланник хана и должен увидеться со статским советником. По-русски я понимаю очень мало, местные обычаи мне неизвестны, и пусть он мне посоветует, что мне надо сделать, чтобы

Июль,
17-е

Июль. не терять напрасно времени. В ответ он сказал почти то же самое, 17-е что и атаман. Потом я написал одному яицкому атаману, у которого было с собой 50 человек солдат, чтобы он предоставил мне на время хотя бы 8 из них. Но он велел передать мне, что на это у него нет приказа Ивана Кирилова. Так как и эта попытка оказалась неудачной, я опять обратился к своим киргизам, которые прошли со мной через все беды и невзгоды, и попытался успокоить их сообщением о том, что в 50 верстах от Сакмары строится крепость и в ней находится один капитан, который является моим хорошим другом и который не откажет нам в конвое. Дальше я сказал, что Иван Кирилов их очень ценит и любит и докажет это, когда мы к нему приедем. Я уговаривал их не обращать особого внимания на то, как с нами обходятся местные жители, — статский советник об их плохом поведении ничего не знает. Чтобы подбодрить бедных киргизов и помочь им набраться свежих сил на предстоящую дорогу, я на свои средства покупал им каждый день по барану, а также пиво, водку и мед, сколько им хотелось. Денег занять было не у кого, поэтому пришлось купить за свои еще и котел, ножи, топоры, сапоги, табак и огниво. Кроме того я роздал им порох и свинцовые пули на тот случай, если на нас по дороге нападут. Сам я предусмотрительно оделся в татарскую одежду и свои волосы подстриг по-татарски.

20-е 20 июля я отправился в дорогу пешком, на это пришлось решиться, потому что моя лошадь еще не набралась сил, а кошелек был пуст и я не в состоянии был приобрести новую. Но для своих киргизов я купил все, что нужно было, чтобы добраться до новой крепости.

21-е 21 июля мы пришли к капитану Пензенского полка Говрину (Gowrin), который служил в той новой крепости в устье реки Ик.

Он очень сердечно принял меня и моих киргизов и всячески благодетельствовал, так что он заслужил, чтобы я еще раз похвалил его.

22-е 22 июля я послал двух верных башкир к статскому советнику Ивану Кирилову с сообщением о своем прибытии.

23-е 23 июля я отправил статскому советнику Ивану Кирилову еще одно письмо. Но это стоило больших усилий, ведь вокруг был неприятель.

тель, и мне отказывали в нарочных. Я думал уже сам ехать с письмом к статскому советнику, но в конце концов удалось выпросить двух казаков, которые в качестве почтальонов должны были во второй раз уведомить статского советника о моем приезде.

3 августа мои киргизы пришли ко мне с радостными лицами и рассказали, что они потадали и таким образом узнали о хороших вестях, которые мы скоро должны получить.

4 августа вечером я получил письмо от статского советника Ивана Кирилова, а вслед за письмом появились 24 башкира, предназначенные в качестве конвоя для меня и моих киргизов. Письмо было следующего содержания:

«Достопочтенный господин Кэстль!

Ваше письмо от 22 июля я получил 27 числа. Из него я узнал, что с Вами находятся 14 посланников хана Абул Гейера. Извольте поэтому прибыть ко мне вместе с оными как можно скорее. Для указания пути и сопровождения я направляю Вам верных башкир из Пушинас Исютун Кипцойской Усеинмунашева, Домзея, Колумбетова и других (*Puschinas Isiugun Kipzoiskoy der Useinmunascheff, Domzey, Kolumbeteff et Confratres*).

Вашего благородия

покорный слуга Иван Кирилов.

3 августа 1736".

5 августа после полуночи я распрощался с офицерами крепости и капитаном, который, как уже выше написано, сделал очень много хорошего для нас, и рано утром мы выступили. В пути натолкнулись на майора Астанкова (*Astankoff*) с его командой; они тоже держали путь в Оренбург. Мы находились на возвышенности, когда увидели в долине упомянутого майора и примерно 700 его солдат. Как только стало ясно, что майор меня не узнает и велит своим солдатам занять оборонительную позицию, я направил к ним одного из своих татар.

Они

Авг., 5-е. Они построились в каре, оградили свое место расположения кольями, воткнутыми в землю, и лишь вокруг майора оставили свободный участок, так что я оказался отрезанным. Но я двинулся прямо на этот участок, и, когда достиг его ограждения, майор направил ко мне своих казаков, которые отвели меня и моих людей к нему. Он меня не узнал: я ведь был одет по-татарски, и в таком виде меня не узнали бы даже лучшие друзья. Я не открывался, пока меня не опознали по пистолетам и шпаге. Радость была велика. Среди солдат оказался немецкий каменотес, по имени Якоб Райнер (Jacob Reiner), из Санкт-Галлена в Швейцарии (St. Gallen in der Schweiz). Я выпросил у него рубашку, ведь с 17 июля я ходил без таковой. Поскольку я ехал на лошади, взятой внаем у башкир, мы с киргизами преодолели в этот день расстояние в 106 верст и вечером прибыли к статскому советнику Ивану Кирилову. Все то, что со мной приключилось до этого момента, я описал в отчете, который представил в Оренбургскую канцелярию, так что главные события совпадают с описаниями в данном дневнике. Но я думаю, что поступил правильно, когда задумал расширить рамки сухого отчета и стал описывать в дневнике еще и нравы, обычаи и другие *курьезные* вещи, которые мне довелось наблюдать у киргизов и соседних с ними народов. Дневник поэтому более полно отражает мое путешествие к киргизам, чем находящийся в Оренбурге отчет о нем. Продолжались же события следующим образом.

К статскому советнику Ивану Кирилову я приехал, когда он находился в латере в 150 верстах от Уфы (Ufa). Там я передал ему написанный карандашом отчет и подробно доложил о том, как:

1) ввиду того, что комендант Оренбурга отказался направить посланника к киргизам, хотя они того требовали, и узнав по секрету от Ерали Султана и от киргизского посланника об опасности, грозящей России, если она не пошлет своего представителя к киргизам, ибо 40000 киргизов намерены присоединиться к башкирскому бунтарю Килмеку, чтобы совершить набеги на российскую территорию и атаковать статского со-

ветника.

ветника, я решил не допустить этого и сам отправился к хану, чтобы засвидетельствовать мою верность России: как 14 июня, попрощавшись со всеми (и все подумали, что больше не увидят меня), я начал свое путешествие и перед началом пути комендант дал мне устную инструкцию, на что обратить внимание, — он не считал необходимым дать мне в руки какое-нибудь письменное предписание, потому что был твердо убежден, что я потибу:

как

2) уже в начале путешествия я убедился, что сказанное мне по секрету Ерали Султаном и киргизским посланником оказалось правдой и Тудербей, к которому я приехал 18 июня, поэтому очень был рад и надеялся, что теперь уже Килмек не будет вместе с киргизами; как потом действительно оказалось, что 5 июля Килмек соединился сперва с 200 башкирами Мисеера (Miseer), сына Алтара, а потом с 88 людьми Джамбек Батура и 80 воинами орды, которые слонялись по степи. Я, кроме того, не преминул рассказать статскому советнику подробнейшим образом, как

3) 20 июня я имел возможность в отсутствие хана втереться в доверие его сыновей и обрел надежду на успешное завершение своей миссии. Далее я доложил, как

4) 21 июня во время аудиенции у хана я сумел выступить в пользу России и как он после этого публично заявил, что теперь может запретить своим людям объединяться с Килмеком. Я не преминул также поставить в известность статского советника о том, что

5) хан 23 июня показал мне местность, где Ее имп. вел. было бы очень выгодно построить крепость, а хан мог бы доказывать очень полезную для себя верность Ее имп. вел. и одновременно давать отпор всем своим врагам; как хан, кроме того, на юго-востоке своих владений указал место, удобное для возведения крепости по причине богатых месторождений дра-

гоценных

Авт.,
5-е

тоценных камней и золота. Я рассказал статскому советнику также, что Беймарат бейла Батур обещал пригнать в Оренбург 1000 баранов по первому требованию и что хан знает человека, который готов уступить даже 2000 голов. Дальше я доложил, как хан в этот же день сердечно благодарил меня за визит, который помог предотвратить большое несчастье, потому что хан вынужден очень осторожно обходиться со своими людьми. Затем я доложил статскому советнику –

6) какие 24 июня передал хану подарки, которые приобрел на собственные деньги. Я также сообщил.

7) что хан и его старейшины 25 июня по моей подсказке решили наказать тех киргизских смутьянов, которые под Оренбургом украли русских коней и верблюдов, или же выдать их по первому требованию России. Дальше я рассказал,

8) как 29 июня посланники Джамбек Батура клятвенно заверили меня, что не нарушат присягу на верность, принесенную Ее имп. вел., и что

9) родовые старейшины Джамбек Батура 30 июня повторили это заверение;

10) я с подробностями поведал об устроенном ханом первого июля большом пире, на который были приглашены все старейшины и знатные люди из всех трех орд, как они, обратившись к своему Богу, дали новую клятву верности Ее имп. вел. и пили за Ее высочайшее здоровье. Они должны были называть свои имена, а я все записал. Кроме того я

11) сообщил статскому советнику о высказанном 14 июля¹ желании хана построить себе жилище в Оренбурге, о причинах этого желания и о том, какую пользу это может принести России, сообщил также, что хан хотел бы всех троих сыновей отдать на службу Ее имп. вел., а в Оренбурге при себе иметь не больше людей и персонала, чем ему будет разрешено, что хан предложил направить меня в интересах Ее имп. вел. и в

его

¹Видимо, опечатка: эта беседа с ханом состоялась 4 июля.

его собственных интересах посланником в Бухарию, ибо он больше никому не доверяет, как мне. И

Август,
5-е

12) я не забыл рассказать, что хан 2 июля пожаловался мне на коменданта Оренбурга, который запретил ему переходить реку Орь, и что я этот приказ объяснил так, что хан и его старейшины очень развеселились.

Доложив подробнейшим образом все перечисленное, а также и то, чем я прошедшей зимой занимался у башкир, я представил статскому советнику Ивану Кирилову киргизских посланников. Он был, по всей видимости, вне себя от радости, поцеловал меня, поблагодарил от имени Ее имп. вел. и твердо пообещал сообщить императорскому двору о моих стараниях, а меня самого вместе с моими находками, которые я привез, отправить к Ее имп. вел., так как сам он недостаточно богат, чтобы наградить меня надлежащим образом за мои заслуги: мне должна быть оказана высочайшая милость Ее имп. вел. Во время последовавшей за отчетом беседы статский советник сказал, что комендант Оренбурга сообщал в письме, что я говорил ему о намерении отправиться к хану Абул Тейеру, но он не воспринял меня всерьез, потому что думал, будто я ищу повод уехать из Оренбурга. Я мог бы рассказать статскому советнику, что комендант считал меня погибшим у киргизов человеком и потому не наводил справок о моем исчезновении. Ведь он дал мне свое разрешение и боялся, что его привлекут к ответственности. Но я промолчал и не сказал статскому советнику ничего. Зато пришлось терпеть то, что из-за трусости коменданта меня дважды упомянули в Оренбургском протоколе как дезертира.

12 августа статский советник вручил мне пачку писем в Оренбург и распорядился, чтобы киргизов, которых я привез, и всех остальных желающих поехать домой я проводил до реки Яик. Мне дали 12 человек казаков, с которыми я должен двигаться навстречу майору Астанкову, находящемуся на пути в Оренбург. После встречи с ним я должен вернуться в Оренбург, взять необходимые вещи и вместе с подполковником Чемадуровым плыть по реке Яик до Яицкого го-

12-е

родка,

Авг., 12-е. родка, а оттуда ехать через Самару (Samara) в Сибирь (Sibirky)¹. Поэтому я попрощался со статским советником: он подарил мне шубу, которая очень была нужна, так как в здешних краях днем бывает страшно жарко, а ночью — так холодно, что утром выступает иней и даже лед.

14-е. 14 августа я встретил у устья реки Ик майора Астанкова. Во время моего перехода началось строительство Осорки (Osorka), крепости в 120 верстах от Оренбурга, куда мне пришлось добираться пешком, так как я вынужден был оставить свою захромавшую лошадь в пустыне. Майор Астанков не предоставил мне ни одной из своих лошадей, предлогом послужило отсутствие соответствующего приказа.

31-е. 31 августа я взял лошадь внаем и рано утром отправился с двумя калмыцкими казаками (Calmuckische Cosacken) в Оренбург. По дороге я так серьезно заболел, что упал с лошади и меня пришлось нести. Но 95 верст я все-таки успел проехать. Неприятность случилась оттого, что из-за большой жары и множества мошкеры я потерял скромный кусок ветчины, который майор Астанков дал мне в дорогу и который был завернут в шелковый шейный платок и привязан к рукоятке моей шпаги. Чтобы не голодать, я решил присоединиться к моим калмыцким казакам, сидевшим у воды. Они ели что-то, что мне показалось кусочками сухариков, но на самом деле было сушеной падалью. Когда я проглотил те куски, которыми они меня угостили, мне вдруг стало очень плохо, а потом случилась вышеописанная

Сент., 3-е. неприятность. Приехав в Оренбург, я 3 сентября попросил коменданта города выделить 50 человек казаков для сопровождения, а также определенный инструмент. Я намерен был вернуться на гору, расположенную недалеко от Оренбурга и реки Тан Атак (Tan Atack), где в мае с.г. на обратном пути от Башкир я видел превосходную яшму. Исключительно красивый кусочек этого камня я потом подарил в Сибирске (Sibirsky)² статскому советнику. На той же горе, куда я днем из-за враждебно настроенных Башкир не смог подняться, я тогда ночью на-

шел

¹Видимо, имеется в виду Сибирск.

²С конца XVIII века — Симбирск, с 1924 года — Ульяновск.

шел зеленый с красными вкраплениями камень, который потерял часть своей красоты оттого, что лежал на поверхности. Чтобы кое в чем убедиться, мне очень хотелось еще раз побывать на горе. Я бы легко ее нашел, ведь все, что касается этой местности, у меня было записано. Комендант, однако, отказался мне помочь: с одной стороны, якобы все лошади хромают, а с другой стороны, у него нет приказа. Таким образом полезное предприятие оказалось неосуществленным.

Сент.,
3-е

4 сентября майор Астанков достиг Оренбурга.

4-е
5-е

5 сентября в Оренбург прибыли Бейбек и три человека от Джамбека Батура, чтобы узнать у коменданта, не приехал ли статский советник. Одновременно они хотели спросить у Ерали Султана, поступило ли ему содержание от Ее имп. вел., которое недавно было повышено. Хуже всего было то, что этих людей никто не собирался обеспечивать провиантом, так как в Оренбурге даже за наличные деньги невозможно было его купить. А если бы даже и можно было купить, то у киргизов все равно не было денег. Они поэтому пришли ко мне и отругали за то, что я не выполняю обещания Ее имп. вел.: им еще не выплатили причитающиеся деньги за второй квартал. Я, кто в этом абсолютно не был виноват, желая защитить честь императрицы, не жалел сил, чтобы их успокоить. Я сказал им, что комендант, если он виноват, будет, безусловно, наказан. Просьба о выплате денег передана мной статскому советнику, значит, виновен тот, кто не выполнил приказа о выплате, и он понесет наказание. Я обещал киргизам, кроме того, что все доложу подробнейшим образом статскому советнику, как только его увижу и у него будет время для меня. Они немного успокоились, но позже пошли к коменданту и все ему рассказали.

6 сентября Бейбек и Мамет приехали с одеждой, которую хан подарил мне: вместе с ней они привезли: шапку с хвостом, панталоны из белого ситца, пару сапог из черной шагреновой кожи, саблю, трубу камерную длиной в 3 с половиной аршина (Arschinen), патронташ, в нем — нож, огниво, пули, порох и рог. Я, со своей стороны, подарил тем, кто мне доставил эти вещи, 4 юфти, 8 зеркал, 8 ножей, 4000

6-е

Сент.. ига и отрез золотой парчи. Вечером я угостил всех присутствующих
6-е киргизских посланников, вместе с ними ханского сына и таскентских (Taskentischen) посланцев, — всего было 40 человек. Все были очень веселы, потому что играла музыка; а сидели мы в палатке полковника Тевкелева. Пригласил я также коменданта и всех офицеров, но они не пришли. Гостей я угощал по-киргизски; еду и напитки они помогли приготовить соответственно своим вкусам. Все потом разошлись навеселе.

7-е 7 сентября я хотел сделать новые зарисовки Оренбурга, но из-за великого множества комаров затею пришлось отложить. У меня был приказ трогаться в путь, дальше медлить было нельзя, но я хотя бы опишу Оренбург¹ для всех тех, кто этого города не знает. Итак: город расположен на 51 градусе широты и получил свое имя от реки Орь. Он был основан 12 августа 1735 года неподалеку от берегов реки Яик, что берет начало у Екатеринбурга (Catharinenburg) в Сибири (Sibirien), на расстоянии двух дневных переходов отсюда. Река Орь впадает в Яик в двух верстах от Оренбурга, после того как она от истока до города преодолела уже несколько сот верст. Вокруг города простираются пустыня и степь; до Екатеринбурга расстояние составляет 960 верст, до Яицкого городка по суше — 632, до Уфы — 485, до Сакмары — 240, а до Самары на Волге (Wolga) — 621 версту. По всему периметру города длиной в 1½ версты сооружены земляной вал и ров. Недалеко от города находится холм, на котором добывают какой-то вид агата (Agat), и это месторождение камня защищено крепостью с деревянной сторожевой башней. Вокруг крепости тоже тянется земляной вал и расставлены рогатки. Земля в этих местах еще не обрабатывается, потому что здесь, как и во всем киргизском крае, очень редко выпадают осадки. Но люди что-то выращивают, часто поливая свои огороды водой. Из продуктов питания в достаточном количестве здесь бывает только рыба, дрова тоже есть, но хлеба и

мяса

¹В наше время это город Орск. Оренбург в 1739 году перенесли на 180 верст ниже по Уралу, на Красную горку, но тоже неудачно, и поэтому в 1742 году Оренбург был основан на нынешнем его месте.

VII. Вид Оренбурга (Орска) на реке Ори.

Сент.,
7-е

мяса очень мало, потому что пасти скот на пастбищах, да и уберечь его от грабителей, невозможно. Город, собственно, построен для того, чтобы через него развивалась торговля с Бухарой (Bucharen) и Ташкентом (Taskent)¹. Она может стать очень выгодной и значительной и со всеми другими народами Азии (Asiatische Völker), потому что, как мне кажется, ближайший путь в Индию (Indien) ведет через этот город. Россия может использовать и возможность продвижения через Аральское море (Aral-See) и реки Сыр (Sir) и Ану (Anu)², которые являются крупными судоходными водными путями и протекают через всю территорию Бухарии до Аральского моря. А до него из Оренбурга приблизительно 14 дней пути. Удержание Аральского моря в русских руках не представляется трудным, ведь бухарцы и другие народы этого региона не знают, что такое судоходство и пушки. На берегу этого моря, кроме того, растет, как говорят, дубовый лес, который может служить для постройки кораблей, так что все эти страны и их богатства можно подчинить, и этим была бы наилучшим образом доказана польза Оренбурга. Но я чувствую, что немного задержался при описании Оренбурга; и все потому, что комары не позволили зарисовать город. А мне уже пора думать о путешествии в Синбирск. Для перевозки снаряжения по реке Яик я попросил у коменданта лодку. Просьба была исполнена. Но когда я грузил свою повозку и вещи на лодку, издала раздался голос: «Как вы смеете трогать эту лодку!» Я, конечно, испугался, но потом увидел, что это был адъютант, который, приближаясь, говорил, что лодка нужна ему и я должен незамедлительно выгрузить свое имущество, иначе он все выбросит в воду. Я ответил с подобающей сдержанностью, что лодку мне дал подполковник, комендант города. Но адъютанта это не интересовало, и он уже взялся было за мои вещи, когда ему напомнили, по чьему распоряжению эта лодка у меня. Он так разозлился, что пошел к коменданту и заявил, будто я хотел его застрелить. Комендант вызвал меня к себе и с упрёком сказал, что я, как ему известно, конечно,

отпетый

¹Ташкент.²Так у автора. Имеются в виду Сырдарья, Амударья.

Сент., отпетый человек, но жалобщик все-таки — офицер. Я очень хорошо
7-е понял, кем комендант хочет меня представить, — и это при всем том, что я сдelaл для города и его престижа: сперва у Башкир, потом у киргизов, не жалея ни своего здоровья, ни своих денег. В интересах Российской империи я подвергал себя опасности, а мне делают упрёки как безнадёжному. Я только ответил, что никто так плохо не отнёсится к чужеземцу, как оренбургские офицеры: я хорошо знаю, что жалобщик — офицер, но я ведь тоже служу Ее имп. вел. и мои вещи бросать в воду нет никакой надобности!

8-е 8 сентября были направлены в лодку 24 солдата. Они побросали снаряжение на мою повозку и легли сами поверх своих вещей, но, к их досаде, повозка не хотела ломаться. Их сержант (Sergeant) был очень этим недоволен и требовал, чтобы мое имущество было выгружено не на берег, а в воду. Я понял, что меня провоцируют, но старался сохранить спокойствие. Подполковнику я доложил об этом и как бы между прочим уронил, что мне придется перезимовать в Оренбурге, раз он не в состоянии обеспечить мой отъезд. Он страшно разгневался и приказал больше не мешать мне. Посланник Бейбек распрощался со мной, так как был намерен вернуться к хану. Он отрекомендовал меня киргизам и пообещал встретиться со мной в Яицком городке, чтобы вместе отправиться к статскому советнику.

9-е 9 сентября в 5 часов вечера подполковник, я, майор и другие офицеры, а также провожавшие меня один немецкий хирург и вышеупомянутый каменотес из Санкт-Галлена, поехали верхом на берег реки, где выпили на прощание, после чего мы сели в лодки иплыли по реке в течение двух часов. На ночь мы вышли на берег.

10-е 10 сентября мы связали лодки попарно и получили таким образом три единицы вместо шести: лодка подполковника была вместе с лодкой капитана, моя была сопряжена с той, на которой был лейтенант (Lieutenant), а адъютант поплыл вместе с киргизами и казаками. Кроме того было еще несколько лодок с казаками, ведь всего нас было около 120 человек.

11 сентября

11 сентября мы плыли среди высоких скал и рифов, а в воде шныряло великое множество щук. Три казака ловили их во время плавания. Мне удалось выменять четыре рыбины, каждая длиной с аршин, на трубочный табак. В этот день 120 человек были накормлены рыбой и фактически бесплатно. Щуки были какого-то бледного цвета, для их ловли казаки использовали особенное приспособление, похожее на древесный лист, сделанный из оцинкованной жести, его длина составляла примерно шесть больших пальцев. В одном конце была дырочка, через которую казаки продели нитку длиной около 10 аршин. Жестяной листик они бросали в воду, а конец нитки брали в зубы, потому что руки были заняты веслами. Останавливаться приходилось почти каждую минуту, так хорошо клевали щуки на приманку, а казаки же как бы ловили рыбу ртом.

Сент.,
11-е

12 сентября мы плыли вдоль песчаного берега. Прихватив с собой шубу и буханку хлеба, съезжал один казак, как оказалось — из пленных калмыков. Ночь мы, как обычно, провели на киргизском берегу.

12-е

13 сентября мы увидели первые деревья на берегу.

13-е

14 сентября плыли весь день, отгибая две большие горы и вечером приплыли, как выяснилось, к тому же месту, от которого утром отчалили. Весь день шел дождь.

14-е

15 сентября утром мы увидели только что основанный городок Озерной (Osernou), и нам стало ясно, что мы преодолели половину расстояния до Сакмары. На возвышенности стоял деревянный домик, на котором был поднят флат Ее имп. вел.. Казаки, несущие дежурство в домике, сказали нам, что провианта у них осталось всего на месяц и что два дня назад через их городок проехали казаки с нашими лошадьми из Оренбурга.

15-е

16 сентября очень рано, за три часа до восхода солнца, мы поплыли дальше. По обе стороны реки простирались степи и пустыни. Наши казаки подстрелили кабана, но он спасся, переплыв реку Яик.

16-е

17 сентября мы опять рано отчалили от берега, а около семи часов утра на правом берегу, где расположен город Сакмара, увидели несколько копен сена, а потом около десяти часов — сторожевой домик.

17-е

Река

- Сент., Река была чистая и глубокая, деревьев на берегах не было. После
17-е обеда опять видели копны сена и домик на берегу.
- 18-е 18 сентября мы плыли вдоль низкого берега и после обеда заметили
ли рыбную запруду. По правую сторону реки живут много расколь-
щиков (Roskolschicken)¹. В четыре часа пополудни мы послали трех
казаков в Сакмару, которые должны были установить, где находятся
3 офицера, которые по суше были отправлены с нашими лошадьми
из Оренбурга в Яицкий городок. Одновременно они должны были уз-
нать, отвезены ли в вышеназванный город больные солдаты; мы их не
взяли с собой в лодки.
- 19-е 19 сентября часам к 10 первой половины дня мы доплыли до устья
реки Сакмары, и ждали там возвращения наших казаков. Здесь был
расположен старый город Сакмара, который разрушили башкиры 30
лет назад. В 30 верстах от него основан новый город Сакмара. В че-
тыре часа дня приехали наконец наши 3 казака и доложили, что лей-
тенант Лекин (Lekin) с казаками и лошадьми отбыл 15 сентября в
направлении Яицкого городка. А лейтенант Карамзин (Karamsin) ис-
чез, после того как пропил свое обмундирование, свою и мою лошадь,
которую по дороге почти загубил. Все думают, что он потерялся в сте-
пи. Что касается прапорщика Шоколова (Schokoloff), то он с боль-
ными солдатами 15 же сентября отбыл на трех шлюпках. Я указал
подполковнику на полуостров шириной около двух верст в устье Сак-
мары, образованный рекой Яиком, на котором, по-моему, очень вы-
годно было бы построить крепость. В шесть часов мы продолжили пу-
тешествие по реке. До сих пор на наших связанных лодках было по
четыре гребца, по вечерам мы сходили на берег, готовили себе ужин и
немного спали. Теперь мы добавили по два гребца, пищу готовили в
обед и гребли днем и ночью, но часто садились на мели.
- 20-е 20 сентября берег был опять низкий, на нем росли дубы. Один
раскольник плыл на своей лодке за нами. Раскольщики — это убе-
жавшие от своих хозяев холопы, которые живут в глухой местности и
считаются отшельниками. Рядом с жилищем они держат маленькие
огороды.

---

¹Раскольников.

огороды, где выращивают капусту и свеклу. Они, кроме того, ловят рыбу; река Яик очень богата рыбой, как ни одна другая река в мире. Неподалеку от Сакмары мы проплыли мимо устья двух маленьких рек, нам мешали старые деревья, и мы часто садились на мели.

Сент.,
20-е

21 сентября около полудня мы наткнулись на те 3 шлюпки, в которых плыли больные солдаты, и причалили к берегу, чтобы пообедать. Унтер-офицер, сопровождающий солдат, рассказал нам, как они 19 сентября увидели всадника, а 2 часа спустя им кричали, чтобы они вышли на берег для разговора. Наши люди через своего калмыцкого переводчика спросили, кто они такие и откуда. Им ответили, что киргизы, желающие торговать, потому что им нравится красное сукно солдат. Наши сказали, что это солдатские шинели и торговать поэтому нечем. Но киргизы остались недовольны ответом и потребовали, если уж наши люди не хотят выходить на берег: назовите место, где можно было бы встретиться. Им известно, сказали они между делом, что русские покинули Оренбург, и хотелось бы знать, уехал ли подполковник вперед, или плывет сзади. Нашим офицерам и солдатам надоели эти расспросы, и они заявили киргизам, что они простые солдаты и от них, кроме хорошей трепки, ничего не дожидаться. На это киргизские разбойники реагировали выстрелами из длинных стволов, и два солдата получили 4 ранения. Но наши не дремали, а сами стреляли в киргизов. Те, однако, находились на высоком берегу, а наши — на воде и не могли поэтому стрелять без помех. Они были вынуждены причалить к противоположному берегу. Увидев это, разбойники кричали, что ждут 400 человек подкрепления, на что наши ответили, что будут этому только рады. Наши переводчики кричали им, что если уж они, как сами уверяют, являются подданными Ее имп. вел., то не должны совершать подобного насилия. Киргизские разбойники ответили насмешливо, что стреляют только уток, после чего наши солдаты открыли по ним сильный огонь. С русской стороны жертвами этой перестрелки стали прапорщик Шоколов и один солдат. Один гренадер, плохо укрывшийся за камнем, получил тяжелые ранения в обе ноги. Разбойники и русские солдаты перестреливались в течение четырех

21-е

часов,

Сент., часов. пока, наконец, первые не покинули свои боевые посты. Среди
21-е наших остались двое убитых и трое раненых.

Сколько убитых или раненых было у разбойников, трудно сказать: кажется, всего 10 человек. Унтер-офицер добавил еще, что выстрелы разбойников были очень меткими, так как они стреляли, лежа на земле. Их ружья имели кремневые запалы и могли стрелять очень далеко, потому что стволы у них были длинные, в 2-3 аршина. В этих местах в реке очень много песчаных отмелей, и мы заметили большое количество деревьев, лежащих в воде.

22-е 22 сентября мы обогнали много рыбаков на деревянных плотках. Они сказали, что плывут уже 6-7 дней из Сакмары и держат путь в Яицкий городок. Здесь живут раскольщики, и мне принесли выращенную ими красную свеклу невероятных размеров, которая внутри была желтая и твердая. Ночью мы увидели большое число лодок, направляющихся в Оренбург, и в полночь проплыли мимо места, где река Илек (Ulek) с киргизской стороны впадает в Яик. На расстоянии трех суточных переходов отсюда вверх по реке добывают чудесную по качествам каменную соль, которой, сколько бы ее ни откалывали, меньше не становится. Дети и женщины ходят туда собирать ягоды и терн. Земля эта пустынна и необитаема, а когда на ней появляются какие-то люди, то это в большинстве случаев киргизские и башкирские разбойники.

23-е 23 сентября мы плыли мимо низкого желтого, глинистого берега, и погода была дождливая. Нам встречалось много людей из Яицкого городка, которые везли водку и соленую рыбу в Сакмару и Оренбург; деревьев в этих местах было мало.

24-е 24 сентября рано утром мы плыли мимо сторожевых постов Яицкого городка и рассматривали меловые горы на киргизской стороне. После полуночи река стала очень широкой. За 10 верст до города солдаты переоделись в чистое белье. По берегам Яика можно найти много необычных трав.

25-е 25 сентября к восьми часам приплыли в Яицкий городок. Мне пришлось разгружать свои вещи самому, так как солдатам запретили

помогать

Сент.,
25-е

помогать мне за маленькое вознаграждение. Офицеры сидели, курили трубки и посмеивались над тем, как я работаю. В тот день все наши люди после стольких дней мрачного настроения были очень веселы и в хорошем духе. Я с сожалением думаю о том, что не смог зарисовать реку Яик, хотя и проплыл по ней 1200 верст, — она невероятно быстротечная и извилистая: мой компас испорчен, книги намокли и многие из остальных моих вещей погублены или потеряны. Город расположен на полуострове в реке и со всех сторон защищен деревянными бастионами, рогатками и довольно большим количеством железных пушек. Жителей в нем — около 3500 человек, все они — бывшие донские казаки (*Donische Cosacken*), которых теперь называют яицкими казаками (*Jaickische Cosacken*), хотя они сохранили исконные права донских казаков. Законы у них неписанные, и они пользуются многими исключительными правами. Они, например, при надобности моментально собирают круг на рыночной площади, и их старшины приговаривают без особых допросов всех злодеев к какому-нибудь наказанию. Живут эти люди среди пустынь и землю не обрабатывают, так как их окружают одни разбойники — башкиры, киргизы и калмыки. Но в реке Яик в изобилии водятся самые ценные виды рыб, и люди поэтому кормятся в основном за счет рыбы, рыбьего клея и икры (*Cafiar oder Ikray*). Касаясь этой темы, я не могу не сообщить некоторые подробности о последних двух предметах, которые в мировой торговле играют большую роль, не могу не рассказать, как они здесь изготавливаются. Итак, о рыбьем клее надо сказать, что его делают из белуги (*Beluja*), севрюги (*Sewruga*) и осетра (*Assetrina*): из рыбы вынимают все внутренности, чтобы добраться до позвоночника, который, как и у простой селедки, покрыт белой кожей. Ее снимают, подсушивают и осторожно отделяют от нее тонкую пленку. Эту пленку скатывают в рулоны и продают в таком виде в Германии и других местах. Надо еще заметить, что клей от осетра намного лучше, чем от белуги и севрюги. А что касается — икры, то она берется из всех трех названных видов рыб, но опять же — самая лучшая икра получается от осетра. Изготавливается она

следующим

Сент., следующим образом: из рыбы вынимается ястык и протирается через 25-е грохотку, но так осторожно, чтобы икринки оставались целыми и от них отделялась только жирная пленка. Если качество икринок хорошее, их посыпают солью, и через 4 часа икра готова. Но такая икра имеет ограниченную сохранность, и ее потребляют поэтому только в России и только зимой, в абсолютно свежем виде. Намного дольше сохраняется икра, которую крепко солят и прессуют. Ею наполняют бочки или желудки рыб и потом продают в Германии, Италии и других странах. Рыбу для этих целей ловят поздней осенью, когда она плавает в реке в таком количестве, что ее можно извлекать из воды даже при помощи багров. Каждый казак, участвующий в этой работе, получает свою долю наравне со всеми, чтобы никто не был обманут. Соль для засаливания икры добывается на озере, расположенном на расстоянии двенадцати суточных переходов отсюда в пустыне. На поверхности этого озера соль плавает, как лед зимой.

28-е 28 сентября все участники нашей экспедиции от перенапряжения были больны или спали, так что ничего особенного в этот день с нами не происходило. Был произведен выстрел из пушки, чтобы предупредить жителей, находящихся вне стен города, о том, что приближаются какие-то чужие люди, как это делается всегда в таких случаях. Вечером пришли калмыки — мальчик и девочка (обоим было примерно по 13 лет), — которые убежали от киргизов. Они сообщили, что киргизы находятся недалеко отсюда.

29-е 29 сентября опять выстрелили из пушки, так как приехал Бейбек со своими киргизами. С ними был башкир по имени Рубек (Rubek). Полковник Тевкелев прошлой весной отправил Рубека из Сибири к калмыцкому контайши (Kalmuck-Kontaisch), затем к хану Абул Гейеру, а оттуда он поехал к статскому советнику Ивану Кирилову. Здесь уместно рассказать об одном интересном и типичном случае: статский советник дал мне с собой в Оренбург запечатанный приказ, в котором говорилось, что мне следует выделить столько лошадей, сколько будет нужно. Этот приказ я вручил коменданту Оренбурга. Но тем не менее на вопрос, получу ли я теперь лошадей,

шадей, подполковник ответил: на это нет приказа! Мне осталось только промолчать и нанять за собственные деньги 5 лошадей. Сент., 29-е

2 октября приплыл в лодке одетый в полотняный халат лейтенант Карамзин, которого все считали погибшим. Он рассказал, что его лошадь пала, он поэтому отстал от других и вынужден был догонять нас на лодке. Окт., 2-е

3 октября подполковник Чемадунов отправился после обеда со своим подразделением, состоявшим из 140 человек, в дальнейший путь. Я попросил его согласия на то, чтобы остаться еще на день, которое и получил. 3-е

4 октября и я покинул Яицкий городок, и вечером уже догнал подполковника у реки Чаган (Tschagan), которая недалеко от Яицкого городка впадает в Яик. Дорога ведет через степь и пустыню, я не видел ни деревьев, ни единого дома или такого места, где могли бы жить люди. 4-е

6 октября мы встретили 200 человек казаков, отпущенных со службы домой и пребывавших поэтому в хорошем настроении. Мои спутники были тоже довольно веселы: у них выпивка пока еще не кончилась. По нашему маршруту я заметил следующие речки: 1) Грезнуша (Gresnusch), впадающая в Соллону, 2) Соллона (Sollona), впадающая в Чаган, и 3) Чаган, которая — как выше уже упомянуто — впадает в Яик. Во время нашего путешествия на моей шее сидели почти все киргизы. Подполковник не выделил им никакой провизии, потому что они, по его мнению, нападали 18 сентября согласно отчету унтер-офицера от 21 сентября на те 3 шлюпки, в которых плыли наши больные солдаты. Но подполковник был не прав: Бейбек заверил меня 29 сентября, после своего приезда в Яицкий городок, что это было не так. Киргизы мне доверяли, искали у меня спасения, и мне пришлось покупать им водку, мясо и хлеб. 6-е

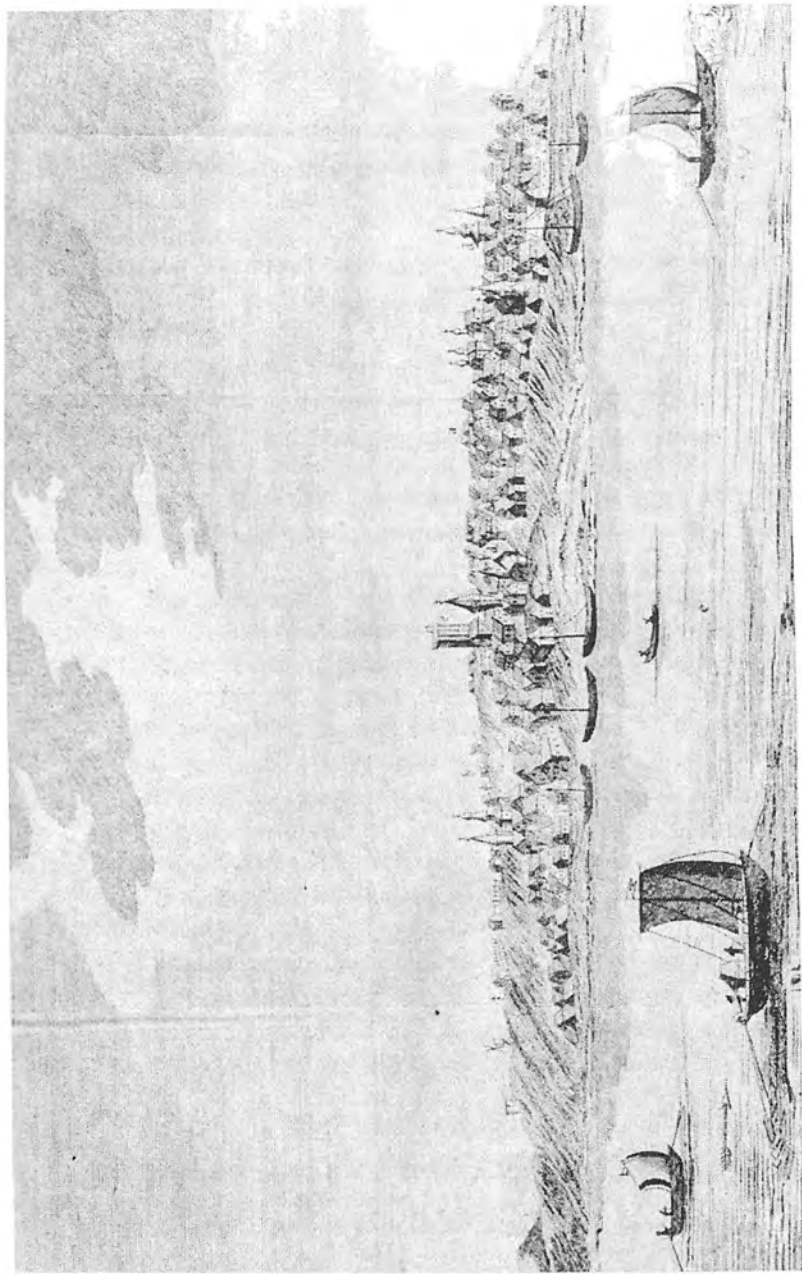
9 октября мы прошли горы под названием Оченсырт (Otschensirt). До сих пор мы двигались по равнине, которую пересекали вышеуказанные реки, впадающие в Яик. С другой стороны гор 9-е

текли

- Окт., текли реки Ирдиш (Irdisch), Каралук (Karaluck) и Моча (Motscha),
9-е берущие начало в тех же горах, а впадающие в Волгу.
- 13-е 13 октября мы переправились через реку Самару, которая у города Самары впадает в Волгу. Расстояние от Яицкого городка до Самары составляет 260 верст. Мне пришлось искать себе приют, и я начал наводить справки о возможных земляках, проживающих в этом городе. Мне повезло: первым я встретил капитана судна Эльтона (Elton), англичанина из нашей экспедиции, второй же был английский коммерсант Хогг (Hogg). Оба были очень рады встрече со мной и уделяли мне всяческое внимание, так что я смог отдохнуть после утомительной дороги и снять, наконец, неудобные шагреньевые сапоги.
- 14-е 14 октября приехавший из Оренбурга лейтенант Палтов (Paltoff) оскорбил капитана Эльтона: будучи в пьяном виде он пытался выгнать капитана из его собственного дома.
- 16-е 16 октября меня пригласил к себе русский князь Белосельский (Beloselsky), который был женат на дочери генерала Чернышева (Tschernischoff). Он очень хорошо меня угостил и все расспрашивал об Оренбурге и моем путешествии. Этот кавалер оказал мне такую честь, как ни один другой человек за все то время, что я нахожусь в пути. Я ему поэтому очень обязан.
- 21-е 21 октября я попрощался с подполковником Чемадуровым и в сопровождении капитана Эльтона, коммерсанта Хогга и немецкого хирурга Вахтлера (Wachtler), которые меня провожали первые 6 верст, двинулся в путь. В полдень я был уже в Краснояре (Krasnojarsk), который расположен в 43 верстах от Самары, там находится штаб-квартира Закамской линии (Sakamsky-Linie). Это — оборонительная линия против башкир; ее протяженность — 400 верст, а каждые 15 верст стоит крепость. По дороге я переехал по мосту реку Сок (Sok), она не очень широкая.
- 23-е 23 октября перешел речку Мусоя (Musoiä).
- 24-е 24 октября у деревни Резан (Resan) переправился через реку Бирла (Birla), тоже не очень широкую. А после обеда уже на пароме переправился на другой берег очень большой и быстротечной реки Шеремчам (Scheremtzschan).

25 октября

VIII. Вид Самары.

25 октября мне пришлось переезжать еще одну реку — Герикла (Gerikla), она впадает в Шеремчан (Zscheremtzschan) недалеко от Гериклинской (Geriklinskoj) станицы, в которой живут одни оставшиеся ландмилиционеры¹. Окт. 25-е

26 октября я приехал в чувашскую (Schuwasische) деревню Камаюр (Kamajur), но прежде я должен был переправиться через речку с тем же именем. 26-е

27 октября переплыл на барже Волгу и, наконец, прибыл к статскому советнику Ивану Кирилову в Синбирск, проделав путь от Самары в 180 верст. Он очень обрадовался моему приезду, тем более, что я ему предъявил образцы камней, кусков руды и другие курьезные предметы, найденные во время путешествий к киргизам и башкирам. Он все их у меня забрал, однако они стоят того, чтобы я их описал: 27-е

1) благородный белый прозрачный камень весом в 62 фунта, который позже был отправлен из Самары Ее имп. вел.:

2) желтый прозрачный камень величиной с грецкий орех, который статский советник также передал Ее имп. вел.:

3) зеленый прозрачный камень, темнее, чем изумруд, и не очень твердый:

4) кусок агата необычайной красоты, который Иван Кирилов велел обработать так, чтобы он принял форму сердца, и который также был передан Ее имп. вел.:

5) кусок зеленой яшмы, не имеющий себе подобных; его Иван Кирилов тоже приказал отдать ему.

У меня не было намерения прославиться, но я очень старался найти драгоценные и прекрасные камни. Это доставляло мне большое удовольствие, хотя и приходилось тратить много времени и использовать весь свой опыт; ведь камни следовало искать в соответствующих

местах.

¹Завиская ландмилиция учреждена в 1736 г. для защиты оседлых поселений Оренбургского края от набегов степных кочевников. Составлялась из бывших стрельцов, драгун, солдат, пушкарей и других служилых людей, издавна поселенных в пограничных городах за Камой.

Окт., 27-е местях. Статский советник был, конечно, очень рад и доволен всем, что я привез от киргизов. Поэтому я не могу объяснить, почему он не сдержал свое обещание и не отправил меня с отчетом о моей миссии в Санкт-Петербург (St. Petersburg). Иван Кирилов отдал мне после приезда к нему письмо моего теперь уже почившего в Бозе отца, адресованное ему. Я с нетерпением его распечатал, но, к своему великому сожалению, из первых же строк узнал, что отец и все мои друзья уже полгода оплакивают меня. Им сообщили, что в марте в Оральских горах меня зарубили саблями башкиры. Отец поэтому требовал от статского советника передать мое имущество и причитающееся мне жалованье тогдашнему ассессору, а ныне советнику Хейнцельманну (Heintzelmann), которого специально уполномочил принять мое наследство. Когда я рассказал статскому советнику о содержании письма и он получил возможность убедиться, что я все еще жив, он превратил все в шутку, сказав, что это недоразумение гарантирует мне долгую жизнь. Здесь же находился его тесть Петр Степанович Бахметов (Peter Stepanitz Bachmetoff). Тот не переставал удивляться предпринятым мной путешествиям и однажды прямо спросил, почему я совершал такие опасные и отчаянные предприятия, да еще за собственные деньги. Я ответил ему, что человек умирает только раз, и я не могу представить себе смерти более славной, чем на службе у Ее имп. вел. Я смерти не боюсь, и счастье мое не в деньгах, поэтому я чувствовал себя все это время довольно хорошо. Через некоторое время я напомнил статскому советнику о его обещании отправить меня со всеми привезенными вещами и с отчетом о моем путешествии в Санкт-Петербург к Ее имп. вел.. Но он не реагировал на это, попросил только набраться терпения, обещая заботиться обо мне. Мне показалось, что забота слишком уж затягивается и статский советник старается держать меня при себе под предлогом, что нет денег на мое жалованье: мне каждый раз выплачивали только небольшую часть, и денег едва хватало на пропитание. Конечно, это меня раздражало, тем более, что остальные получали свое жалованье полностью, как мне приходилось наблюдать. Статский советник, кро-

ме того, не пожелал отпустить меня в Москву (Moscow), когда я попросил разрешения на это. Однако аптекаря, хирурга и других нужных для города людей он отпускал. Я, в частности, хотел навестить своего престарелого отца, но статский советник опять призвал меня набраться терпения. Когда я убедился, что он в Санкт-Петербург меня не отправит и к отцу в Москву не отпустит, что жалованье он платит мне только по чрезвычайно большой своей милости, и то не полностью и редко, будто хочет держать в узде, я написал своему теперь уже умершему брату в Москву (Moscow).

Окт.,
27-е

27 декабря тот приехал ко мне. Статский советник встретил его очень хорошо и расхвалил ему мои предприятия. После того как мой брат погостил у меня, я

Дек.,
27-е

3 января

Янв.,
3-е

14-е 3 января 1737 года отправил его по моим делам в высокий Кабинет в Санкт-Петербург, куда он, как стало известно, и явился. После отъезда брата я 14 января потребовал выплатить все причитающееся мне жалованье и хотел уволиться со службы. Статский советник страшно рассердился. Ему, оказывается, кто-то доложил, с какой целью я отправил брата в Санкт-Петербург, и он спросил меня, правда ли это. Я не мог и не хотел это отрицать и совсем впал в его немилость. Он пригрозил, что найдет меня при первой возможности, и уехал срочно в Самару, оставив меня в Синбирске. Я начал готовиться к отъезду – собирать и складывать все свои вещи. Едва я закончил эту работу, как

Март, 13-е 13 марта пришло письмо от статского советника, в котором он меня, якобы по приказу из Кабинета, вызвал в Самару. Я, не теряя времени, в тот же день вечером, оставив лишний багаж и своих людей на квартире в Синбирске, отправился за свой счет в Самару. В 10 верстах от Синбирска случилось несчастье: мой извозчик (Iswooschick), по сути еще мальчик, сбился с дороги и въехал в Волгу, покрытую льдинами. Так я лишился почти всех вещей и едва уцелел сам.

16-е 16 марта я приехал в Самару, не имея с собой фактически ничего, и дал знать о себе статскому советнику.

17-е 17 марта я передал ему отчет о проделанной работе, который, к счастью, хранился в деревянном ларчике; когда тот плавал в Волге, мне удалось вытащить его из воды. Я опять потребовал у статского советника выплатить мне задолженность по жалованью и уволить со службы, и он опять уговаривал меня подождать.

22-е 22 марта Иван Кирилов прислал ко мне бывшего бухгалтера и теперешнего секретаря Петра Ивановича Рычкова (Peter Iwanewitz Ritzkoff). Он должен был уговорить меня поехать вместе с индийским купцом по имени Манвари (Manwari) в качестве посланника в Индию. Мне обещали платить ежегодно 800 рублей (Rubel) и хотели тут же выдать 500 рублей в возмещение моих расходов на путешествие к киргизам. При моем тогдашнем безденежье такое предложение

ние

ние могло быть для меня вполне приемлемым, но эти суммы не соответствовали ни моим представлениям о моих заслугах, ни обещаниям Ивана Кирилова, и я поэтому вежливо отказался. Март, 22-е

23 марта статский советник пригласил меня к себе, показал прошение, которое брат по моей просьбе подал в Высокий кабинет, и сказал, что этого не нужно было делать, а надо набраться еще терпения. Он сказал далее, что на меня не сердится, и повторно предложил поехать в Индию, потому что я якобы очень люблю путешествовать. Но я сослался на пережитые трудности и снова попросил выдать причитающееся жалованье и уволить меня со службы. Так как статский советник вскоре после этого заболел, надолго слет и 23-е

17 апреля умер, я по поводу моего жалованья и увольнения подавал несколько доношений (Donoschenien) полковнику Тевкелеву и подполковнику Бахметову, ведь мне пришлось жить в большой бедности, и, ввиду того, что мой багаж остался в Синбирске, я был вынужден просить друзей помочь мне с бельем. На обе мои просьбы неизменно отвечали отказом под предлогом, что я обязательно уеду в Санкт-Петербург, как только выдадут деньги. И хотя я возражал, что без увольнения никуда не поеду, мне не верили, утверждая, что я постараюсь уехать как можно скорее, не уволившись. Так в награду за труды мне пришлось владеть жалкое существование. Наконец им, наконец, надоели мои вечные просьбы, и они попытались избавиться от меня, вручив 12 июня ассигнацию¹ на сумму 345 рублей 15 копеек (Сорекен). Полковник Тевкелев и подполковник Бахметов сказали, что из Екатеринбурга в Синбирск едет некий прапорщик Кузнецов (Kusnitzoff), который эти деньги мне выдаст. Я понял это как требование вернуться в Синбирск, чтобы получить деньги там. Мне приходилось довольствоваться указанной суммой и радоваться тому обстоятельству, что я могу вернуться к своему багажу и, наконец, надеть собственное белье, оставленное в Синбирске. Апрель, 17-е

14 июня я на голодный желудок отправился прямо в Синбирск, куда приехал в ночь на Июнь, 12-е

17 июня.

¹Здесь: платежное обязательство.

Июнь. 17 июня. Эту ночь мне удалось провести спокойно, но рано утром
17-е 18 июня, когда я на своей старой квартире как раз открыл один
18-е из чемоданов и осматривал одежду, мне причинили новое беспокойство: по приказу тамошнего полицеймейстера Ивана Львовича Шукова (Iwan Lwowitz Schukoff) в квартиру ворвались сержант и 16 солдат, они пинали и били меня и моих людей и с кровоточащими ранами и в разодранной рубашке провели в полицейский участок по всему городу, где меня увидели не меньше 1000 человек. В участке, словно для развлечения публики, меня заставили стоя ждать более двух часов, пока — и то потому лишь, что мои люди ворвались в помещение, — от полицеймейстера не пришло распоряжение, как в отношении меня действовать дальше. Меня привели в его кабинет, где он, сидя за столом с двумя неизвестными мне лицами, спросил, усмехаясь, имеем ли мы с собой паспорта. На что я ответил, что он меня знает, ведь именно он приказал выделить мне квартиру, где я жил в ожидании денег. В этой квартире теперь уже более двух часов, пока меня задерживают, открыты все окна и двери. Полицеймейстер тоже вспомнил это обстоятельство и предложил отправить туда стражника. Он хотел таким образом выйти из положения и меня домой отпустить, но я сказал, что в таком виде не могу идти по городу. В конце концов он послал на квартиру мальчика, который принес одежду, выданную для меня стражником. Из полицейского участка прямо в том виде, в котором меня уже некоторое время назад видели тысячи людей я отправился к случайно оказавшемуся в городе секретарю Оренбургской экспедиции Андрею Иванову (André Iwanoff). Он как раз собрался отплыть в Самару и уже находился на барже. В присутствии сопровождавших его Сакмарского атамана Кастилова (Castiloff), Сибирского бургомистра Василия Калешникова (Wasiley Caleschnikoff), а также шкипера Петровича Кашелова (Petrowitz Cascheloff) и многих других я тут же написал на немецком языке донесение в канцелярию Оренбургской экспедиции и передал его упомянутому секретарю. Он же вручил мне письмо в адрес полицеймейстера Ивана Львовича Шукова: оригинал этого письма

находится

находится в моих руках. Придя домой, я обнаружил, что большая часть лучших моих носильных вещей, а также драгоценные камни, куски руды, записки, Башкирский дневник и относящиеся к нему рисунки и другие предметы украдены. Я сразу же доложил об этом в Оренбургскую канцелярию и просил помочь получить обратно свою собственность. Но там не сочли нужным даже ответить, не говоря уже о какой-нибудь компенсации. Пришлось обратиться к местному воеводе, по имени Иван Иванович Немков (Woynowden mit Namen Iwan Iwanewitz Nemkoff). В течение 44 дней я написал ему 6 челобитных (Schelebitten), или прошений, прося установить виновных, расследовать это более чем татарское поведение и вернуть мне мою собственность. Но добиться его помощи или хотя бы сочувствия не удалось. Наоборот: в довершение всего меня заставили съехать с квартиры, которая мне полагалась по повелению Ее имп. вел. и по контракту: воевода 4 раза лишал меня крыши над головой. Весь этот произвол я вынужден был терпеть, пока, к моему мнимому счастью, в Синбирск не приплыл

Июнь.
18-е

3 августа направлявшийся вверх по Волге тайный советник Татищев (Tatishoff). Я пожаловался ему и описал свое бедственное положение, но он посоветовал помириться с полицеймейстером и его подчиненными и ждать приезда прапорщика Кузнецова. Когда тот выплатит мне деньги по векселю, я смогу поехать с ним в Самару и там получить причитающееся мне жалованье и потом уйти в отставку.

Авг.,
3-е

4 августа упомянутый прапорщик приплыл из Екатеринбурга, но денег никаких не выплатил.

4-е

6 августа мы с ним отбыли в Самару, куда приплыли 13 августа.

6-е
13-е

Я тут же явился к тайному советнику Татищеву и стал настаивать на выплате задолженности по жалованью и на отставке. Мне с самого начала было ясно, что кто-то очернил меня в его глазах, но я старался время от времени попадаться тайному советнику на глаза, чтобы он постепенно привык ко мне, получше меня узнал и смог убедиться, что я не такой, как ему наговорили. И мне повезло: с каждым разом он становился добрее, а я не упускал возможности общения с

ним;

ним: у него были тонкий ум и обширные знания в области истории и *естественных наук*, он знал множество *курьезных вещей*. Встречи с ним приносили мне большую пользу, тем более, что он свободно владел немецким и другими языками и был хорошим рассказчиком. Предоставляя приют в своем доме, он оказывал мне большую милость и честь. Одним словом – он стал моим покровителем и очень быстро сумел завоевать мое расположение и преданность. Ему даже удалось уговорить меня заключить новый контракт. Срок действия старого контракта истекал только в конце 1737 года, и до составления нового пришлось, конечно, выплатить мне полностью задолженность по жалованью. Новый контракт должен был вступить в действие с конца 1737 года. Я его подписал и начал беззаботную жизнь до окончания срока старого контракта, а потом тайный советник Татищев 28 июня 1739 года уволил меня с почестями со службы.

Меня могут упрекнуть в том, что я слишком далеко отхожу от путешествия к киргизам, описывая происшествия, не относящиеся к этой теме! Но происшедшее показывает, в чем состояла компенсация, так часто упоминавшаяся и обещанная покойным статским советником за старания, которые я приложил во время предпринятого за свой счет путешествия. Надо еще учесть и то, что часть своей ответственности я добровольно или по требованию сверху отдавал в качестве вещественных приложений к отчету, а другой части имущества меня лишили воры. Я поэтому надеюсь, что будут прощены некоторые допущенные мной ошибки. То, что здесь написано, я предназначаю исключительно для глаз высочайших особ. Они должны милостиво проверить, что именно может отталкивать самые порядочные и честные умы и чем испорчена моя радость осознания того, что на благо Российской империи я сумел совершить опасные, но счастливо закончившиеся предприятия, доказав таким образом свою искреннюю преданность. Описание событий, происшедших после возвращения от киргизов, является существенной частью данного дневника и потому еще, что события эти побудили меня хлопотать об увольнении со службы, одновременно я очень прошу не думать, будто я собираюсь

жаловаться

жаловаться и придираются спустя несколько лет после событий. Наоборот, клянусь, что описал все это из стремления к полноте и точности отчета, а не потому, что мне нравится писать о таких делах. Таким способом я хочу доказать свою покорнейшую преданность империи. Дневник я закрываю, но надеюсь, что поступил правильно, дополнив его — с целью ознакомить читателя с чужими странами, а также показать свое прилежание и привлечь внимание описанием того, как,

во-первых, устроена киргизская земля и какие природные блага, связанные с водой и другими элементами, на ней встречаются, как,

во-вторых, выглядят ее жители, какого они характера и телосложения, какие у них обычаи, обряды и законы, как они пользуются благами природы и что происходит, когда они болеют, умирают и хоронят умерших, как,

в-третьих, правят страной в мирное и военное время, кто ей правит или управляет и какие у народа намерения и планы.

Первый отдел

Киргиз-кайсацкая земля (Kirgis-Caysacken-Land) на востоке граничит с Контайши-Калмыкией (Kantaische Calmusckei), на юге — с Бухарией, на западе — с Каспийским и Аральским морями (Oral-See) и Хивой, а на севере — с Сибирью и Башкирией. Несмотря на то, что климат довольно теплый и зима бывает обычно мягкая, земля совершенно не плодородна ввиду того, что она расположена далеко от океана: в ней мало рек, и холодные или теплые осадки выпадают в небольшом количестве только раз в 3 или 4 месяца. Она состоит из сплошных цепей холмов и выглядит не иначе, как открытое море, в котором волны после шторма еще не успокоились. Трава, растущая в этой пустыне, такая острая, что за два дня пешего хода может изрезать обувь. А растет она пучкообразно с расстоянием этих пучков друг от друга в полфута и не выше длины пальца руки: вместе

вместе с чертополохом эта трава служит кормом для множества диких коней, коз и верблюдов. Домашний скот жители вынуждены пастись вдоль берегов рек. Так как эти берега по весне заливаются водой в силу того, что тает выпавший за зиму снег, там растет сочная трава, которую скот объедает, пока жители делают в этих местах стоянку. Они не знают, что такое сенозаготовка, и поэтому двигаются дальше, как только для скота требуется свежая трава. Таким образом получается, что весной и летом они вместе со своим скотом двигаются вдоль рек на север, в сторону Оренбурга, а осенью и зимой они, как перелетные дикие гуси, возвращаются в теплые края, к Аральскому морю. Деревья в этих местах почти не растут, за исключением ивняка, который встречается то тут, то там по берегам рек. Из корнеплодных растений и диких трав здесь произрастают *Rhapontica*, чеснок, *Serpillum*, *Trifolium* и очень много морозника, или *Helleborum*, и бедренца *Pimpinelle*. Растет здесь и много других трав, но я не ботаник и в то время должен был держать в уме факты и обстоятельства поважнее: я не хотел перегружать свою память затверживанием названий неизвестных мне растений, их определение я оставляю последователям великого Турнефора (Tournefort). Из фруктовых можно найти, кроме персика, или горького миндаля, дикорастущую вишню. Последняя – очень низкорослая, ее почти каждый год выжигают вместе с травой. Земледелия в этих краях нет, поэтому люди не знают, что такое – хлеб. У них, кроме того, нет домашней птицы: из-за кочевого образа жизни они не могут ее держать. Но, с другой стороны, вся страна богата дичью: волками, лисами, дикими лошадьми и козами, так что иногда кажется, как уже выше упомянуто, что вся местность ими заполнена, не считая большого количества сурков и барсуков; встречаются даже тигры. Под датой 6 июля 1736 года я уже писал о диких козах и что это должны быть безоаровые козы, так как у них – как и в Индии – можно найти камень безоар, только реже и меньше по размеру. А маленький он потому, что корм, от которого он образуется, здесь иной, чем в Индии. Когда речь идет об этих козах, то нужно добавить еще следующее: в этих краях они жи-

вут

IX. Дикіе кози.

вут только летом, а зиму проводят в Индии и Персии. По телосложению они напоминают молодую косулю, голова же походит на лошадиную, на которой торчат козыи рога, состоящие из множества колец. Морда очень мягкая, и блеют они как обычные козы. Когда бегут, то время от времени подскакивают и потом продолжают бег. У них привычка спать днем, в самую большую жару, необыкновенно крепким сном. Поэтому их часто можно поймать живьем. Мясо этих коз очень нежное и по вкусу напоминает телятину, и жаль, что его невозможно приготовить по-европейски, с солью и другими приправами. Шкура опять же похожа на шкуру косули, также по цвету, только шерсть нежнее. Глаза — большие, круглые и красивые. Верхняя часть челюсти крупнее, чем нижняя, так что последняя почти не видна. Копыта — как у коз, и вообще — животное просто прекрасно по своей природе. После того как я так подробно написал о безоаровых козах, пора писать и о другой особенности животного мира — о диких лошадях. Каждый жеребец, в зависимости от возраста, имеет до восьми — десяти кобыл, их вместе с жеребятами он охраняет. Когда кто-нибудь приближается к стаду, кобылы остаются на холме, а жеребец бросается в атаку: кусает и лягает и неосторожного человека запросто может поранить и прогнать. Если в него начинают стрелять, он тут же возвращается к своим кобылам, которые вместе с жеребятами бегут впереди него в какую-нибудь горную долину. Как бы осторожно эти животные себя ни вели, киргизам часто удается их обмануть. Когда они, например, на своих прирученных лошадях едут по степи и видят вдали стадо диких лошадей, то прижимают свои головы к шеем лошадей и таким образом становятся незаметными: дикие лошади принимают домашних за своих и не убегают. После того как дикое стадо окружено, киргизы спускаются на землю и, держа своих лошадей за поводья, ползут по траве в сторону диких. Те их не замечают, пока киргизы не приблизятся к ним на расстояние выстрела. По команде начинают стрелять по жеребьям, садятся на своих коней и преследуют убегающее стадо. Обычно они возвращаются с хорошей добычей. Убитого жеребенка разделывают меньше чем за 10 минут. Шкуру обрабатывают,

рабатируют, разрезают на ремни или шьют из нее одежду, в которой сами выглядят как лошади. Мясо режут на куски, и каждый участник охоты получает по равной доле. Мясо приторачивается к седлу, и, хотя киргизы иногда находятся в пути по 3-4 дня и жара стоит очень большая, оно не начинает вонять. Эти лошади, впрочем, не отличаются крупным телосложением; у них маленькие головы, очень красивые, выпуклые глаза, бесподобной белизны зубы, тонкие ноги и твердые копыта, а строение туловища у иных такое, что можно предположить происхождение от очень хорошей расы. Но встречаются среди них и очень крепкие, малозлетантные особи. И те, и другие невероятно быстры и дики, никаким способом их не укротить; они скорее умрут с голода, чем дадут себя обуздать. По масти среди этих лошадей есть всякие – и гнедые, и вороные, и пегие, и прочие. Кроме того, в этих краях очень много кабанов, которые возле озер питаются корешками солодки, или *лакрицы*, *персика*, или миндаля, отчего так прибавляют в весе, что достигают 20 – 30 пудов (Pud). Но так как жители являются мусульманами, то свиней не едят. Здесь также обилие черепах: их мясо очень деликатного вкуса, но жители в пищу тоже не употребляют. Из пернатой дичи вследствие отсутствия лесов можно видеть только живущих в траве куропаток и перепелов, но на озерах и их берегах – несколько видов уток, диких гусей, лебедей, журавлей и дроф, которые зимой сюда прилетают из холодных стран, а также серых и других цапель. Из хищных птиц наряду с орлами встречается беркут (Püskurt), который намного сильнее орла и используется для охоты на диких коней и коз, что я 22 июня 1736 года уже описал. Кроме того, здесь живут несколько видов ястребов, они питаются хомьяками и полевками. Киргизы всю эту дичь почти не стреляют и в пищу не употребляют, зато у них есть ручные одноторбые и двугорбые верблюды, лошади и очень ценная порода овец с искривленной мордой и длинными, висячими, как у некоторых собак, ушами; вместо хвоста у них курдюк (Curtuck), или очень большой кусок жира, который может весить до 20 – 30 фунтов. Этот курдюк, равно как и мясо овец, является большим деликатесом; английская баранина не выдер-

живает

живает никакого сравнения. Лошади киргизов происходят от красивой персидской расы, они очень быстры и невероятно удобны для ездовых, потому что приучаются с самого молодого возраста. Киргизы гоняют их по кругу, держа за веревку из конских волос или верблюжьей шерсти, пока не воспитают. Когда они затевают ограбление, то 2-3 дня кормят коней очень скромно — для того, чтобы те были легче и быстрее. А когда кони разгорячены, их нельзя поить, пока не остыли. В горах можно найти неопишемое количество окаменевших улиток, аммонитов, раковин, рыб, костей и других курьезных вещей. По всей стране очень много селитры, и на поверхности несчетанных озер лежит чистая соль, которую жители в пищу не употребляют и никаким другим образом не используют. Что укрыла природа в земле этой страны, я определенно сказать не могу, так как кроме шпаги и пальцев у меня не было с собой инструментов, чтобы исследовать почву. Сами жители не заинтересованы в исследовании природных богатств и не могут поэтому сказать ничего. Но я нашел образцы железной и медной руды и предположительно — даже серебра, золота и других видов руд, которые я передал статскому советнику.

Яшма (Jaspis), порфир (Porphyr) и агат (Agath) встречаются наряду с другими драгоценными камнями и минералами, а также и довольно большое количество особого вида узорчатого мрамора, который намного красивее, чем флорентийский (Florentiner), и асбест (Asbest), или льняной камень, в который, как говорят, римляне по общей традиции (Tradition) заворачивали умерших и потом сжигали. В горах Сувунду (Suwundu) недалеко от Туркестана (Turkestan) в почве находят даже самородный свинец (мне показывали несколько свинцовых пуль), и можно полагать, что есть и ртуть (Mercurium): мне кажется, что этот народ напоминает ртуть, — ведь он все время находится в движении.

В здешних краях есть якобы гора на реке Анни-дарья (Anny Daria), содержащая много золота, и недалеко от Бадахшана (Badachschan) находят лазурит (Lapis Lazuli).

Купорос, квасцы и другие вещи, редкий вид земляной смолы типа асфальта,

асфальта, который выглядит как черный янтарь, а также сера встречаются в почве в больших количествах. Полагаю, что я перечислил с довольно большой точностью все находящееся в этой земле, и мне остается только описать надлежащим образом ее реки и озера. Я уже упоминал разные соленые озера и теперь хочу добавить то, что мне говорили об Аральском море: чтобы его объехать, требуются два месяца — настолько оно велико; оно очень глубокое, и вода крайне соленая. Из него ни одна река не вытекает, а в давние времена оно якобы было связано с Каспийским морем; однако сегодня между ними сидит какая-то пробка, и Аральское море похоже на котловину, из которой вода не может стекать. Это тем более удивительно, что в него впадают две разные могучие реки; о них я считаю нужным добавить то, что имеет отношение к описанию киргизской земли:

во-первых, это река Сыр, которая берет начало в горах выше города Ташкент, протекает через Бухарию и киргиз-кайсацкие земли и впадает в Аральское море;

во-вторых, это Анни Дарья, могучая река, которая берет начало выше Бадахшана и тоже устремляется через бухарские и киргиз-кайсацкие земли в Аральское море;

в-третьих, это река Кёва (Köwa), также впадающая в это море,

в-четвертых, это река Гомут (Gomuth), на которой расположена Хива и которая тоже впадает в Аральское море.

Есть еще несколько других рек, которые протекают через киргиз-кайсацкие земли в сторону Арала, но они мне неизвестны и поэтому не хочу о них писать.

Как Сыр, так и Ами (Ami) являются золотоносными реками, также как Чилчу (Tschiltzschi), река в Бухарии, в которой много золотого песка. Этот песок реки собирают в верхней части своего течения. Киргизов это не интересует, они добычу золота из воды предоставляют бухарцам. Если бы я стал об этом писать, то получилось бы очень большое отклонение от темы: я ведь пишу о киргизах, а не о бухарцах. Но я думаю, что, заканчивая эту тему, должен упомянуть о своеобразном обстоятельстве: бухарцы вынуждены платить ежегодную

дань киргизам. Из этого следует, что народ, который подчиняется другому, может быть выше по своему прилежанию и стремлению к приобретению имущества. Теперь вкратце о том, как бухарцы добывают золото: когда по весне вода бурно устремляется в долину, люди, стоя в реке, набирают густой песок на простыни или куски войлока и промывают его до тех пор, пока не останутся только золотые песчинки. Следует заметить, что песок в реке Чилчу содержит больше золотых крупинок, чем в Сыре и Ами.

Второй отдел

Жители этих краев среднего роста и имеют хорошую талию. По цвету кожи они похожи на европейцев. У всех мужчин черные волосы, но их стригут наголо, лишь иногда оставляют сзади косу. Уши не прилегают к голове, как у европейцев, а оттопыриваются, но против этого ничего не предпринимается. Поэтому киргизы слышат на расстоянии лучше, чем мы, европейцы, ведь торчащие уши ловят звук лучше. Мне кажется, что мы, европейцы, портим себе слух тем, что детям, которые рождаются с оттопыренными ушами, надеваем в раннем возрасте туго сидящие шапки, чтобы уши не торчали. Мы, таким образом, вмешиваемся в законы природы, и себе во вред. Глаза у киргизов невероятно остры и дальнзорки, они способны увидеть что-нибудь вдалеке раньше, чем мы, даже с помощью подзорной трубы. Я приписываю это тому обстоятельству, что они с малых лет тренируются в обнаружении на большом расстоянии дичи или какой-либо добычи. О глазах нужно еще заметить, что они довольно большие у детей, если киргиз женится на женщине своего народа. Но если он захватил калмыцкую девушку и, чтобы не отдавать за невесту очень много кобыл, женится на ней, то у их детей обычно маленькие калмыцкие глаза, широкие лица и кривые ноги. Зубы у киргизов — что самая красивая слоновая кость, и нужны они им только для того, чтобы с их помощью можно было говорить. Они ведь не жуют; хлеба у них

них нет, мясо они режут на очень маленькие кусочки, которые можно, взяв в рот, сразу глотать, не жуя. Бороду они оставляют только на подбородке: все волосы на лице и теле выщипывают специальными щипчиками.

По своему телосложению киргизы крепкие и выносливые мужчины. После большого напряжения, когда они потеют или им жарко, они ни за что не станут пить, а подождут, пока не остынут. И в самую большую жару они стараются держать грудь в тепле.

По своему характеру киргизы очень хитры, подозрительны и грубы, при этом они разбойники и так просто никому не доверяют, если к ним не относиться по-особому. Мне однако, показалось, что они могут быть и искренними и не такими жестокими, как их описывают, если войти к ним в доверие и относиться честно.

В науках они ничего не понимают кроме того, что им нужно для кочевого образа жизни: это днем — солнце, ночью — луна и Полярная звезда вместе с четырьмя странами света. Иногда эти знания оборачиваются против них. Это тогда, когда их молодые пленники перенимают знания и, прихватив с собой двух-трех самых лучших коней, бегут в сторону своей родины. Одежда знатных мужчин состоит из полотна и ситца, а у простолюдинов — из овечьих и лошадиных шкур, а также из войлока или верблюжьей шерсти. Их накидки и шапки — войлочные, но носят они главным образом вышеупомянутые шкуры. Они не в состоянии долго идти, потому что их с молодых лет учат ездить только верхом. Женщины у них носят сапоги, штаны и почти такую же одежду, что и мужчины, если не считать головной убор и покрывало, за которым они прячут свое лицо, чтобы его не было видно. Незамужние женщины носят на голове длинную шапку, которая выглядит как кораблик и торчит в обе стороны. Она состоит, собственно, из двух половинок, между которыми находится голова: затнутые поля отделаны бобровым мехом, а верх — бухарским бархатом. Есть у них и другие виды головных уборов — все они украшены серебряными нитями и перьями. В ушах женщины носят различные подвески. Я видел среди них много пленных ногайских и татарских девушек: их

можно

Х. Приветствие казахов.

можно узнать по кольцу в ноздре. Незамужние киргизские девушки, как и русские, заплетают волосы в косы, а одежду шьют из бухарского бархата, шелка, тафты, а также полосатого и цветастого ситца. Сапоги у мужчин и женщин цветные — я видел желтые, черные, зеленые, синие и красные, но все они из отличнейшей шагрени.

Когда киргизы встречаются и при этом здороваются, то обеими руками берут за руки друг друга, делают несколько движений, будто пилат дрова, отпускают руки и складывают их крестообразно на груди: первый говорит: «Эссало малекум!» (Essalo maleckum!), а второй ему отвечает: «Алекум салам!» (Aleckum salam!) Женщины выражают вежливость по отношению к мужчинам и ближайшим родственникам, опускаясь перед ними на левое колено, а на правом складывают обе руки; при этом они говорят вышеприведенные слова. Киргизы позволяют себе удовольствие взять в жены трех, четырех, пятерых женщин и больше — за сколько они в состоянии платить. Ввиду того что денег они не знают, женщин покупают за кобыл и шкуры волков, лис, корсаков (Corskien). Цена женщины соответствует не 20–30 кобылам, как говорил мне 24 июня 1736 г. хан, а колеблется — в зависимости от красоты — между 50 и 60 кобылами или соответствующим количеством шкур. Как только достигнута договоренность в торге или обмене, жених отдает отцу девушки столько, сколько может, а все остальное — после необходимых разбойничьих набегов. Но невеста должна оставаться у родителей, пока жених не «выплатит» полную цену. Несмотря на указанное обстоятельство, у него есть курьезная возможность провести с ней три ночи. А получается это так: по полу юрты расстилается ковер, одна его половина находится внутри юрты, вторая — снаружи. Между половинами не только войлочная стенка, но и деревянная решетка. На ковре в юрте спит невеста, жених — на свежем воздухе. Пара, кажется, надежно разделена, но вряд ли родителям удастся проследить за тем, чтобы молодые не объединились. После первой ночи жених дарит утром своей избраннице 2 рубахи, пару штанов и кусок полотна, которым она должна обмотать голову. Приняв подарок, она признает его своим будущим мужем. Но он не получит

получит ее, пока не выплатит всю цену, и до тех пор не имеет права показываться на глаза ее родителям и родственникам. Если они случайно встретятся, он должен отвернуться, и она тоже смотреть в другую сторону. Когда, наконец, невеста полностью «оплачена», забивают самого лучшего жеребенка на пир: иногда до этого момента проходит три года. Среди жен киргизов главное место занимает та, которая рождает первого сына. Она должна взять на себя ответственность за домашнее хозяйство. К женам относятся как к рабыням: те не имеют права принимать пищу вместе с мужем и обязаны делать всю работу, даже седлать коней, помогать мужу спешиваться, когда он возвращается домой; жены расседлывают коней, поят и кормят их, так что мужу остается только спать, охотиться и разбойничать. При этом он остается хозяином в доме, и его должны обслуживать также и пленные девушки. А если от такой пленницы рождается ребенок, то он ценится так же, как дети от жен, и имеет такие же права. Здесь я не могу не упомянуть, что большинство детей бегает голыми — девочки до 5, а мальчики — до 6 лет. Последним с самого раннего детства бьют ножом голову и только на макушке оставляют пучок волос. Когда родители перекачывают от одной стоянки к другой, детей своих везут так: сажают их в большие корзины, которые для равновесия навьючивают с обеих сторон на спину верблюда. На корзины натягивают сетки, чтобы дети не могли выпасть или выкарабкаться во время движения. Обычно верхом на этом верблюде едет еще девочка лет десяти-двенадцати, которая следит за маленькими детьми и дает им время от времени мясо и овечье молоко. Такой караван со стороны выглядит, конечно, очень курьезно: каждая семья составляет его по-своему, определяет свой порядок следования на новую стоянку, но обычно он таков: впереди всех на лучшем коне едет самая красивая дочь. Одетая она во все дорогое: на голове у нее — остроконечная шапка, украшенная серебряными нитями, пером какого-то особого красного гуся и маленьким бубенчиком. Повод идущего следом верблюда, прикреплен к ее лошади, так же и все остальные затем следуют цепочкой друг за другом. Этот верблюд несет домашний скarb вместе с

коврами.

XI. Супруга хана.

коврами. За ним идет тот, что с детьми в корзинах, а дальше верблюды, груженные юртой и другими вещами. Замыкают караван лошади и овцы, которых погоняют мальчики. Один из них едет обычно верхом, а остальные идут пешком и длинными палками направляют овец то на правую, то на левую сторону каравана. Сидящий на лошади подгоняет обратно к каравану тот скот, который отбивается в сторону и для мальчиков с палками становится недосягаемым. Муж и его обычно беременные жены едут на лошадях рядом с верблюдами. Женщины при этом кормят грудью совсем маленьких детей, а тех, кто побольше, во время кочевки сажают впереди или сзади себя на спину лошади. Бывает также, что детей привязывают вместе со стульчиком к спине жеребенка. Если на караван из нескольких семейств посмотреть со стороны, то это выглядит очень забавно. Люди поют или играют на флейтах, а молодые мужчины на конях кружат вокруг каравана и высматривают возможных врагов, готовые отразить любое нападение. Когда они добираются до места, где, по их мнению, достаточно корма, то сгружают вещи с верблюдов, разбивают лагерь, сооружают юрты, словом, устраиваются так, будто давно здесь живут, хотя из-за корма для скота они не могут находиться на одном месте дольше 2-4 дней. Юрта сооружается довольно быстро из деревянных решеток, которые легко соединяются и так же легко разбираются. Она похожа на копну сена: круглая внизу и колбовидная вверху; в крыше оставляют дыру, которая служит для выхода дыма. Нижнюю часть юрты обтягивают циновками, а стены и крышу накрывают красивым войлоком. Киргизы постоянно должны быть гостеприимны. Когда голодный человек увидит поднимающийся из юрты дым, то он — и с ним все остальные, не успевшие приготовить пищу, — обязательно идут в эту юрту: они, можно сказать, словно рой пчел окружают хозяина, приветствуют его так, как выше описано, садятся на колени, подобно верблюдам, и жадут, не будучи приглашенными. А хозяин юрты, даже если у него всего один фунт мяса, делит его в соответствии с количеством гостей на части, чтобы каждому достался кусочек — пусть даже маленький. Иногда после совместной

трапезы

трапезы гости уходят такие же голодные, как пришли, а хозяину вообще ничего не досталось. Но киргизы предпринимая меры предосторожности и не разжигают огонь, пока не забиты лошадь или баран.

Выше я уже писал, что овцу или лошадь, которую решено забить, сперва показывают в живом виде тому, кого хотят угостить. Из этого они делают довольно торжественную церемонию. Потом благодарят Бога, а также просят благословить того, кто дал это животное на забой.

Тем временем вокруг собираются уже те молодые мужчины, которые охраняли караван во время перехода: они представляют собой сборище, квинтэссенцию (Quint-Essenz) злодеев разных национальностей, живущих исключительно разбоем. Они охотники, а на самом деле паразиты: в качестве платы за охрану киргизы их кормят и терпят около себя. Эти молодые люди держат наготове свои острые ножи и как стая ворон кидаются на животное, которое должно быть забито, валят на землю, перерезают горло и так быстро снимают шкуру, что можно только удивляться. По части разделки они столь искусные мастера, что самый лучший анатом не сработает аккуратнее. После того как мясо приостынет, его бросают в чугунные или латунные котлы, а пока оно варится, присутствующие угощаются кумысом, или кобыльим молоком, которое пьют из мисок. Одни ведут серьезные беседы о том, какие они предпринимали набеги и разбойные нападения, другие их слушают и, разумно используя время, выщипывают друг другу лишние волосы на подбородке или снимают рубашку и ищут в ней и на коже мелкую живность, которою природа одарила их в большом количестве. Они ловят эту живность, но не убивают или раздавливают, а бросают на пол, передавая таким образом в качестве благодарности своему благодетелю — хозяину юрты. Надо заметить, что у них совсем нет блох. Когда мясо готово, его передают все тем же молодым людям. Те очень быстро отделяют его от костей и режут на мелкие кусочки. Кости, на которых кое-где еще осталось мясо, передаются старейшинам и знатым людям, а те обламывают их и высасывают костный мозг с такой основательностью, что самая внимательная ищейка не найдет после них и мини-

мального

ХII. Перекочевка казахской семьи.

мального следа мяса или жира. После того как руки помыты и прочитана благодарственная молитва, отваренное без соли и всяких специй и мелко нарезанное мясо в большой миске передается самому знатному из присутствующих, а тот должен своими руками кормить других знатных, которые на коленях сидят перед ним, или же он кладет тем, кто рангом ниже, соответствующие порции в маленькие деревянные миски, а они потом суют это мясо друг другу в рот. Все это происходит очень быстро, за какие-нибудь четыре минуты они съедают целую лошадь. Руки после еды вытирают о сапоги, так как салфеток у них нет, потом оставшимся жиром смазывают волосы на голове и на подбородке и только после этого руки моют водой и вытирают досуха о штаны. В качестве второго блюда пьют из своих деревянных мисок шурпу (Schurpa), или суп. А когда обедают высокопоставленные и знатные люди, то в заключение подается еще и кумыс, или кобылье молоко, и они порядком напиваются. Все это сопровождается игрой на флейтах. Инструмент делают из белого и черного морозника, что совсем нетрудно. Звуки такая флейта издает весьма странные: музыканты держат ее в зубах и при этом еще гудят. Поскольку каждая флейта используется всего лишь раз, их тут можно найти великое множество. Песни рассказывают о подвигах их героев: какие те совершали набег и нападения, как погибали: мелодии в большинстве своем — меланхоличные. Что касается кумыса, то он производится из кобыльего молока следующим образом. Кобылицу в день доят 5-6 раз, так как молока она дает мало. Весь этот удой вливают в мешок из конской кожи. Туда добавляется кусок кислого овечьего сыра, о котором я уже писал 7 июля 1736 очень подробно, и немного свежей воды. Эта смесь начинает бродить, и тогда первая жена, или хозяйка, берет большую палку, которая на толстом конце имеет зарубки, и ею энергично размешивает содержимое кожного мешка. После этого выливает готовый напиток в миску и подает гостям. По вкусу этот кумыс лучше, чем кислое молоко у нас в Европе, но он имеет крепость вина и то превосходство, что после него нет похмелья, т.е. не болит на следующий день голова. Кроме того, кумыс утоляет голод, и

от

от него можно порядком прибавить в весе. Оно и видно по киргизам, которые зимой, когда у них очень мало кумыса, худеют, а летом — толстеют. Человека, которого Вы видели летом, при встрече зимой можете не узнать, настолько он похудел. Из кобыльего молока готовят еще и своеобразную водку, которую называют арак (Arack). Для этого ставят друг на друга два чугунных горшка, там начинается сильное брожение, и через трубочку перегоняют водку. Ее пьют только высокопоставленные люди в качестве лекарства. Наряду с кумысом есть другой напиток из кислого овечьего сыра, о котором я уже сообщал 7 июля 1736 и который они называют айран (Ayran). Его пьют и дома, и в дороге, так как воду употребляют для утоления жажды только в крайних случаях. Когда они устраивают совместные обеды, то также курят табак, получаемый из Бухарии. Для этого используют своего рода короткую трубку, которую изготавливают из глины с берегов рек: взяв кусок глины, придают ему круглую форму, вдавливают с одной стороны пальцем углубление, а с другой стороны просовывают крепкую соломинку — и трубка готова. В углубление кладут щепотку табака, поджигают и через соломинку делают 3—4 затяжки. Курильщики тут же валятся на землю, как бы без сознания, и закрывают глаза; можно подумать, что они страдают эпилепсией. Через некоторое время выпускают изо рта ясный дым, принимают снова вертикальное положение, смачно сплевывают, и на этом удовольствие кончается. Вся посуда у них из дерева, только емкости для кумыса и воды — из кожи. Изготовлением этой посуды заняты калмыцкие и другие пленные девушки. Их религия, или вера, состоит вкратце в том, что они пять раз в день совершают омовения, опускаются на колени и с покрытой головой молятся. Почитание своего Бога подтверждают и тем, что по мусульманскому обычаю подвергают своих детей обрезанию. Но одновременно они очень суеверны и чрезвычайно любят всякое колдовство, о чем я уже два раза, 19 июня и 14 июля 1736, писал. Священнослужителей у них очень мало, и те выделяются только тем, что умеют немного читать и писать, а пишут они свои тексты справа налево, макая время от времени камышовую трость в туш

(Indianische Dinte).

(Indianische Dinte). Их правовая система обходится без писанных правил и законов, а базируется на Коране (Alcoran). Главный священнослужитель, или ахун (Agun), зачитывает старейшинам соответствующий текст из Корана, после этого они обсуждают дело и выносят решение. Окончательный приговор выносит, однако, хан, и он тут же исполняется. Они не любят длинных заседаний суда, а действуют как бы по законам военного времени. При этом к смертной казни почти никого не приговаривают: обычно все кончается тем, что провинившийся получает крепкую порку саблями. Для войны у них есть своеобразные панцирные рубашки, лук со стрелами и упомянутая выше камерная труба, которая устроена как пушка, но стреляет очень далеко и точно. В бою они не знают порядка, атакуют так же хитро, как кошка ловит мышей. Чтобы окружить врага, они ползут в высокой траве 2-3 версты, как при охоте на диких лошадей, а когда им кажется, что враг окружен, стреляют, лежа на земле, из своих камерных труб и почти каждым выстрелом убивают человека. В текстильных делах они ничего не понимают: их женщины и девушки умеют, однако, произвести разные виды войлока и шапки из него. Шкуры диких зверей, которые мужчины приносят с охоты, они выделывают и дубят, а из конских сухожилий делают пряжу и тетиву. Когда скучно или не спится, мужчины занимаются седельной сбруей для лошадей или изготавливают стрелы для лука и отменный порох из той селитры, которой по всей стране достаточно. Золота они совсем не знают, а также серебра и драгоценных камней. Что касается наук, то они такие же невежды, как их скот. Все, необходимое из одежды и что шьется из полотна, ситца, бархата и шелка, а также шагреньевые сапоги, железную и медную посуду, конскую сбрую, ножи и другие необходимые вещи они выменивают у бухарцев, весьма прилежных и искусных ремесленников (обязанных — как уже сказано — платить киргизам дань), на овец, лошадей и разные меха. Я выше уже писал об их телосложении и отмечал, что они здоровые, сильные и выносливые люди: здесь я должен добавить, что среди них я не встречал ка-
лек. А что касается болезней, смерти и похорон, то можно сказать

следующее:

следующее: несмотря на хорошее зрение, у них часто встречаются болезни глаз. Кроме того, случаются колики, и даже со смертельным исходом, если их священнослужитель, или мулла, или их старые женщины не смогли помочь. Их помощь и лечение выглядят так: кладут кусок соли в миску с водой, дышат 40 раз на эту соленую воду и бормочут несколько арабских слов. После этого пациент должен отпить глоток. Во время перекочевов он садится на спину верблюда, и его везут по степи. У них нет телег, на которых можно было бы перевозить больных. Как только заболевший доходит до того состояния, что уже на верблюде или лошади сидеть не может, а значит — близок к смерти, его помещают в специальную маленькую юрту, так как испытывают отвращение к больным. Кроме вышеописанного курса лечения, за неимением медикаментов предпринять ничего невозможно. Таким образом, больной предоставлен милости Божьей, его только кормят, пока не умер. Умершего семья обмывает и заворачивает на турецкий манер в 9 гробовых покрывал. Затем его хоронят на холме рядом с бывшими языческими могилами. На могилу кладут камни, а в знак того, что он был мусульманином, ее украшают кустарником. Во время похорон мулла и вся семья поют погребальную песнь. Потом забивают лошадей и большими кусками мяса раздают бедным милостыню, чтобы те молились за упокой души; они ведь верят в *чистилице*. В память об умершем из кожи забитого у могилы коня режут ремни и дают каждому из присутствующих по одному. Описанным выше образом хоронят умерших только в мирное время, когда люди живут в одной орде. А когда мужчины умирают от ран, полученных во время набегов или войны, и не могут самостоятельно ехать на коне, их предоставляют самим себе, бросая одних в степи с куском мяса, сыра и с водой. Иначе и быть не может, если человек умирает вдали от всех в поле. Первый, кто найдет мертвое тело и узнает в погибшем мусульманина по дощечке на груди с фрагментом из Корана, похоронит его известным способом в соответствии со своими материальными возможностями.

Третий отдел

Киргиз-кайсаки разделены на три орды, следовательно, у них есть три хана. Самый знатный тот, кто владеет, кроме своей земли, еще и городом Ташкент, это Шолбурс хан (Scholburs Chan). Хан второй орды тоже могущественный; в его владения входит город Туркестан, и его зовут Шемяки (Schemiaki). А третий хан властвует над самой маленькой ордой; это Абул Гейер, у которого я был в гостях. Все три хана не имеют права что-либо приказывать друг другу. Каждый властвует самостоятельно, но они поддерживают дружеские отношения.

Я останавливаюсь на том хане, о котором могу что-то рассказать. О других я ничего не знаю, так как лично у них не был. Итак: Абул Гейер Хан — мужчина высокого роста, благообразный, с бело-румяным лицом, общительный, добрый и очень сильный. Никто из мужчин его нации не умеет натянуть лук так, как он.

Его имя Абул Гейер можно рассматривать и как звание, потому что «Абул» значит «хороший», а «Гейер» — «отец». Я не могу с уверенностью сказать, носит ли он это имя и одновременно звание с рождения как имя собственное, или оно ему было присвоено позже.

До того как стать ханом, он был султаном, и все его дети имеют этот титул. Когда во время войны с джунгарскими калмыками (Zungurische Calmucken) им лично был взят в плен их предводитель Контайша и в последнюю войну против башкирского Адаара (Adaar) он очень отличился, то малая орда избрала его ханом. Резиденция Абул Гейера находится у Аральского моря, и его род выводится от Тимерлек (Timerleck), что означает не что иное, как от Тамерлана. Он командует вооруженными силами из 40 000 человек, но не является самодержавным властителем, а зависит от советов старшин. Он исполняет то, что одобряют старшины. Его прерогатива состоит в том, что он является верховным судьей и имеет право двух голосов: все публичные приговоры вступают в силу только после его одобрения.

Со своими подданными он должен быть очень осторожным, ибо

все

все время находится в смертельной опасности: как только перестанет им нравиться, они его зарубят. Когда он захотел обговорить со мной что-то секретное, то отозвал меня в сторону. Доход у него очень скромный: ему выделяют ровно столько, сколько нужно на жизнь. При этом он еще вынужден отдавать что-то тем, кто им недоволен, чтобы поддержать их доброе отношение. По этой же причине он часто обедает у своих подданных.

Право отдавать приказы имеют кроме хана еще и старшины, которые все время находятся рядом с ним и которыми он командует. Они обычно происходят из хороших семей, являются мурзами, или князьями, баями, или дворянами, а также батурами, или героями. У многих из них скота больше, чем у самого хана. Мир или война для них, так сказать, не представляют больших различий: при победе все стремления обращены только на то, чтобы завладеть женщинами, детьми, скотом и имуществом побежденных, земля же совершенно их не интересует. Во время войны командуют молодыми воинами или ополчением (Militz) те старшины, которые считаются самыми умными. Но все должны исполнять приказы хана. При общей суматохе ополченцы (Militz) должны ориентироваться по тем тряпицам или флажкам, которые бойцы из собственной орды привязывают к палкам или копьям.

Когда хан желает оказать чужому человеку или же своему подданному особую честь, он трогает правой рукой его правое плечо, как я это уже описал 21 июня 1736 года. Помимо этих суверенных прав хан не пользуется какими-либо другими привилегиями, кроме еще одной — он может обедать там, где хочет. О монетном деле и других вещах, из которых мог бы извлечь пользу для себя, он ничего не знает, хотя, может быть, и захотел бы ввести то или иное новшество. Но без помощи или поддержки он не осмеливается на это, потому что его дикие подданные, относящиеся к нему с подозрением, скоро прикончили бы его.

XIII. Портрет хана Абулхайра.

Регистр основных материй этой книги

Перевел с немецкого Владимир Скорый

А.

Abul Geier (Абул Гейер). Так зовут правящего государя третьей киргиз-кайсацкой ораы. Первоначально он имел только титул султана, однако после одержанных побед стал ханом. 109.

Abschied (Прощание). Таковое происходит у автора с ханом, стр. 40. 41. Автор желает его вследствие невыплаченного ему жалованья и других досадных обстоятельств. 83.

Abuyss (Абуйс). Означает у киргизов ученый-книжник. 16.

Ackerbau (Земледелие). У киргизов вовсе не существует. 86.

Agath (Агат белый). Был найден в одной древней языческой могиле в виде печати, на которой был вырезан пеликан с 2 детенышами, стр. 43. Обычный агат у киргизов встречается часто. 91.

Agun (Агун). Бухарский священнослужитель по имени Монсур. 12.

Allmosen (Милостыня). Подается киргизами во время похорон их покойников беднякам мясом зарезанной лошади. 108.

Altar (Алтар). Так звали одного башкирского бунтовщика. 42.

Ami Daria (Аму-Дарья). Могучая река, которая берет свое начало в горах Бадахшана, образует границу между Бухарией и киргиз-кайсацкими землями, впадает в Аральское море и несет с собой много золотого песка. 92.

Ankunft (Прибытие). Прибытие автора к киргизам. Относительно него эти последние произвели гадание, чтобы узнать, является ли оно для них счастливым, стр. 19. Оно предотвратило возникновение союза всех трех киргизских орд и башкир против России, стр. 16, к статскому советнику Ивану Кирилову, 56. Прибытие в Оренбург, 60, в Сибирск (*Sinbirsky*) 77, в Самару, 80.

Anny-Daria (Анни-Дарья), или река, на ней должна находиться гора, в которой содержится много золота, 91.

Arabische Sprache (Арабский язык). Использовался при гадании киргизов, 19.

Arack (Арак) – это водка, которую киргизы получают путем дистилляции из кобыльего молока в двух расположенных друг над другом горшках. 106.

Aral-See

Aral-See (Аральское море). Что касается состояния и окрестностей, то в настоящее время оно совсем никуда не вытекает, в то время как ранее оно якобы впадало в Каспийское море. 92.

Asan Abuys (Азан Абуйс). Посланник Джамбека Батура (Jambeck Batur). 15. Прощаясь с автором, просит посетить его господина, от чего автор с извинениями отказывается вследствие отсутствия подарков. 16.

Asbest (Асбест), или горная кудель, часто встречается у киргизов 91.

Assetrina (Осетрина). Рыба, из нее делают лучший пузырь и лучшую икру (Ikray). 71.

Assignation (Ассигнация). Ее автор получает после Синбирска на имя прапорщика Кузнецова (Kusnitoff) на 345 рублей 15 коп. 81.

Astankoff (Астанков, Останков). майор одного русского отряда, который повстречался автору по пути и который не доверяет посланному к нему автором татарину и поэтому приказывает батальону построиться в каре 55. 56. автор встречает его еще раз на обратном пути в Оренбург, так как хочет получить от него лошадей для своего путешествия, однако майор их не дает. 60. Прибывает в Оренбург. стр. 61.

Audience (Аудиенция) автора у сыновей хана. 20.

Augen (Глаза). Глаза киргизов необычайно зорки и могут, таким образом, видеть вещь дальше, чем мы, европейцы, с помощью подзорных труб, однако если они для ведения домашнего хозяйства берут в жены калмыцких (Calmuckische) девушек, глаза детей будут меньших размеров. 93.

Auctor (автор) этого труда, посвятивший себя России и желающий достойно исполнить свою службу в Оренбурге, был поэтому оставлен в Оренбурге. 11. Как он без чьего-либо совета или помощи содействует интересам Российской империи. 11. Оказывал Ерали Султану (Eraly Sultan), одному из сыновей киргизского хана, различные дружеские услуги. 12. Его беспокойство, которое у него возникло, когда он получил через киргизов известие, и которое подвигло его отправиться в путешествие к киргизам. 12. 15. отправляется 14 июня 1736 года в путешествие. 15. киргизы считают его русским посланником, в качестве которого он и принимается 16. после прибытия для него возле юрты хана ставят бухарский шатер из белого хлопка, где

он принимает бесчисленные визиты. 17. киргизы считают его медиком. 17. утешили, что хан скоро прибудет. 18. Был вынужден скакать с тремя сыновьями хана на гору, получить у них аудиенцию, причем однако наблюдался смешной церемониал, и при этом у него была возможность представиться. 20. его узнают в его татарском одеянии по его немецкой шпаге и пистолетам, и после того, как он проскакал на своей одолженной лошади за один день 106 верст, он еще в этот же вечер благополучно прибывает к статскому советнику. 56. покупает у своей хозяйки довольно большой, но нешлифованный рубин Палле за маленький нож. 23. вызывают к хану, и при его прибытии для него разбивается белый бухарский шатер из хлопка. 23. как его ведут на аудиенцию к хану и что при этом происходит. 24. Прощание с ханом, и какие милости были оказаны автору 27. угощался из кухни ханши, и из чего состояли блюда. 29. аудиенция у трех супругов хана, во время которой он передает привезенные подарки, купленные на его собственные деньги. 29. 30. спрашивают, сколько у него жен и детей. 30. хвалит быстроту киргизов в еде. 33. Хвалит хану его страну за то, что в ней лучшие овцы, лучшие жеребята и самый деликатесный кумыс. 33. за короткое время рисует хана без кисточки, с помощью пальцев. 34. вызывается к хану, чтобы послушать, что будут обсуждать с ним старейшины Джамбек Батура 35. записывает имена тех киргизских старейшин, которые поклялись оставаться верными Ее императорскому величеству. 37. спрашивают, какой обратный путь он желает выбрать: хочет к статскому советнику. 37. Дает хану ответ на его жалобу, которым тот остался доволен и назвал автора поэтому честным человеком. 38. 59. очень голоден, пробует есть коренья, однако не может их есть из-за горечи. 39. получает подарки от одного киргиза по имени Теберде (Teberde) 39. извиняется перед ханом за то, что не может отправиться в качестве посланника в Бухарию. 40. Прощается и сопровождается ханом. 40. 41. отправляется с киргизскими посланниками в обратный путь на северо-запад. 41. из-за башкирских разъездов хочет, чтобы его снова доставили к Абул Гейеру, и узнает, что от другой киргизской ораы отделились 88 и от Джамбека Батура 8 человек, и неизвестно, отправились ли они в Оренбург или к башкирам. 42. убежден в намерении союза между башки-

рами

рами и киргизами. поэтому он прибыл к хану в удачный момент. 42. 43. Не смог спать от голода, дождя и холода. 46. сообщает статскому советнику Ивану Кирилову (Iwan Kiriloff) о своем прибытии через 2 верных башкир и решает отправиться к нему совсем один. 54. 55. Посылает еще 2 казаков с письмом к статскому советнику, а киргизы с радостными лицами сообщают автору, что они гадали и благодаря этому узнали, что от статского советника придет хорошее известие, после чего он получает 4 августа хорошее письмо и конвой в 24 человека. 55. посылает реляцию о своем исполнении поручения статскому советнику Ивану Кирилову (Iwan Kiriloff), 56. представляет статскому советнику киргизских посланников. 59. хотел сообщить статскому советнику относительно письменно выраженного о нем совершенно другого мнения оренбургского коменданта, однако воздержался. 59. получает от статского советника распоряжение сопроводить обратно под конвоем до реки Яик (Jaickstrom) прибывших с ним киргизских посланников и забрать из Оренбурга необходимые ему вещи, а затем вместе с подполковником Чемадуровым (Tschemaduroff) прибыть в Яицкий городок, а затем через Самару в Симбирск, после чего автор прощается со статским советником, который дарит ему шубу и лошадь. 59. 60. Вынужден решиться вместе со своим конвоем, состоявшим из 22 калмыков, поесть их провизию, которая оказалась сушеной падалью и которую он принял вначале за кусочки сухарей, однако заболевает от этого. 60. попросил у оренбургского коменданта 10 казаков, а также необходимый инструмент, так как обнаружил недалеко от Оренбурга на горе возле реки Тан-Атлак (Tan - Atlack) следы великолепной яшмы, и поэтому хотел посетить гору, в чем ему, однако, было комендантом отказано. 60. 61. был отруган Бейбеком (Beybeck) и назван виновником того, что они не получили в Оренбурге провиант, поэтому он был вынужден успокаивать их. 61. одаривает Бейбека и Мамета за присланные ему ханом подарки различными вещами и угощает киргизов в палатке полковника Тевкелева (Teffkeleff), 61. 62. получает для своего путешествия по реке Яик от коменданта лодку, которую адъютант хочет у него отобрать; поэтому вступает с ним в ссору, и за это на него поступает жалоба коменданту. 65. Несправедливым образом комендант считает его отпетым человеком, и автор указывает

указывает причину этого, 66 на его лодку направляются 24 солдата, которые хотят разломать его повозку, однако не могут это сделать, о чем очень сожалел один сержант, который хотел поэтому выбросить все вещи автора в воду, из-за чего автор был вынужден пожаловаться подполковнику, 66, отправляется в путешествие по воде в Сибирск с подполковником Чемадуровым, причем в отряде было 120 человек, 66. Показывает подполковнику возле устья реки Сакмары (Sackmara) место, которое было чрезвычайно подходящим для крепости, 68. не получает лошадей от подполковника, которому он ради этого привез запечатанный приказ от статского советника, и вынужден взять их напрокат за свои деньги, 72. 73. Отъезжает из города Яика и догоняет вечером выехавшего ранее подполковника, 73. был вынужден по пути давать киргизам водку, мясо и хлеб за свой счет, 73. с большими почестями принимается князем Белосельским, 74. прибывает в Сибирск к статскому советнику Ивану Кирилову, которому он показывает найденные им образцы камней, руд и других курьезов, которые у него постепенно забирают, 77. о потере его как друга печалились уже полгода, так как прошел слух, что будто бы башкиры зарубили его саблями в Уральских горах (in dem Oralischen Gebirge), 78. его спрашивают, о чем он думает, отправляясь в такое отчаянное путешествие, на что он, однако, отвечает, что для него нет более славной смерти, чем на службе Ее императорскому величеству, 78. раздосадован, так как обещание, данное ему статским советником, не было сдержано, и он не был послан с отчетом в Санкт-Петербург, и жалованье выплачивалось ему лишь понемногу и постепенно: поэтому он требует увольнения и жалованья, 78. 79. хочет получить разрешение отправиться к своему отцу, однако не может добиться такового, 79. Выписывает своего брата из Москвы и посылает его по своим делам в высокие кабинеты в Санкт-Петербурге, 79. 80. получает от статского советника приказ прибыть из Сибирска в Самару, в пути он чуть не утонул в Волге и, кроме того, потерял все свои вещи, за исключением деревянного ларчика, в котором находилось описание его путешествия, 80. подает после смерти статского советника полковнику Тевкелеву и подполковнику Бахметову (Bachmetoff) различные доношения относительно своего невыплаченного жалованья и увольнитель-

ных

ных денег, которые ему не хотели и не могли выдать под тем предлогом, что он уедет потом в Санкт-Петербург. 81. Снова отправляется в Синбирск с ассигнацией на 345 рублей 15 копеек на имя прапорщика Кузнецова (Kusnitzoff), однако вынужден испытывать в пути голод и лишения. 81. в Синбирске по приказу тамошнего полицеймейстера Ивана Львовича Шукова (Iwan Lwowitz Schukoff) на него в его доме нападают солдаты: с непокрытой головой и в одной рубашке, после полученных перед этим ударов по ребрам, его, всего окровавленного и в разорванной рубашке, волокли через весь город в полицию и, наконец, доставили к полицеймейстеру, откуда он снова был отпущен. 82. прямо от полицеймейстера отправился к секретарю Оренбургской экспедиции Андрею Иванову и в присутствии свидетелей показал, как он был окровавлен и избит, и подал поэтому прошение на немецком языке в канцелярию Оренбургской экспедиции. 82. четыре раза вышвыривается воеводой Синбирска из своей предоставленной ему Ее императорским величеством свободной квартиры, на что он также жалуется Татищеву (Tatishoff), который его утешает и отдает ему приказ прибыть в Самару. 83. Прибывает по воде в Самару и имеет там счастливую возможность представиться Татищеву. 83. позволяет вышеуказанному тайному советнику уговорить себя, снова подписывает контракт о поступлении на службу Ее императорскому величеству, получает поэтому задержанное ему жалованье и новый контракт с конца 1737 года, и после давно прошедшего срока, наконец, свою отставку. 84. извиняется за то, что он указал в этом описании путешествия к киргизам некоторые произошедшие с ним случаи, что было сделано не из-за личных страданий, а лишь для того, чтобы можно было видеть, в чем состояла так многократно гарантированная компенсация за совершенное за свой счет для пользы империи очень опасное путешествие и полученные благодаря этому выгоды, причем просит не рассматривать это как жалобу, страница 84. 85.

Айран (Айран) – это напиток, приготовляемый из овечьего сыра. 106.

В.

Bachmetoff Peter Iwannewitz (Бахметов Петр Иванович), русский подполковник и тесть статского советника Ивана Кирилова в Оренбургской экспедиции. 78. автор передает ему различные доношения по поводу своего жалованья и расчета. 81.

Badachschan (Бадахшан) – город, в котором находят ляпис-лазурь 91.

Bartbaare (Волосы бороды) киргизы вырывают, также как и по всему телу, чтобы немного оставалось только на подбородке. 94.

Baskiren (башкиры), двое верных, через которых автор сообщает статскому советнику Ивану Кирилову о своем прибытии. 54.

Baskirisches journal (башкирский дневник) вместе с относящимися к нему рисунками был украден у автора наряду с другими вещами в то время, когда на него напали и потащили в полицию синбирские полицейские солдаты. 83.

Batur (батур) означает у киргизов «герой». 12.

Begräbniss (похороны) у киргизов, как они происходят. 108.

Bellusa (белуга) – рыба, из которой получают как пузырь, так и икру. 71.

Beloselski (Белосельский), русский князь, супругой которого является дочь генерала Чернышева (*Tschernitscheff*). Оказывает автору большие почести. 74.

Bemühung (усердие) верных подданных должно проявляться таким образом, чтобы они делали всегда больше, чем этого требует надлежащее исполнение их функции. 11.

Bey (бей) – в киргизском языке то же самое, что «дворянин». 110.

Beybeck Augluck (Бейбек Ауглук), посланник хана Абул Гейера в Оренбурге 15. Прибыл к автору и сообщил о прибытии хана, 23. вызывает автора на аудиенцию к хану, 23. с какими церемониями он ведет его к хану 24. Снова прибывает с еще 3 людьми от Джамбек Батура в Оренбург, чтобы справиться, не прибыл ли статский советник и выплачено ли обещанное жалованье Ерали Султану, 61. ему и его людям не дают никакого провианта, поэтому все они пришли к автору и хотели обвинить его в этом. 61. он передал с Маметом (*Mammet*) подарки, посланные ханом автору 61. Прибыл со своими киргизами в город Яик. 72.

Beyhoscha

Beyhoscha (Бейхоша) тунгаец (*Tungauer*) по происхождению, попал в плен. 45.

Beymarar Beyla Batur (Беймарат Бейла Батур) предлагает статскому советнику Ивану Кирилову 1000 овец 28. 58.

Bey-Sauby (Бей-Сауби), благороднейший старейшина Джамбек Батура, который обещал, что они будут неизменны в своей верности. 35. 36.

Bezoar Ziege (безоаровая коза), подстрелена автором, ее скелеты он видел в различных собраниях искусства и натуралий: в настоящее время киргизы находят в них камень, 43. 86. 89. ловят с помощью птицы беркут (*Pickup*). 27. зимой она возвращается обратно в Индию и Персию. 86. Ее облик и свойства стр. 86. 89.

Birla (Бирла)—река средней величины, протекающая возле деревни Резан. 74.

Brandtwein (водка), готовится киргизами из кобыльего молока; они называют ее «арак». Дистиллируется в 2 поставленных один над другим горшках. 106.

Braut (невеста), киргизская, оплачивается по степени красоты и отдается родителями жениху не ранее, чем он заплатит все сполна. 97.

Bräutigam (жених), киргизский, платит за свою невесту, как только торг завершен, сколько у него имеется, и постепенно выплачивает остальное тем, что он добывает разбоем. 97. посылает своей новой жене, по завершении первой ночи, 2 рубахи, 1 пару штанов и полотно для обматывания вокруг головы. Что еще происходит при том далее. 97. 98.

Brust (грудь) киргизы даже при самой большой жаре всегда держат в тепле. 94.

Buberack-Batur (Буберак-Батур), благороднейший старейшина Джамбек Батура, был 5 лет послом у калмыков 35.

Buch (книга) странного вида, имеется у муллы, или священнослужителя, когда он колаует, 19. настоящая должна соответствовать дневнику, находящемуся в Оренбургской канцелярии. 56.

Bucharen (бухарцы) платят дань киргизам. 92. 93.

Büchse (ружье), на котором автор сидел, выстрелило под ним. 18.

Butter (масло) получается киргизами из их напитка из овечьего сыра; они считают

считают его наибольшим деликатесом, дают его благороднейшим и намазали им, по своему обычаю, лицо автору стр.44.

С.

Caffiar, см. икра.

Caravane (караван), киргизский, при этом каждая семья имеет свое особое шествие, которое описывается. 98. когда проходит весь караван, он выглядит очень курьезно. 98. 101.

Casan (Казань), хотели опустошить киргизы и башкиры по наущению Оттоманской Порты. 12.

Ceremoniel (церемония), смешная, у трех сыновей хана, 20. таким образом ведут на аудиенцию к хану. 24.

Certificat (удостоверение), выдано Ерали Султаном автору. 15.

Chan (хан), киргизов, по имени Абул Тейер, у которого был автор, просит о русском посланнике и указывает причину этого. 12. отправляется к Джембек Батуру, чтобы обсудить с ним дела, касающиеся союза против России. 17. о прибытии автора ему было сообщено через двух курьеров. 17. его маленький сын стреляет из лежащего под автором ружья и убивает при этом лошадь, из которой было приготовлено угощение. 18. его самый старший сын справляется о самочувствии Ее императорского величества и заверяет, что они намерены верно придерживаться того, что они обещали. 20. показывает автору тору, где было бы предпочтительно иметь крепость, за счет чего Ее императорское величество могло бы противостоять всем врагам; он также указал в этой местности еще одно место, где было бы очень предпочтительно заложить крепость, так как там встречается много золота и драгоценных камней. 28. якобы знал кого-то, кто хотел отправить статскому советнику 2000 овец. 28. благодарит автора за его визит и просит извинить его людей, с которыми он должен обходиться осторожно, за их грубые манеры, и постоянно подчеркивает, как благодаря его, автора, присутствию он укрепился в своем намерении добиться успеха. 28. придерживается мнения, что европейская женщина, должно быть, очень изысканная и дорогая, и они.

то

то есть киргизы, таким образом, в выгоде, что могут купить довольно хорошую девушку за 20–30 кобыл. 33. считает, что лучше его страны нет. 33. во время первой аудиенции публично сказал, что теперь после прибытия автора он мог бы запретить своим людям союз с Килмеком (Kilmeck) против России. 27. 57. должен осторожно обходиться со своими людьми. 28. 58 принял решение наказывать тех киргизских разбойников, которые начнут бунтовать, или выдавать их России, если она этого пожелает 34. 58. Устраивает большой пир для всех присутствующих старейшин 3 ора 36. 58. жалуется, что комендант Оренбурга запретил ему продвигаться дальше вниз по реке Ор. 37. 59. требует построить в Оренбурге дом, и что им при этом движет, также он хотел, чтобы его 3 сына посвятили себя службе Ее императорскому величеству, и обещал иметь при себе в Оренбурге не больше людей, чем это ему будет позволено. 40. 58. Просит автора написать портрет его супруги и предлагает поехать посланником в Бухарию. 40. дарит автору свою лучшую лошадь и еще другие вещи. 40. видный из себя господин, с бело-румяным лицом и такой сильный, что никто из всей нации не способен натянуть лук так же сильно, как он. 109. его род происходит от Тимерлека (Timerleck), что означает Тамерлан (Tamerlan). 109. хотя он командует 40000 людьми, способными носить оружие, его правление отнюдь не суверенно, а связано с мнением его старейшин, однако осуществляется посредством его приказов, которые они одобрили. 109. В войне с джунгарскими (цунтурскими, Zungurischen) калмыками собственноручно пленил их предводителя Контайши (Contaischa) и очень отличился против башкирского Алаара: поэтому он был объявлен ханом и теперь имеет свою резиденцию на Аральском море. 109. видимо, хотел бы охотно ввести и то, и другое, что могло бы быть для него выгодным, однако не может этого сделать для своих подданных без значительного содействия и других гарантий. 110.

Characteur (характер), странный, одной книги по киргизскому колдовству. Страница 19.

Chiva (Хива) – город, расположенный на реке Гомут (Gomuth). 92.

Christin (христианка), одна русская, которая была похищена из города Яика, обратилась к автору на татарском языке и попросила об избавлении.

Автор

Автор описал ей обратный путь, которым она и последовала, прибыла домой и была там выдана замуж. 19. 20.

Clima (климат) киргизской земли теплый, при этом зима проявляется очень слабо. 85.

Colika (колики), от них страдают большинство киргизов, и зачастую они также умирают от этого. 108.

Commando (отряды) во время войны находятся под предводительством старейшин, однако, таким образом, что они во всех отношениях подчиняются приказу хана. 110.

Commendant (комендант) Оренбурга, не хотел посылать к киргизам российского посланника, а вместо этого разрешил автору по просьбе Ерали Султана отправиться к хану, 15. его мнение, которое он написал статскому советнику о путешествии автора, 59. отказывает автору в просьбе о конвое и инструментах, чтобы осмотреть с их помощью гору недалеко от Оренбурга на реке Тан-Атлак, где автор обнаружил следы великолепной яшмы. 60. 61.

Compliment (комплименты), делаются автором во время аудиенции на французский манер. 24. и приветствия киргизов, когда они встречаются друг с другом, и как это делают женщины по отношению к своим мужьям и ближайшим родственникам. 97.

Conjunction (союз) башкир с киргизами против России автор смог заметить более чем определенно. 42.

Contaischa (контайша) – предводитель цунгурских (джунгарских) калмыков, собственноручно взятый в плен Абул Гейер Ханом. 109.

Convoy (конвой) из 24 татар посылается автору и находящимся при нем киргизам статским советником в заложенную новую крепость. 55.

Cornu-Ammonis (аммонит), часто встречается в киргизских горах. 91.

Cosake (казаки), один из них сбежал по пути в Сакмару (Sackmara). 67. Яицкие, сохранили за собой свое донское казачье право, заключающееся в различных прерогативах. 71.

Cotton (хлопок, ситец), в него одеваются благороднейшие киргизы. 94.

Cumis (кумыс), или кобылье молоко, является для киргизов их нектаром, 18. 23. они часто его пьют, при этом чрезвычайно от него пьянеют 105. и полнеют.

полнеют. 106. для него существует посуда из кожи, которая изготавливается калмыцкими и другими девушками. 106.

Car (лечение) у киргизов производят их священнослужители или старухи, что они делают особым образом, 108. какое осуществлял автор. 17. 35.

Kurtuck (куртук) – очень широкий кусок жира, весом в 20–30 фунтов, который у киргизских овец имеется вместо хвоста. 90.

D.

Dankbarkeit (благодарность), мнимая, выражается киргизами своему благодетелю во время угощений тем, что они не убивают пойманную живность, которую они выискивают в это время в своих рубахах, а бросают ее живой на сунаук и оставляют хозяину в его юрте. 102.

Deen Strom (река Деен) берет свое начало в горах Махашелл Айрук Тау (Mahaschell Ayruk Tau) и впадает в реку Жем (Jemm). 20.

Delicatesse (деликатес). Таковым киргизы считают то масло, которое оседает на напитке из их овечьих сыров. 44.

Derwisch (дервиш) – означает у киргизов религиозный или святой человек. 46.

Desperate (отпетый человек) – так несправедливо обызывают автора 66.

Dieb (вор), киргизский, украл 40 кобыл, пойман и наказан за это. 34.

Divertissement (удовольствие), для этого киргизы женятся на 3, 4 и 5 женщинах или на стольких, за скольких они в состоянии заплатить. 97.

Dollmetscher (толмачи), их у автора было двое. 15. должны были во время аудиенции у сыновей хана слезть с лошадей и стоять. 20. были снова посланы автором в Оренбург, им были даны 3 человека конвоя, а также письмо к коменданту Оренбурга о выполненных автором поручениях, лошади автора и полученные им подарки. 43.

E.

Edelgesteine (драгоценные камни), часто встречаются у киргизов. 91. которые автор привез из своего путешествия к башкирам. Иван Кирилов постепенно забирает у него, не заплатив. 77. 78.

Eigenschaften

Eigenschaften (свойства), которые являются у одного человека похвальными, у других служат хорошим примером для подражания. 11.

Einsiedler-Bütte (хижина) отшельника обнаружена в лесу, и в ней автор и бывшие при нем люди обнаружили котел, рыбачью сеть, топор и несколько копченых рыбин. 46.

Elteste (старейшины) Джамбек Батура обещают оставаться верными Ее императорскому величеству, 35. 36. всех трех орд клянутся, после предварительного призыва божественной помощи, оставаться верными Ее императорскому величеству и пьют за здоровье Ее величества. 36. должны были сказать свои имена автору, который их записал. 37. 500 человек из них от всех 3 орд пировали у хана. 37. у киргизов они также отдают приказания, наряду с ханом, и являются мурзами, или князьями, беями, или дворянами, а также батурами, или героями, командуют во время войны, однако при этом они во всем подчиняются приказаниям хана. 110.

Elton (Элтон), капитан флота, автор встречает его в Самаре, с ним очень плохо обходится лейтенант Пултов (*Pultoff*). 74.

Endten (утки), различных пород, живут на озерах в стране киргизов, прилетают туда зимой из холодных стран. 90.

Eraly Sultan (Ерали Султан) – сын Абул Гейер Хана, был заложником в Оренбурге. 12. просит коменданта Оренбурга, чтобы он позволил автору на некоторое время отправиться к его отцу, пишет последнему письмо и дает его автору с собой вместо удостоверения. 15. его портрет принимается его матерью среди всех других подарков автора с наибольшей радостью. 30.

Erd-Pech (асфальт), который выглядит как черный янтарь, его особый вид находят у киргизов. 91. 92.

Erze (руды), из которых автор нашел железо, медь, а также, предположительно, золото и серебро, он, не проверив их, отдал статскому советнику. 91.

Essen (еда): таковую киргизы, в соответствии с обычаями своей страны, суют друг другу в рот. 27. киргизы берут еду пальцами и счастливы, что они не привыкли пользоваться для этого вилками. 38.

Etatsrath (статский советник) Иван Кирилов (*Iwan Kiriloff*), посылает автору конвой в новую, построенную под Сакмарой крепость. 55. получает в ла-

гере.

гере, расположенном в 150 верстах от Уфы, написанный карандашом дневник автора, 56. автор сообщает ему о выполненных им у враждебных башкир поручениях, радуется, когда автор представляет ему киргизских посланников, благодарит его от имени Её императорского величества и обещает отправить для награждения в Санкт-Петербург, страница 59. говорит автору, что комендант в Оренбурге написал о его путешествии к киргизам, 59. отдает автору приказ сопроводить вместе с 12 казаками киргизских посланников и других, кто был там из этой нации, до реки Яик, а затем привезти из Оренбурга наиболее необходимые вещи, 59. хотя и радуется как найденным автором образцам камней, руд и других курьезов, так и другим полученным от киргизов выгодам, 78. однако, все же не выполняет свое данное автору обещание и не посылает его в Санкт-Петербург с реляцией, не дает ему разрешения отправиться в Москву, а вместо этого приказывает выплачивать ему жалованье мелкими частями, 78. 79. очень гневается на автора за то, что тот просит о выдаче жалованья и расчете, и, кроме того, послал в высокие кабинеты своего брата, 80. долго был болен и умер в Самаре, 81.

Europaer (европейцы), слух портят тем, что с помощью плотно прилегающих шапок пытаются исправить уши детям, рождающимся с торчащими в стороны ушами, и таким образом вмешиваются в естественное развитие, 93.

Execution (экзекуция), которая была осуществлена среди киргизов с одним вором, 34. таковая осуществляется по приказу хана 107.

F.

Feder (перья), особой породы гусей, которые киргизские девушки, как оберег, имеют в своем караване: носят на высоких и заостренных шапках на голове, на которых наверху висит маленький бубенчик, 98.

Federwildpret (пернатая дичь), ее у киргизов вследствие малого количества древесной растительности мало, однако возле рек в траве встречаются серые куропатки, но на ту дичь, которая еще имеется, киргизы мало охотятся и даже совсем не употребляют её в пищу, 90.

Festung

Festung (крепость), новая, около 50 верст от Сакмары, возле устья реки Ик, туда автор отправляется пешком со своими киргизами. 54. по-видимому, можно было бы заложить больше таковых. 68.

Fische (рыбы), белуга, севрюга и осетрина, из которых извлекают пузырь и икру; водятся в реке Яик в таком количестве, что зачастую вытаскивают их из воды баграми, однако каждый казак, который участвует в рыбной ловле, должен под страхом смерти получать равную с остальными долю. 72.

Fisch-Reiger (цапли), различных пород и цветов, водятся у киргизов. 90.

Flasche (фляжка), сделанная из кожи верхней части ноги лошади, требуется киргизам во время путешествий для их напитка из овечьего сыра. 44.

Fleisch (мясо), безоаровой козы, жарится на конском навозе, рубится на куски, поливается водой и готовится с раскаленными камнями. 43.

Flöhe (блохи), у киргизов совсем нет. 102.

Flöten (флейты), на них киргизы играют во время своих перекочевок. 101. а также во время похорон, они сделаны из черного морозника и издают необычные звуки, когда киргизы приставляют их к зубам и при этом гудят. 105.

Florentiner-Marmor (флорентийский мрамор), его превосходит киргизский. 91.

Frau (женщина), русская или немецкая, относительно таковой хан полагает, что она, должно быть, является очень редкой и дорогой, так как у каждого имеется только одна, а у некоторых совсем ни одной. 30. 33. киргизская, в зависимости от степени красоты, продается за 50-60 и более кобыл, однако её не отдадут ранее, чем муж заплатит все. Но, как только торг завершен, он имеет право курьезным образом спать у неё 3 ночи. 97.

Friede und Krieg (мир и война) у киргизов одно и то же, так как их намерения направлены ни на что иное, как на захват у врагов их женщин и детей, а также скота и имущества. 110.

Füllen (жеребенки), диких лошадей: автор подстрелил одного, мясо которого было поджарено на навозе диких лошадей и съедено. 16.

G.

Gänse (гуси), дикие, обитают у киргизов на озерах, куда зимой прилетают из холодных стран. 90.

Gastmal (пир), таковой хан устраивает в честь прибытия автора, на него приглашаются благороднейшие старейшины всех 3 орд. 36. 58. устраивает автор киргизам в Оренбурге. 62. как киргизы устраивают таковой между собой и что при этом наблюдается. 102. 105.

Gastfrey (гостеприимными) должны быть киргизы по любому поводу. 101.

Gebährden (жесты), делает киргизский мулла, или священнослужитель, во время гадания. 19.

Geissel (закладчик) в Оренбурге, им был сын хана Ерали Султан. 12.

Gegend (местность), таковую показывает хан. была бы очень удобной для закладки там крепости, поскольку там можно найти большие запасы золота и драгоценных камней 28. 57. 58.

Gehör (слух), киргизы имеют гораздо лучший, чем европейцы. 93.

Gemüthsneigung (душевная склонность), имеется у киргизов к хитрости, грубости и недоверию. 94.

Gerüste (плот), делается путешественниками, чтобы переправить на нем имущество через реку Яик. 46.

Gesandten (посланники) киргизского Абул Гейер Хана, почему они прибыли в Оренбург. 12. Просят о русском посланнике и одновременно указывают причину этого. 12. От имени Джамбека Батура заверяют, что постоянно будут оставаться верными Её императорскому величеству в соответствии с данной однажды присягой. 35. 58. за такового киргизы принимают автора. 16. поэтому автор должен отправиться от хана в Бухарию. 40. 59. Киргизские посланники идут с автором к статскому советнику. 56.

Geschirr (посуда), деревянная, в ней жареное мясо безоаровой козы готовится с раскаленными камнями. 43. другая, кроме деревянной, киргизам не нужна. 43.

Gesundheit (здоровье) Её императорского величества, за него пьют киргизы. 16. 36. 58.

Gerickla (Герикла), маленькая речка возле станции Териклинской (Gericklinskoy), впадает в реку Черемчан (Zscheremtschan). 77.

Gold (золото), серебро и драгоценные камни у киргизов совсем не ценятся, и они этого также не понимают. 107. 91. Золотоносный песок, его много имеется в Сыр-Аму (*Sir-Ami*) и в реке Чилчу (*Tschiltzschu*). 91. 92. Добыча, киргизы предоставляют ее бухарцам, как это происходит. 93.

Gomouth (Гомоут), река, на которой находится город Хива. 92.

Gott (Бог), к нему киргизы обращаются за помощью в своем намерении оставаться верными Её императорскому величеству. 36.

Gowrin (Говрин), капитан Пензенского полка, который был откомандирован в новую, заложенную под Сакмарой крепость и был очень хорошим другом автора, оказывал ему всевозможное внимание. 54.

Grabmählen (могилы), древних монгольских и ногайских татар, очень часто в форме пирамиды встречаются вокруг Сакмары, исполнены курьезно. 50.

Gräber (могилы) древних, в них у каждого мертвого тела находится имевшаяся у него при жизни личная лошадь в полном снаряжении, а также все, что было необходимо для его должности при жизни, 50, как они выглядят внутри. 50.

Gränzen (границы) киргиз-кайсацкой земли. 85. река Аму (*Amistrom*) отделяет Бухарию от киргиз-кайсацких земель. 92.

Grass (трава), растет в киргизской пустыне пучками, на расстоянии полуфута друг от друга, и такая острая, что во время ходьбы разрезает обувь пополам; она не используется ни для чего, если не считать того, что она служит лучшей пищей для диких лошадей, коз и верблюдов, в то время как хорошую на больших и малых реках ищет домашний скот. 85. 86.

Greshuscha (Грезнуша), речка, которая между городом Яиком и горами Ольченсирт (*Oltschensirt*), из которых она вытекает, впадает в Солону (*Sollona*). 73.

Guder Bey (Гудер Бей), который был среди киргизов очень важным человеком, считает автора посланником, уверяет его, что если бы он не прибыл, они через пару дней напали бы на Россию. 16. Автор лечит ему глаза сахаром. 17.

Haare

Н.

Haare (волосы) киргизы вырывают у себя с помощью изготовленных для этого щипчиков по всему телу, оставляя лишь немного волос на подбородке, 94. из бороды один киргиз вырывает другому во время угощения из любезности. 102.

Haus (дом), таковой хан охотно построил бы себе в Оренбурге. 40. 58.

Hausblase (пузырь), изымается у рыб белуги, севрюги и осетрины, они во всех отношениях довольно схожи: пузырь осетрины якобы гораздо лучше, чем у обеих других рыб, за счет того, как он обрабатывается. 71.

Haut (шкура) верхней части ноги лошади используется киргизами для изготовления фляг, которые применяются киргизами для питья во время путешествия. 44.

Hechte (щуки), встречаются в реке Яик в большом количестве. Их ловят особым инструментом, представляющим из себя железную овальную пластинку, и за табак можно купить 4 таковых. 67.

Heinzelmann (Хайнцельмани), бывший ассессор Оренбургской экспедиции и нынешний советник: когда приходит известие, что автор умер, получает от его отца полномочие привезти оставшееся имущество. 78.

Helleborum, или морозник, растет у киргизов в большом количестве. 86.

Hemde (рубашка), одну шелковую персидскую, свою единственную, автор дарит с себя недовольным киргизам, чтобы сделать их во время путешествия более сговорчивыми. 49. 50. полотняную автор получает от одного швейцарца по имени Якоб Райнер. 56.

Hengst (жеребец), среди диких лошадей, по достижении зрелых лет, имеет по 8-10 кобыл, которых он охраняет, как и жеребят. 89.

Heuschaber (копна), на таковую совершенно похожа киргизская юрта, так как она круглая, а сверху колбовидная. 101.

Hogg (Хогг), английский купец, которого автор встречает в Самаре. 74.

Horden (орды) киргизские, их три. 109.

Hügel (холмы), в стране киргизов выглядят не иначе, чем открытое море. 85.

J.

Jaick Stadt (Яицкий городок), расположен на полуострове и описывается вместе со своими жителями, как последние окружены сплошными разбойниками из башкир, киргизов и калмыков и находят себе пропитание за счет рыбы, пузыря и икры. 71. 72.

Jaickstrom (река Яик), в ней рыба ловится в таком изобилии, как ни в одном месте в мире. 72. на этой реке, в трех днях пути от Сакмары, добывают каменную соль, которая чрезвычайно высокого качества и обладает хорошим свойством снова нарастать каждый раз в таком количестве, в каком она была вырублена. 70. на ней возле города расположено много меловых гор. 70. на ней находят много трав. 70. впадает в Каспийское море. 20. через неё автор был вынужден плыть, так как он был привязан к хвосту лошади. 46. её истоки находятся в двух небольших днях пути, в Сибири, под Екатеринбургом (*Katharinenburg*). 62.

Jaickischer Ottamann (Яицкий атаман), дважды получает от автора просьбу о конвое в 8 человек, и оба раза отказывает, при этом он упрекает автора. 54.

Jambeck Batur (Джамбек Батур), его посланник 12. 35., его старейшины обещают оставаться верными. 35. 36. 58.

Jaspis (яшма), её следы автор обнаружил возле реки Тан-Атлак (*Tan-Atlack*) и хотел осмотреть их, однако ему было отказано в необходимой для этого охране, как и в требующихся для этого инструментах. 60. 61. часто встречается у киргизов. 91.

Jemnstrom (река Ем. Жем), её истоки находятся в четырех с половиной днях пути от Оренбурга, на высокой, имеющей 2 склона горе и впадают в реку Яик под городом Гурьевом (*Gurioff*). 20.

Ikra (икра) готовится из белуги, севрюги, а лучшая — из осетрины, как свежая, так и прессованная, а также как она готовится. 71. 72.

Irdisch (Ираиш), река, которая берет свое начало в горах Ольченсирт (*Oltschensirt*) и впадает в Волгу. 73. 74.

Junge-Mannschaft (молодой отряд) у киргизов вместо солдат и располагается вокруг каравана, чтобы наблюдать за врагом, чтобы тот не мог совер-

шить

шить нападение на караван. 101. Молодой отряд у киргизов является поистине квинтэссенцией собравшихся вместе злодеев всех наций, которые живут ничем иным, как разбоем, охотой и паразитированием, однако никому не хотят делать добра и содержатся киргизами только потому, что служат им для охраны и забивают тех овец и лошадей, которые используются в пищу, и это происходит очень быстро. 102. ими командуют киргизские старейшины. 110.

Jungens (мальчики), киргизские, до шести лет бегают нагими, им с самого начала выбривают голову ножом так, что только на макушке остается пучок волос. 98.

Jurden (юрты), киргизские, каким образом они изготавливаются и как устроены. 101.

Iwan Kiriloff (Иван Кирилов), см Статский советник. 59.

К.

Käse (сыр овец), в него киргизы льют воду, так как таковая делает его жидким и дает утоляющий жажду напиток. 44.

Kalbeck (Калбек), есаул, или адъютант, Абул Гейер Хана при киргизских посланниках. 15. его выгоняют из юрт плетками. Его сложение и облик, он проворный адъютант и образец дорогого времени. 41. 42.

Kamajur (Камаяур) — чувашская деревня, возле неё речка с таким же названием. 77.

Karamsin (Карамзин), русский лейтенант, отстал от своих людей; пропил лошадь, которую автор дал ему с собой. 68. Прибывает совершенно один на челне в полотняном халатишке. 73.

Kargalet (Каргалет), маленькое озеро, возле него много могил древних язычников; вокруг этой местности можно встретить диких лошадей и коз. 43.

Karalück (Каралук), река, которая берет свое начало в горах Ольченсирт (Oltschensirt) и впадает в Волгу. 73. 74.

Kaufmannschaft (торг) за женщин у киргизов очень распространен, и при завершении

завершении торга имеющееся в наличии сразу же передается из рук в руки, остальное постепенно выплачивается из добытого путем разбоя, так как невеста должна работать у своих родителей до тех пор, пока за нее не будет выплачено все сполна. 97. при этом невеста и жених вступают в свои права за счет того, что муж посылает своей новой жене, после того как они провели вместе первую ночь, 1 пару штанов, 3 рубашки и ткань для обматывания вокруг головы, 97. полотно, хлопок, бархат и шелковые ткани, а также сапоги из шагреновой кожи, железную и медную посуду, удила, ножи и другие необходимые вещи киргизы выменивают на овец, лошадей и меха у бухарцев. 107. о том, как можно удобно осуществлять таковую из России в Индию, рассказывает автор. 65.

Kilmeck (Килмек), башкирский бунтовщик, который хотел заключить с киргизами союз против России. 12. 57. вследствие прибытия автора потерял всякую надежду на предполагавшийся союз с киргизами. 58.

Kinder (дети), киргизские, во время переездов родителей дюжинами сажаются в корзины очень курьезным образом. Дети, зачатые киргизскими мужчинами с пленными девушками, имеют те же права, что и дети от законного брака, и являются законными. 98.

Kirgisen (киргизы) справляются, сохраняется ли еще Оренбург во власти России, и просят о российском посланнике. 12. принимают автора за русского посланника. 16. считают его искусным медиком: его облик и одежда показались киргизам очень необычными. 17. 35. изучают вещи, которые у автора были с собой, при этом из-за парика считают его колдуном. 18. один старик хвалится, что может сделать для хана прохладный воздух, однако ему не удается показать свое искусство: но он также не хочет научить ему и автора, так как тот не мусульманин. 23. обычный герб, 27. грубы. 28. 29. 94. на манер птицы казуар сразу проглатывают полную пригоршню нарезанного лошадиного мяса весом в 1–2 фунта. 33. без света новой луны не предпринимают что-либо важное, 36. ничего не понимают и даже не могут читать и писать. 36. в поисках древесины и корма вынуждены кочевать вдоль рек. 37. 38. считают себя более счастливыми по сравнению с нами, так как они не приучены, как мы, европейцы, есть вилками, а могут брать еду пальцами.

пальцами. 38. 105. молодые, приходят к автору с испуганными лицами, так как на них неизвестные внезапно совершили нападение. 42. никогда не пьют во время путешествия плохую воду и возят с собой овечий сыр, чтобы делать из него напиток. 44. не берут с собой в путь дорожный провиант, так как полагаются на то, что им встретится по пути дичь. 49. решают во время путешествия, что Сакмара исчезла и хотят вернуться назад. 49. в пути автор дарит им свою нательную шелковую персидскую рубашку, которая им очень понравилась, и они её поделили между собой. 49. 50. деньги у них не ценятся. 49. приходят к автору с радостными лицами и сообщают, что они гадали и за счет этого узнали, что в ближайшее время от статского советника должна прийти хорошая новость. 55. безосновательно обвиняются подполковником Чемадуровым (Tschemaduroff) в том, что они атаковали в пути русских солдат, и поэтому он приказывает ничего им не давать. 73. не знают никаких сенокосов, а движутся весной со своим скотом вдоль рек и канав в направлении России, а осенью вместе с дикими гусями снова возвращаются на Аральское море. 86. когда отправляются на разбой, дают своим лошадям мало корма, чтобы они лучше бежали. 91. совершенно не расположены исследовать богатства природы в своей стране и также не могут ничего сказать об этом. 91. вся их нация показалась автору подвижной, как ртуть (merkurialisch). 91. среднего роста, стройные, цветом кожи похожи на нас, европейцев, и у мужчин сплошь черные волосы. 93. чистосердечны и вовсе не так жестоки, как их описывают, если только умеешь войти к ним в доверие и искренне ведешь себя с ними. 94. ничего не понимают в науках, кроме того, что днем светит солнце, ночью — луна и Полярная звезда, а также знают 4 стороны света, что создает им много неприятностей с их пленными молодыми людьми. 94. не могут проходить большие расстояния пешком, так как с юности привыкли ездить верхом. 94. вследствие того, что у них нет ни одной монеты, покупают своих женщин за кобыл, шкуры волков, лис, корсаков или каменных лисиц. 97. не могут из-за корма оставаться в одном месте дольше 3–4 дней. 101. постоянно должны быть готовы к приему гостей, и если один голодный или несколько таких людей увидят у другого лишь небольшой дымок, то все они налетают на него как рой пчел, и тогда этот человек,

человек. будь у него всего лишь 1 фунт мяса, не может уклониться от того, чтобы разделить его между своими гостями и дать каждому сколько придется, пусть даже по кусочку величиной с комара, и после этого иной бедняга уходит таким же голодным, а хозяин остается без еды, 101. 102. у них совсем нет блох, 102. зимой, когда у них недостаточно кумыса, они совсем худые, в то время как летом становятся от чрезмерного потребления кумыса очень жирными, так что киргиза, которого вы видели летом откормленным, зимой едва можно узнать из-за его худобы, 106. когда они курят табак, падают без сознания на землю и закатывают глаза, пока у них из горла не выйдет сразу чистый дым, 106. при назначении наказаний редко приговариваются к смерти, 107. не понимают ценности ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, 107. как они лечатся и содержатся во время своих болезней, а также, как их хоронят после смерти, 108. среди них встречается мало калек 107. кайсаки подразделяются на 3 орды: первой правит Шолбарс-хан (Scholbars Chan), который наряду со своей областью владеет также городом Ташкентом, второй правит Шемяки-хан (Schemiaki Chan), который наряду со своей областью владеет городом Туркестаном, а третьей, самой маленькой, правит Абул Гейер Хан, у которого был автор; однако ни один хан не может что-либо приказать другому, 109.

Kirgisierland (земля киргизов) создает ощущение ада, 33. она неплодородна, 38. 70. 85. вор, который украл 10 кобыл, осуждается: впоследствии автору приходится его лечить, 34. 35. разбойники стреляют очень точно и далеко и лежат при этом на земле, 70.

Kleidung (одежда) киргизских мужчин, женщин и их дочерей, 94.

Knochen des Lammes (кости ягненка) во время гадания укладываются в латунный котел, затем сжигаются в поле, и по их золе предсказывают, 19. киргизы высасывают начисто, так что даже ищейка с тончайшим чутьем не почувствует ни малейшего запаха какого-либо мяса или жира на них, 102. 105.

Köwa (Кёва), река у киргизов, которая впадает в Аральское море, 92.

Kopf des Lammes (голова ягненка) используется во время киргизских гаданий, и в каждой глазнице зажигается свеча, 19.

Kraniche (журавли) обитают в стране киргизов на озерах, куда они прилетают зимой из холодных стран, 90.

Krieg (война), манера её ведения киргизами, 110. и мир у киргизов одно и то же, так как у них нет никаких иных намерений, кроме как захватить у врагов их женщин и детей, а также скот и имущество, 110.

Kubeck (Кубек) – башкир, которого полковник Тевкелев (*Teffkeleff*) послал из Сибири к калмыцкому Контайше (*Contaisch*), а затем к Абул Гейер Хану (*Abul Geier Chan*), 72.

Kusnitzoff (Кузнецов), русский прапорщик, на которого автор получил ас-сигнацию на 345 рублей 15 коп. и который, однако, не выплатил никаких денег, 81.

L.

Lamm (ягненок), его кости используются киргизами для гадания, 18, 19.

Land der Kirgisen (земля киргизов) создает ощущение ада, 33. по своему расположению и строению она неплодородна и состоит сплошь из напоминающих волны холмов, там же, 33, 85.

Lapis-Lazuli (ляпис-лазурь) часто находят под Бадахшаном (*Badachschan*), одним из киргизских городов, 91.

Lexin (Лексин), русский лейтенант, который с лошадьми и казаками был послан по суше в город Яик, 68.

Leppis (Леппис), посланник Джамбека Батура (*Jambeck Batur*), расстается с автором под предлогом, что статский советник задержит его надолго 43.

Leuchters (светильники) во время киргизского гадания, делают из кости ноги убитого ягненка, которая, разрубленная в середине пополам, может послужить основой для двух светильников, 19.

Lichter (свечи), при киргизском гадании, для них используется жир убитого для этой цели ягненка, 19.

Liebesdienst (любезность) киргизов состоит в том, что они во время своих угощений вырывают друг у друга лишние волосы из бороды, 102.

Lieder (песни) киргизов во время их угощений посвящены деяниям их умерших героев, тому, как они по-рыцарски грабили, ездили в дозор и испускали при этом свой дух, однако мелодии большей частью меланхоличны, 105.

Luftus

Luftus Dietrich (Люфтус Дитрих), ученик, которого автор использовал во время киргизского путешествия в качестве переводчика. 15. на обратном пути автор посылает его вместе с другими переводчиком в Оренбург и дает ему с собой письма, а также полученные автором подарки. 43.

М.

Mädgens (девушки), калмыцкие, часто захватываются киргизами в полон и становятся их женами. 93. автор видел некоторых девушек ногайско-татарской нации, которые носили в одной ноздре кольцо. 94. 97. костюм незамужних киргизских девушек. 94. киргизские девочки до пяти лет бегают нагими. 98. киргизские девушки делают пряжу из жил лошадей. 107.

Männer (мужчины), киргизские, командуют абсолютно всем в доме, их по приказу должны обслуживать и пленные девушки. 98. в свободное время и когда они не могут спать, они делают седла и сбрую, а также крайне необходимый порох особого качества из имеющейся в стране селитры. 107.

Manier (манера), которую можно наблюдать у киргизов по отношению к своему благодетелю, когда они приходят в гости. 97. 101. 102. манера ведения войны у киргизов. 110.

Manufacturen (мануфактуры), в них киргизы совсем ничего не понимают, если не считать того, что их женщины и девушки делают некоторые сорта войлока и войлочные шапки и дубят те шкуры диких животных с различным мехом, которые мужчины приносят с охоты. 107.

Marschiren (мари), — хорошо передвигаться пешком киргизы не могут. 94.

Marmor (мрамор) фигурный, который гораздо лучше, чем флорентийский, можно найти у киргизов в большом количестве. 91.

Medicus (медик), искусным медиком считают автора. 17.

Medicin (лекарство), в качестве него для наиболее благородных используется арак, или водка из кобыльего молока. 106.

Menage (экономия), её киргизы осуществляют, когда женятся на пленных калмыцких девушках, потому что не требуется платить так много кобыл за них. 93.

Miseer

Miseer (Мизеер), сын башкирского бунтовщика Алтара, который кочует с 200 башкирами. 57.

Monden (луна), без света новой луны киргизы редко начинают какое-либо большое дело. 36.

Monsur (Монсур), один бухарский агун, или священнослужитель. 12.

Motscha (Моча), речка, которая берет свое начало в горах Ольченсирт (*Oltschensirt*) и впадает в Волгу. 73. 74.

Münze (монета), у киргизов их совсем нет, и даже хан ничего о них не знает. Страница 110.

Mulla (мулла), или киргизский священнослужитель, проводит церемонию во время колдовства на коленях, на арабском языке, грозит чертям плеткой и закликает их оставить в покое всех честных мусульман. 19. не учились ничему, кроме как писать и читать. 106. лечат больных. 108.

Muselmann (мусульманин) означает у киргизов правоверный. 23.

Musoa (Мусоя), маленькая речка. 74.

Murmeltier (сурок), в киргизских землях их много. 86.

Mursa (мурза), на киргизском языке обозначает "князь". 110.

N.

Nachfolge (подражание) примеру других во многих случаях является началом честного предприятия. 11.

Negoce (торговля), по мнению автора, могла бы осуществляться с Индией через город Оренбург, для чего он показывает путь. 65.

Nemkoff, Iwan Iwannewitz (Немков, Иван Иванович), воевода в Синбирске, не дает автору на его поданные в течение 44 дней челобитные или прошения против тамошнего полицеймейстера никакой сатисфакции, а вместо этого приказывает 4 раза с чрезвычайной серьезностью вышвырнуть его из предоставленной ему Её императорским величеством в соответствии с контрактом свободной квартиры. 83.

Nutzen von Orenburg (польза от Оренбурга), возможно, могла бы быть наибольшей за счет торговли с Индией. 65.

Nijas Sultan (Нияз Султан) является одним из братьев Абул Тейер Хана (Abul Geier Chan), страница 29.

О.

Obeleck (Обелек), маленькая речка, едва заметная из-за своей незначительности, впадающая в реку Яик. 44.

Ohren (уши) у киргизов не прилегают, как у нас, европейцев, к голове, а большего размера и оттопыренные. 93.

Olschensirt (Ольченсирт), горы, расположенные между городом Яиком и городом Самарой. 73.

Orenburg (Оренбург), на реке Орь, где автор был оставлен для постройки этого города, 11. был заложен 12 августа 1735 года. 62. его описание, 62. 65. хотели взять голодом, 12. мог бы с чрезвычайно большой пользой послужить для торговли с бухарцами, ташкентцами и всеми азиатскими народами. 65.

Osernoy (Озерной), новый городок на реке Яик, на полпути из Оренбурга в Сакмару, где на горе находится деревянный караульный домик с императорским флагом, в котором несут службу казаки. 67.

Osorka (Осорка), крепость, заложенная в 120 верстах по эту сторону от Оренбурга. 60.

Ottamann (атаман), яицкий, к которому автор дважды обращается с просьбой дать ему 8 человек конвоя и который оба раза отказывает в этом и почти упрекает автора. 53.

Ottomannische Pforte (Оттоманская Порта) подстрекает 40 000 киргизов заключить союз против России с башкирским бунтовщиком Килмеком. 12.

Р.

Paltoff (Палтов), русский лейтенант, очень плохо обходится с капитаном Элтоном. Страница 74.

Patienten (пациенты) у киргизов перевозятся с собой во время продолжающегося лечения на верблюдах, так как у них нет никаких повозок. 108.

если

если кто-нибудь так болен, что уже не в состоянии сидеть на лошади и видит перед глазами смерть, его бросают, то есть помещают в маленькую юрту и подают пищу на расстоянии, пока он не умрет. 108.

Peitsche (плеть), ею мулла, или священнослужитель, грозит чертям. 19.

Persiko (персико), или горькое миндальное дерево, вырастает у киргизов в 2-3 руки высотой и обычно каждый год сгорает вместе с травой. 86.

Pfeile (стрелы) соединяются задней частью и с их помощью производится тадание, чтобы найти правильное решение. 45. 46.

Pfeilnath см. *Satura sagittalis* 19.

Pferd (лошадь), лучшая у хана, на которой он может настигать диких коз, подарена им автору. 40.

Pferd (лошадь), если таковая должна быть зарезана, её прежде всего подвоят и показывают живой тому, кого должны ею угощать. 102.

Pferde, zahme (лошади), домашние, персидской породы, их свойства и описание. 91. дикие, как их ловят, включая их натуру и свойства, не могут быть приручены. 89. 90. Их жир считается у киргизов одним из самых больших деликатесов, способствует сильному выделению пота и хорошему пищеварению. 38. молоко является для киргизов их нектаром. 18. конский навоз, дикий, на нем киргизы жарят мясо. 16. 43. хвост, к нему привязывают автора и переправляют таким образом по воде. Страница 46.

Pickurt (беркут), птица, которая используется киргизами во время охоты на диких коз и лошадей. 27.

Pimpenelle (бедренец), растет у киргизов в большом количестве. 86.

Pischpermack (Пишпермак), киргизская еда, которая готовится из мелко нарезанного конского мяса. 41.

Porphyur (порфир), встречается у киргизов часто. 91.

Prärogatio (преерогативы), их хан не имеет, за исключением того, что он своим приказом осуществляет решения своих старейшин. 110. и что командующие во время войны старейшины во всем подчинены его приказам, а также, что он всякий раз может есть там, где он хочет 110.

Presente (подарки), которые автор передал супруге хана. 30.

Priester (священнослужители), которые называются у киргизов муллами:

таковых

таковых среди них мало, и они ничему не научены, кроме как немного читать и писать. 106.

Process (процесс), его киргизы ведут между собой недолго, а исполняют быстро, как по законам военного времени. 107.

Pulver (порох), для стрельбы, изготовляется особого качества киргизскими мужчинами из имеющейся в стране селитры. 107.

Purgatorium (чистилище), киргизы верят в его существование. 108.

Q.

Quint-Essenz (квинтэссенция) собравшихся вместе сплошных злодеев всех наций — это киргизский молодой отряд. 102.

R.

Ragusin (Рагузин), капитан драгунского полка, автор ищет у него совета, тот, однако, спрашивает его о том, в каком он звании, и дает ему такой же ответ, как атаман Вероскин (*Weroskin*). Стр. 53. 54.

Rhapontica (ревень), растет у киргизов в большом количестве. 86.

Räybers (разбойники), которые начали бунт под Оренбургом, должны быть наказаны или выданы по запросу России. 34. 58.

Rauch (дым), таковой не должен подыматься ни у одного киргиза, чтобы какой-нибудь голодный или несколько подобных ему людей не свалились на него и не напросились в гости. 101.

Regale (регалии), таковых хан не имеет, кроме того, что он всякий раз может есть там, где хочет. 110.

Regierung (правление) хана ни в коем случае не суверенно, а связано с решениями его старейшин. 110.

Reiner (Райнер), Якоб, каменотес и швейцарец из Санкт-Галлена, дает автору нательную рубаху. 56.

Reinlichkeit (чистоплотность), у киргизов состоит в том, что они после еды вначале вытирают свои руки о сапоги, а затем полностью вытирают их о голову и бороду. 105.

Reise (путешествие), из Оренбурга к киргизам происходило в южном направлении. 16.

Reisszeug (готововальня), целая, была подарена автору одним молодым киргизом, который полагал, что находящиеся в ней циркули используются во время еды вместо вилок. 38.

Reiten (скачки), на них один маленький мальчик выиграл назначенный Абул Гейер Ханом приз. 36. во время них делается жидким заливаемый водой для приготовления напитка овечий сыр. 44.

Relation (реляция), таковую о выполнении поручений автор передает статскому советнику Ивану Кирилову. Страница 56.

Religion (религия), киргизов, в чем она состоит. 106.

Revenüen (доходы), их хан получает от своих киргизов чрезвычайно мало, так что он едва может на них жить. 110.

Rivieres (реки) киргизов из-за выпадающих зимой снега и дождя весной обычно выходят из берегов, вследствие чего в таких местах растет превосходнейшая трава. 86.

Rüben (свекла), была принесена автору, она была необычайных размеров, однако внутри желтая и твердая. 70.

Roskolschicken (раскольники), большое их число имеется на правой стороне Сакмары (*Sackmara*). 68. являются беглыми русскими холопами, которые живут в глухой местности, считаются отшельниками и кормятся рыбной ловлей. 69. много их живет также в окрестностях Яицкого городка 70.

Russland (Россия) умеет воспитывать у людей особое почтение к себе. 11. опасность для нее заставляет автора отправиться в путешествие к киргизам. 12. 15.

S.

Sackmara (Сакмара), старый город, который 30 лет тому назад был разрушен башкирами, находится в 30 верстах от нового города Сакмара (*Sackmara*). 68. новый город имеет свое название от реки Сакмары (*Sackmara*). Его описание. Его окрестности напоминают Елисейские поля. 50.

туда

туда подполковник Чемадулов (*Tschemaduroff*) отправляет 5 казаков, которые должны разузнать о 3 офицерах, которые были отправлены на лошадах по суше из Оренбурга в Яицкий городок. 68.

Sackmarastrom (река Сакмара), в устье которой автор показал подполковнику место, где река Яик образовала полуостров, который необычайно подходит для строительства крепости. 68.

Sakamsky-Linie (Закамская линия), длиной 400 верст, против башкир, имеет каждые 15 верст крепость. 74.

Salpeter (селитра), прекраснейшая, её полно по всей стране киргизов. 91.

Salz (соль), её добывают, помимо икры, жители Яицкого городка в 12 днях езды отсюда, в озере, где соль находится сверху как лед. 72.

Samara-Strom (река Самара), впадает под городом, имеющим такое же название, в Волгу. 74.

Satisfaction (сатисфакция), таковую автор никак не может получить ни от симбирского полицеймейстера, ни от тамошнего воеводы, ни из канцелярии Оренбургской экспедиции. 83.

Schafe (овцы), по прибытии автора их режут в первых киргизских юртах, а во время угощения пьют за здоровье Её императорского величества. 16. Киргизы, перед тем как забить, подводят их для того, чтобы на них посмотрели, и обращаются к Боту, чтобы он 1000-кратно благословил дающего. 102.

Schaafe (овцы), киргизские, их описание, их мясо гораздо нежнее, чем у английских. 90. 91. замыкают шествие киргизского каравана семейства и потоняются и направляются пешими людьми, каждый из которых держит для этого поперек спины длинную палку. 101.

Schafs-Milch (овечьё молоко), сухое, полный мешок такового был подарен автору одним молодым киргизом. 38.

Schager-Bey (Шагер-Бей), посланник хана. 15.

Schild-Kröten (черепахи), их у киргизов имеется ужасное количество. 90.

Schemiaki (Шемяки), хан средней киргиз-кайсацкой орды, который могуч и наряду со своей областью владеет также городом Туркестаном. 109.

Scheremka (Шеремка), река, которая очень велика и быстра. 74.

Schokoloff

Schokoloff (Шоколов), русский прапорщик, который, находясь в пути со своим отрядом, был застрелен киргизскими разбойниками. 69.

Scholbars (Шолбарс), хан первой и наиболее благородной киргиз-кайсацкой орды, который наряду со своей остальной областью владеет также городом Ташкентом (Taskent). 109.

Schriften (текст), киргизы пишут тростниковыми палочками, обмакиваемыми в индийские чернила (тушь), справа налево. 106. 107.

Schukoff Iwan Lwowitz (Шуков Иван Львович), полицеймейстер в Синбирске, приказывает сержанту с 16 солдатами притащить автора из его дома в полицию, что сопровождается ударами по ребрам: наконец, приказывает снова освободить его. 82.

Schweine (свиньи), дикие, имеются у киргизов в большом количестве, однако не употребляются жителями в пищу. 90.

Schwester (сестры) Ерали Султана объявляют о своем визите к автору и приносят подарок, состоящий из кислого овечьего молока. 37.

See (озеро), одно из них содержит воду небесно-голубого цвета, которая имеет вкус квасцов. 16. другое содержит зеленую, очень вонючую воду, в которой автор чуть не утонул. 46. 49. имеется много таких, на которых лежит прозрачная соль. 91.

Seele (душа) живого человека, может быть довольна в окрестностях Сакмары. 50.

Serpillum, часто растет в стране киргизов. 86.

Sewruja (севрюга), рыба, из которой извлекают пузырь и икру. 71.

Sir (Сыр), река, которая берет свое начало в горах под городом Ташкентом, впадает в Аральское море и несет с собой много золотоносного песка. 92.

Situation (место), где удобно заложить крепость, где можно найти большие сокровища и драгоценные камни, хан показывает автору. 28. 57.

Sock (Сок), маленькая река под Краснояром (Krasnoyarsk), которая посредственна, и через неё имеется мост. 74.

Soldaten (солдаты), русские больные, перевозятся в 3 шлюпках в город Яик, и на пути в Сакмару подвергаются атаке киргизских разбойников.

вследствие

вследствие чего у русских 2 убитых и 3 раненых. 69. 70. из синбирской полиции. вместе с сержантом нападают на автора в его квартире и тащат его в полицию. 82.

Solennität (празднество) у киргизов, когда необходимо кого-либо угощать. 101. 102.

Sollona (Соллона), река, которая впадает в Чаган между Яицким городком и горами Ольченсирт, в которых она берет свое начало. 73.

Speisegeschirr (посуда) для еды у киргизов только из дерева. 105.

Staatsdiscourse (обсуждение государственных дел), наиболее часто заключается у киргизов в том, что они во время еды рассказывают друг другу о своих набегах и разбоях. 102.

Steinsalz (каменная соль), добывается на реке Яик в трех днях пути от Сакмары, каждый раз вырастает вновь. 70.

Steine, edle (камни, драгоценные), которые автор привез из своего путешествия к киргизам. Иван Кирилов постепенно у него забирает; можно видеть их спецификацию. 77.

Stuten (кобылы), 40 из них были украдены у одного киргиза, и вор был за это наказан. Страница 34.

Supplique (прошение), немецкое, из-за плохого с ним обращения полицеймейстера автор передает в канцелярию Оренбургской экспедиции с ее секретарем Андреем Ивановым (*Andre Iwannoff*). 82. таковых автор передает в течение 44 дней 6 симбирскому воеводе против тамошнего полицеймейстера, однако не может получить на это никакой сатисфакции. 83. несколько раз автор подает полковнику Тевкелеву (*Teffkeleff*) и подполковнику Бахметову (*Bachmetoff*) по поводу своей отставки и невыплаченного жалования. 81.

Sultanin (султанша), первой супруге хана среди всех переданных автором подарков больше всего понравился портрет её сына, находящегося в Оренбурге Ерали Султана. 30.

Satura Sagittalis oder die Pfeilnath (расщеп стрелы) во время киргизского колдовства в нем закрепляется красный флажок из тафты. 19.

Suwunda (Сувунда), горы под Туркестаном, в земле которых якобы имеется довольно много свинца. 91.

Tamerlan

I.

Tamerlan (Тамерлан), см Тимерлек.

Tan Atlack (Тан Атлак), река, возле которой автор на одной из гор встретил следы прекрасной яшмы. 60.

Taskent (Таскент, Ташкент), город, возле которого находятся горы, в которых берет начало река Сыр-Дарья (*Sirfluß*). 92. им владеет Шолбарс, хан благороднейшей и первой киргиз-кайсацкой ораы. 109.

Tatischoff (Татищев), тайный советник, руководящий Оренбургской экспедицией и обладающий, наряду с тонким умом, также и другими качествами, знающий другие науки. Страница 83. 84.

Teffkeleff (Тевкелев), русский полковник при Оренбургской экспедиции, ему автор подает различные доношения относительно своего жалования и увольнительных денег. 81.

Teufel (черт), не смог противодействовать автору во время киргизского гадания. 19.

Thier (животное), неизвестное, подстрелено автором, частично похоже на сурика. 45.

Tiegerkatzen (тигры), их в стране киргизов много 86.

Timerleck (Тимерлек) или Тамерлан, из его рода происходит Абул Тейер Хан. 109.

Toback (табак) киргизы употребляют во время своих угощений и используют при этом странного вида трубки. 106.

Tochter (дочь), самая красивая в киргизской семье едет во время движения каравана на лучшей лошади и ведет отряд своей семьи в лучшем одеянии. 98.

Tractamenten (угощения), как таковые устраиваются киргизами и что при этом наблюдается. 102. 105.

Trank (напиток) из овечьего сыра, каковой киргизы обычно делают во время путешествия, он утоляет жажду. 44.

Trappen (дрофы), обитают в стране киргизов на озерах, куда они прилетают зимой из холодных стран. 90.

Trat (проволока), серебряная, висела на шее у одного мертвого человека, она раскрошилась. 43.

Trifolium (клевер), растет у киргизов в большом количестве. 86.

Trommetarii (одногорбые верблюды), встречаются у киргизов часто. 90.

Trunk (питье), его киргизы избегают, если они разгорячены. 94. из овечьего сыра, употребляется киргизами во время путешествий. 44. они называют его айран. 106.

Tschagan (Чаган), река, в которую впадают Грезнуша (*Gresnuschka*) и Соллона (*Sollona*), и которая впадает в реку Яик (*Jaick*) между Яицким городком и горами Ольченсирт (*Oltschensirt*), откуда она берет свое начало. 73.

Tschemaduroff Jac. Foedrowitz (Чемадуров Як. Фоедрович), подполковник и комендант Оренбурга. 12. не хотел отправлять русского посланника к киргизам, а по просьбе Ерали Султана дал автору разрешение отправиться туда. 15. устанавливает запрет киргизам, на что поступают жалобы. 37. 38. 59. отказывает автору в просьбе о конвое и инструментах, чтобы осмотреть гору, где он обнаружил следы прекрасной яшмы. 60. 61. несправедливо обзывает автора отпетым человеком. 66. взаимодействует с ним. 66. Ему автор указывает место в устье реки Сакмары, которое чрезвычайно подходит для закладки крепости. 68. не выдает автору по доставленному им запечатанному распоряжению лошадей. 72. 73. безосновательно обвиняет киргизов в том, что они напали по пути на больных русских солдат, и поэтому ничего им не дает. 73.

Tschiltzschu (Чилчу), река в Бухарии, которая несет с собой много золотого песка. 92.

Tuleck (Тулек), один из братьев Джамбек Батура. 28. попросил автора наилучшим образом порекомендовать его статскому советнику и обещал через 2 дня прислать старейшин, чтобы посоветоваться с Абул Гейер Ханом. 29.

Tunaitscha (Тунайча), один киргиз, хозяин автора, во время гадания его замотали в белый ситец, и он должен служить столом для колдовских свечей. 19.

Tungauer (Тунгаец), один из этого семейства, по имени Бейхоша (*Beihoscha*), который ранее кочевал с башкирами, был взят в плен автором. 45. снова освобождается, а вместо своей одежды получает взамен рваную одежду киргизов. 49.

Turkestan (Туркестан), возле него расположены горы Савунду (Sawundu), в которых содержится довольно много свинца. 91. Этот город принадлежит хану Шемяки (Schemiaki), возглавляющему среднюю киргиз-кайсацкую орду. 109.

U.

Ufa (Уфа), хотели опустошить киргизы и башкиры, якобы по наущению Оттоманской Порты 12.

Ursache (причина), по которой автор отправился в киргиз-кайсацкое путешествие. 11. почему киргизы слышат вдаль гораздо лучше, чем мы, европейцы. 93. почему у киргизов такие белые зубы. 93.

Unterthanen (подданные), должны доказать свою верность действием. 11. киргизские, с таковыми хан должен обходиться осторожно, и он обязан часто есть вместе с ними. 109. 110.

Urtheile (приговоры) у киргизов обычно сводятся к хорошей порке. 107.

V.

Vergnügen (удовольствие) было испорчено автору, хотя его очень опасные, но счастливо завершенные предприятия у киргизов дали бы повод для оного 84.

Vitriol (квасцы), часто находят в земле киргизов 91. 92.

Vogel Pickurt (Птица беркут), используется для охоты на диких коз. 27.

W.

Wachteln (перепела), часто обитают у киргизов вдоль рек, в траве. 90.

Wachtler (Вахтлер), немецкий хирург, сопровождает автора. 74.

Wasser (вода), плохую киргизы во время своих путешествий обычно не пьют, а возят с собой для этой цели овечий сыр, который они заливают водой, и он на скаку становится за счет этого жидким. 44.

Wappen

Warpen (геръ), обычный киргизский, из чего таковой состоит. 27.

Weg (путь), в Индию, показывает автор для торговли России очень удобным образом. 65.

Weiber (женщины), их каждый киргиз имеет иногда по 3, 4, 5 и столько, за сколько может заплатить. 97. среди них преимуществом перед мужем обладает та, которая родила первого сына; кроме того, как их содержат во всех отношениях. 98. во время путешествия семьи с домашней утварью зачастую едут и беременные, во многих случаях имеют по 2-3 ребенка, которые в это время частично еще сосут грудь, а частично не умеют ни ходить, ни стоять, их перевозят прикрепленными на лошадях. 101. не должны прилюдно есть со своими мужьями и должны выполнять всю работу, седлать лошадей, кормить их и снимать мужей с лошадей, когда те возвращаются. 98.

Wilder Kirschbaum (дикорастущая вишня), вырастает у киргизов высотой приблизительно в 2-3 руки и обычно сторае каждый год вместе с травой. 86. Дикий чеснок, часто встречается в стране киргизов. 86. Дикие лошади, как их ловят, а также их природа и свойства. 89.

Wildpret (дичь), на нее киргизы рассчитывают и поэтому не берут с собой в свое путешествие никакого дорожного провианта. 49. 86. её имеется много различных видов. Стр. 90.

Wilde Schweine (дикие свиньи), их у киргизов имеется много, однако жители их не едят. 90.

Wissenschaften (науки), у киргизов их совсем нет. 94. и они в них так же бестолковы, как и скот. 107.

У.

Ukstrom (Ик), впадает под городом Сакмарой в реку Сакмара. 50. в его устье, в 50 верстах от Сакмары заложена новая крепость. 54.

Uleck (Илек), маленькое озеро, возле него много могил древних язычников и большое количество диких лошадей и коз. 43. река Илек, ее в месте впадения в реку Яик автор преодолел с киргизской стороны. 70.

Z.

Zähne (зубы), у киргизов, сплошь прекраснейшая слоновая кость. и они нужны им единственно лишь для того, чтобы говорить с помощью их 93.

Zauberey (гадание, колдовство), с помощью костей убитого ягненка относительно личности и прибытия автора, является ли оно для киргизов счастливым, 19. его осуществляет на арабском языке мулла, или киргизский священнослужитель, который прорицает по пеплу. 19. у киргизов, чтобы найти правильное решение: как это происходило, 45. 46. за счет одного киргизы узнали, что от статского советника придет хорошее известие. 55.

Zug (выезд) киргизов, у каждого семейства выезд каравана особый, и отряд каждого семейства ведет самая красивая дочь. стр. 98.

Zungurische Calmucken (цунгурские калмыки), их предводитель, контайша (Contaischa) был собственноручно взят в плен Абул Гейер Ханом. 109.

Zwim (пряжа), изготавливается киргизскими женщинами и девушками из жил лошадей. 107.

СОДЕРЖАНИЕ

<u>3</u>	От редактора
<u>12</u>	Год 1736
<u>80</u>	Год 1737
<u>85</u>	Первый отдел
<u>93</u>	Второй отдел
<u>109</u>	Третий отдел
<u>113</u>	Регистр основных материй

Джон Кэстль

Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, хану Киргиз-Кайсацкой Орды

Редактор — Р. В. Петров

Художник — А. Т. Ахмедова

Редактор компьютерной верстки — Е. Э. Щекина

Сдано в набор 16. 12. 97. Подписано в печать 3. 06. 98.

Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. листов 9.07. Усл. кр. отт. 9.18

Тираж 1000 экз. Заказ № 92.

Бесплатно.

Издательский дом «Жибек жолы»

480091, Алматы, Казыбек би. 50

Тел. (3272) 62-11-09, факс (3272) 62-65-01.